

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный социально–педагогический университет»

На правах рукописи

Демидович Татьяна Викторовна

СЕМАНТИКО–СТИЛИСТИЧЕСКИЙ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ

(на материале художественной литературы
о Великой Отечественной войне)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

10.02.01 – русский язык

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е.И. Алещенко

Волгоград – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. СЕМАНТИКО–СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	12
1.1. Место военной лексики, использованной в произведениях о Великой Отечественной войне, в терминологической системе языка	12
1.2. История изучения военной лексики	26
1.3. Лексико–семантическая классификация военной лексики, использованной в произведениях о Великой Отечественной войне	36
1.4. Стилистическая классификация военной лексики языка художественной литературы о Великой Отечественной войне	48
1.5. Стилистические возможности военной лексики в произведениях о Великой Отечественной войне	66
1.6. Выводы.....	80
ГЛАВА 2. ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА	85
2.1. Военная лексика в общем контексте лингвистических, лингвокультурологических и когнитивных категорий	85
2.2. Военная лексика в контексте лингвокультурологических категорий	95
2.3. Лексическая репрезентация военных концептов	112
2.4. Антропоцентрическая парадигма содержания военных концептов	119
2.5. Выводы	127
ГЛАВА 3. МЕСТО ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, В СИСТЕМЕ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ	130

3.1. Метафорическое употребление военной лексики	130
3.2. Употребление военной лексики в составе сравнений	146
3.3. Особенности использования военной лексики в составе фразеологических оборотов	160
3.4. Паремиологические особенности употребления военной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне	174
3.5. Выводы	183
Заключение	187
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	192
СПИСОК СЛОВАРЕЙ, СПРАВОЧНИКОВ	214
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	217

ВВЕДЕНИЕ

Специальная лексика занимает особое место в лексико–семантической системе любого языка. Исследованию специальной лексики¹ посвящены труды многих ученых: В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, А.С. Герда, В.П. Даниленко, В.А. Звегинцева, О.Н. Лапшиной, В.М. Лейчика, Е.С. Никитиной, М.М. Покровского, А.А. Реформатского, А.Я. Шайкевича и многих других.

Выбор для настоящего исследования терминологической системы «Военная лексика» не случаен: это универсальное поле в словарном составе языка, занимающее особое место в лексико–семантической системе, так как относится одновременно и к общенародному слою словарного состава языка, и к лексике ограниченного употребления. Внутри исследуемого поля можно выделить собственно военные термины, военный жаргон, общелитературные слова с военным значением, ситуативные слова, носящие военный характер в литературном контексте. Поле военной лексики разнообразно по семантике входящих в него членов.

До сих пор остается значимой для русского общества тема Великой Отечественной войны, в произведениях о которой активно используется военная лексика, включаясь в систему самых разных отношений. Военная тема породила огромный языковой материал, связанный с армией, военными действиями, боевым оружием. Разумеется, каждый временной отрезок оставлял свой след в военной лексике. «В процессе непрерывной речевой практики народа язык совершенствует свои нормы, вырабатывает более точные средства выражения. Однако бывают отражающиеся на языке моменты особенного общественного напряжения, когда сложившиеся в речевой практике тенденции изменений, так сказать, всплывают на поверхность и становятся очевидными «для невооруженного глаза» наблюдателя. Именно таким периодом были годы Великой Отечественной войны» [Миртов, 1953, с. 102].

¹ В настоящем исследовании понятия «специальная» и «терминологическая» лексика употребляются как синонимичные.

Все это определило неугасающий интерес лингвистов к военной лексике. Изучению исторического развития военной лексики посвящены работы А.К. Абдульмановой, А.С. Будиловича, Д.А. Гарибян, А.И. Генсёрского, В.В. Ильенко, Л.Л. Кутиной, С.Д. Ледяевой, В.И. Максимова, С.А. Мартьяновой, О.Г. Пороховой, Р.И. Сидоренко, Ф.П. Сороколетова, М.Ф. Тузовой, Ф.П. Филина, И.С. Хаустовой и др.

Особенности современной военной лексики и терминологии изучались Л.И. Ахметсагировой, Ю.А. Бельчиковым, Е.В. Брысиной, Г.А. Бучиной, И.А. Ворожейкиной, Л.В. Горбань, Н.В. Егоршиной, Т.Н. Зайцевой, О.А. Захарчук, Т.Г. Кликушиной, А.Н. Кожиним, С.В. Лазаревич, А.В. Миртовым, Л.Б. Олядыковой, Н.М. Орловой, А.В. Степановым, И.М. Чипан и др.

Активизируется интерес к языковым особенностям и языковому оформлению текстов о Великой Отечественной войне (М.И. Иванова, Е.Б. Патракеева, Т.М. Свиридова). Продолжает развиваться концептология «войны» (Л.И. Король, В.Б. Крячко, Т.А. Лавриненко, В.А. Маслова, В.Н. Наседкина, И.И. Стена), что также вызывает интерес, тем более, что о войне писали не только фронтовики, но и военные корреспонденты, и писатели (писательницы), не принимавшие непосредственного участия в боевых действиях.

Известно, что концептуальная система обуславливается, в первую очередь, соотносённостью с национально–культурным сознанием. И здесь немаловажное место занимает образный потенциал военно–терминологической лексики, позволяющий особым образом осмыслить и вербализовать человеческий опыт.

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время практически не представлен отдельный многокомпонентный (семантический, структурный, лексикологический, словообразовательный, стилистический, лингвокультурологический) анализ военной лексики¹ художественной

¹ Под военной лексикой мы понимаем совокупность военных терминов, номенклатурных знаков, профессионализмов, слов и словосочетаний, представляющих собой разговорные варианты военных терминов.

литературы. Настоящая работа посвящена исследованию военной лексики русского языка, использованной в художественных произведениях о Великой Отечественной войне. «Богатство слов и выражений, употреблявшихся в русском языке для обозначения военных понятий, необозримость источников, в которых они зафиксированы, делают чрезвычайно трудной задачу полного охвата всей совокупности относящегося к теме лексического материала» [Сороколетов, 1970, с. 3]. Необходимо дальнейшее углубленное изучение ресурсов военной лексики. Актуальность исследования подчеркивается наличием антропоцентрического подхода к исследуемым фактам языка художественного текста.

Объектом диссертационного исследования является военная лексика в художественных произведениях советских писателей.

Предметом исследования стали семантика и характер использования военной лексики, участие в языковом оформлении русской (советской) культуры, а также образный потенциал военных единиц в художественной литературе о Великой Отечественной войне.

Цель работы – произвести семантический, структурный, лексикологический, словообразовательный, стилистический, лингвокультурологический анализ военной лексики (на материале языка художественной литературы о Великой Отечественной войне).

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Определить место военной лексики, использованной в произведениях о Великой Отечественной войне, в терминологической системе языка. Разработать лексико–семантическую классификацию в соответствии с полученными данными.

2. Описать стилистические возможности военных единиц в художественном тексте, а также их взаимодействие между собой и с другими единицами; показать специфику словообразовательных процессов.

3. Рассмотреть характер участия военных единиц в концептуализации русской (советской) культуры. Охарактеризовать основные концепты военного характера, особенно влияющие на национальное сознание русского народа.

4. Выявить и описать образный потенциал военной лексики в произведениях о Великой Отечественной войне как особый способ вербализации и осмысления национальной картины мира, обусловленный действием экстралингвистических и внутриязыковых факторов.

В основу настоящего исследования положена следующая **гипотеза**: при использовании военной лексики для достижения художественных целей, поставленных автором в произведении, возникают различные стилистические, лингвокультурологические, образные процессы, на базе которых происходит детерминологизация данной лексики.

Цель и задачи данной работы определили выбор следующих **методов и приемов** исследования:

1) метод системного научного описания. С помощью данного метода и, в частности, таких его приемов, как наблюдение, вычленение языковых единиц, классификация, сопоставление, контекстологический анализ, выделены лексемы военного характера, собран фактический материал из художественных текстов о Великой Отечественной войне и проведена классификация военно-терминологической лексики. Прием количественных подсчетов был использован для выявления частотности употребления военных элементов в художественных текстах, а также при работе с картотекой сплошной выборки;

2) стилистический метод при описании способов использования стилистически окрашенных военных единиц в художественном тексте, а также при рассмотрении их взаимодействия между собой и с другими единицами;

3) лингвокультурологический метод с элементами компонентного анализа при описании характера участия военных единиц в концептуализации русской культуры. С помощью данного метода происходит отбор и интерпретация отдельных культурно значимых смыслов и их знаковое кодирование.

Методологической основой исследования являются общелингвистические принципы системности (язык как система, учет взаимоотношений языковых единиц различных уровней) и лингвофилософские идеи антропоцентричности языка (языковая личность в центре внимания культуры и культурных традиций); положение о взаимосвязи языка, познания и культуры, их взаимной обусловленности.

Источниками исследования послужили повести и рассказы о Великой Отечественной войне, в частности: «Навеки–девятнадцатилетние» Г.Я. Бакланова, «А зори здесь тихие...» Б.А. Васильева, «Четвертая высота» Е.Я. Ильиной, «На войне как на войне» В.А. Курочкина, «В окопах Сталинграда» В.П. Некрасова, «Партизанка Лара» Н.А. Надеждиной, «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, «Дни и ночи» К.М. Симонова, «День, вытеснивший жизнь» В.Ф. Гендрякова, рассказы М.Н. Алексева, повести и рассказы К.Д. Воробьева, В.Л. Кондратьева и др.

Выбор художественных текстов для исследования военной лексики обусловлен особенностями рассматриваемых лингвистических единиц, так как в силу их объема и времени написания они, по нашему мнению, дают возможность воссоздать реальную картину функционирования военной лексики в художественной прозе о Великой Отечественной войне.

Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая более 12 000 словоупотреблений (военные термины, военные жаргонизмы, слова, употребляемые ситуативно в качестве специальных наименований), полученная путем сплошной выборки из указанных источников.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые представлено многокомпонентное исследование семантических, стилистических и лингвокультурологических связей военной лексики (терминологической и нетерминологической) на материале языка художественной литературы о Великой Отечественной войне. В ходе исследования разработана классификация терминологической системы «Военная лексика», а также описан образный потенциал военных единиц. Теоретически обосновано системное рассмотрение

военной лексики на разных уровнях языка: лексическом, словообразовательном, фразеологическом.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в изучение русской языковой картины мира, национальной концептосферы, разработку ключевых понятий лингвокультурологии, таких как культурный концепт, код культуры и др. Классификационные данные могут быть использованы для анализа военных единиц при изучении терминологической и жаргонной военной лексики.

Практическая значимость состоит в возможности использования материала исследования в практике преподавания в высших учебных заведениях, в частности, при изучении таких дисциплин, как современный русский язык (лексикология и фразеология), лингвокультурология, когнитивная лингвистика, а также при лингвистическом анализе художественного текста, в школе на уроках русского языка и литературы при изучении стилистики, лексики и фразеологии, а также творчества советских писателей. Полученные данные позволяют определить лингвокультурологические особенности лексических единиц военного характера и более наглядно демонстрируют место специальной лексики в системе образных средств русского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Военная лексика языка художественной литературы о Великой Отечественной войне представляет собой терминологическую систему, в составе которой выделяется 11 тематических групп. Наибольшее количество исследуемых единиц сосредоточено в первых трех группах: «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования», «Материальная база войны, материальные средства», «Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы и приемы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий». Эти тематические группы составляют ядро военной лексики, использованной в произведениях о Великой Отечественной войне.

2. Военная лексика языка художественной литературы о Великой Отечественной войне обладает большими стилистическими возможностями. Она

активно взаимодействует с общеязыковыми словами, в процессе чего происходит детерминологизация военной лексики. В художественных произведениях наблюдается языковая асимметрия.

3. Концепт «война» является ценностным концептом русской (советской) культуры. Он широко представлен в художественной литературе о Великой Отечественной войне, в языке которой репрезентируется посредством военной лексики. Наиболее часто средствами апелляции к концепту «Война» выступают слова *бой, атака, наступление, оборона*, которые составляют ядро и ближнюю периферию исследуемой ментальной единицы.

4. Метафоры и сравнения, включающие в свой состав военную лексику, строятся по типичным общеязыковым моделям. Военные единицы активно участвуют в анимистических процессах (в составе антропоморфных и зооморфных метафор и сравнений), в результате чего создается особый экспрессивный подтекст в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне.

5. Военная лексика, включаясь в состав фразеологических и паремиологических единиц, получила широкое распространение в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне. В военной прозе фразеологизмы и поговорки используются в двух ипостасях: 1) имеют в своем составе военные лексемы, 2) содержат общеязыковые слова, находящиеся в военном контексте.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены на V Международной научно–практической конференции «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире» (Волгоград, 2010), Всероссийской научно–практической конференции, приуроченной к 70–летию победы в Сталинградской битве (Волгоградская Академия МВД РФ, 2013), XXIV областных краеведческих чтениях, посвященных 70–летию Сталинградской битвы (Волгоградский областной краеведческий музей, 2013), Международном научном семинаре «Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 90–летию со дня смерти И.В. Ягича» (Петрозаводск, 2013), Межрегиональной конференции по

вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации «Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, социальный, историко–культурный, дидактический контексты функционирования» (ВГСПУ, 2013), XII Всероссийской научной конференции молодых ученых «Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии» (Нижний Новгород, 2014), Международной конференции «Каспийский круг», посвященной 70–летию Победы в Великой Отечественной войне (ВГСПУ, 2014), проводимых ежегодно Волгоградским государственным социально–педагогическим университетом международных конференциях молодых ученых «Кирилло–Мефодиевские традиции на Нижней Волге и в Подонье» (2011–2014 гг.), городском фестивале «Дни русского языка» в Волгограде «Трубачевские педагогические чтения» (лицей № 8 «Олимпия», 2014).

Основные положения исследования отражены в 10 публикациях, три из которых представлены в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. Общий объем опубликованных работ составляет 6, 2 п.л.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованной литературы, словарей, справочников и источников.

ГЛАВА 1. СЕМАНТИКО–СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

1.1. Место военной лексики, использованной в произведениях о Великой Отечественной войне, в терминологической системе языка

Вопрос о месте терминологии в системе общего языка остается дискуссионным в современном языкознании. Языковеды делят словарный состав языка на общую и специальную лексику и относят терминологию к специальной лексике, считая ее вторичной по отношению к общей на основании того, что она создается искусственно. Но «нельзя думать, что между терминологией и нетерминологией существует непроходимая пропасть, что термины состоят из иных звуков и не подчиняются грамматическим законам данного языка. Если бы это было так, то терминология не принадлежала бы данному языку и вообще представляла бы собой другой язык» [Бучина, 2003, с. 23].

Терминология любой области знаний – это неотъемлемая часть словарного состава языка. Она не развивается изолированно, а вступает в отношения с другими пластами лексики. Здесь происходят практически те же лексико–семантические процессы, что и в общей лексике, но со своими специфическими особенностями. «Исследование терминологии какой–то одной сферы деятельности представляет определенные преимущества в смысле возможностей большей детализации в изучении лексических элементов, а также позволяет заглянуть в «глубину» данной подсистемы словаря, понять, как влияют постепенные количественные накопления в специальном словаре на внутренние отношения составляющих его лексических единиц» [Ледяева, 1980, с. 4].

Большинство исследователей выделяют *терминологию и терминосистему* Первая область сложилась стихийно, ее компоненты в некоторой степени

неструктурированы. Она представляет собой совокупность терминов, выделившихся из лексико–семантической системы языка в целом (Лейчик, 1979). Р.Ю. Кобрин понимает под терминологией «совокупность слов и словосочетаний, обозначающих специальные научные и технические понятия и служащих для осуществления коммуникации в данной области» [Кобрин, 2003, с. 38]. В состав терминологии могут включаться термины–синонимы, многозначные термины, индивидуально–авторские (Сложеникина, 2013). Терминосистема – результат целенаправленного, принудительного создания (Лейчик, 1979). Терминология со временем преобразуется в терминосистему. «Терминологическая система – упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними» [Кобрин, 2003, с. 38]. Ю.В. Сложеникина выделяет среди слов ограниченного употребления термины, номенклатурные обозначения, профессионализмы и жаргонизмы (Сложеникина, 2013).

Возникает вопрос, каковы критерии отграничения слова от термина. Большинство лингвистов считает, что отличие слова от термина заключается в том, что термины, прежде всего, связаны с понятиями какой–либо отрасли знаний. Так, Б.Н. Головин пишет: «Значение слова–термина соотносит его с понятием; значение слова–нетермина соотносит его не только с понятием, но и с представлением, эмоцией, волевым импульсом, эстетическим переживанием и другими состояниями сознания» [Головин, 1980, с. 10].

Чаще всего терминами называют слова более или менее замкнутых лексико–семантических групп, несущих номинативную функцию. Большой академический словарь дает следующее определение слова «термин»: «1. Слово (или сочетание слов), обозначающее строго определенное философское, научное, техническое и тому подобное понятие» [БАС, т. 15, с. 331 – 332]. С. Ульман все слова языка считает терминами, но разделяет их на две группы: специальные термины, или конкретные, определенные слова, и общие термины, общие, неясные слова (Ульман, 1962).

Большинство исследователей признают, что термины отличаются от общеупотребительных слов. Однако они по–разному подходят к вычленению

термина из общего состава языка. Традиционным является функциональный подход к проблеме разграничения термина и слова. У истоков этого подхода стоял Г.О. Винокур, определивший, что термин – это не особое слово, а слово в особой функции (Винокур, 1939). Такого же взгляда придерживается и Е.М. Галкина–Федорук, считая, что термины – это просто слова в особой функции, которая заключается в номинативной направленности термина – функция названия специального понятия (Галкина–Федорук, 1962). А.А. Реформатский признает, что критерием при разграничении термина от нетермина должна быть прежде всего специальная либо неспециальная область употребления данного термина (Реформатский, 1961). В.В. Виноградов считает, что термин не обладает лексическим значением в «бытовом» понимании этого слова (Виноградов, 1977).

Ф.П. Сороколетов, вслед за Г.О. Винокуром и Е.М. Галкиной–Федорук, принимает в качестве рабочего определения термина не особое слово, а слово в особой функции наименования специального понятия, предмета или явления и говорит о том, что «обычно лексическое значение слова приближается то к одному, то к другому полюсу. Слова неспециальные отличаются от терминов тем, что за первыми стоят научно необработанные понятия, обладающие обобщением первичного характера» [Сороколетов, 1970, с. 27]. Ученый придерживается также мнения В.А. Звегинцева, который утверждает, что «научно и логически обработанные понятия, приобретающие терминологические значения, нередко формируются на основе слов «обычного» языка, используя при этом итог их «языкового», научно не целеустремленного обобщения» [Звегинцев, 1957, с. 113]. В.А. Звегинцев пишет о том, что «в пределах одного и того же слова уживаются логические и научно отработанные понятия с «обычными» лексическими значениями. Это может привести к омонимии, но вместе с тем логическое понятие нередко сохраняет смысловые связи с другими элементами лексического значения, усложняя тем самым, смысловую структуру слова» [там же]. Мы придерживаемся данного мнения, соглашаясь с тем, что «лингвистическое значение терминов не обладает естественной для обычных слов потенцией к

развитию <...> эта группа слов подлежит выделению и особому рассмотрению, которое, разумеется, должно также учесть и наличие переходных случаев, объединяющих в себе особенности «обычных» слов и терминов» [там же, с. 151–152].

А.С. Герд пишет, что «в идеале сначала на логико–понятийной основе должна быть построена полная система знания для данной науки и лишь потом следует ставить вопрос о том, какие сегменты текста в плане выражения соответствуют единицам этой системы в плане содержания» [Герд, 1981, с. 36]. Ученый не ставит вопрос: термин перед ним или нет. Речь идет о том, может ли данный фрагмент текста, слово, сочетание слов быть соотнесено с каким–либо научным или техническим понятием, отраженным в ранее смоделированной логико–понятийной системе. При таком подходе нет надобности в дискуссии о том, являются ли слова терминами или нет, все зависит от того, «с какой единицей в общей структуре данного логико–понятийного поля они соотносимы» [там же]. Если каждое из этих слов, независимо от их стилистической окраски, области употребления и субъективного отношения к ним автора, может быть соотнесено с тем или иным понятием в логико–понятийной системе, то все они должны быть включены в классификацию и считаться терминами. Другой вопрос заключается в их подаче. Иными словами, терминологические значения возникают в результате обозначения словом научного понятия и представляют собой один из типов лексического значения слова. Ю.В. Сложеникина называет главным признаком терминологизации слова наличие дефиниции, точного, логического, краткого объяснения содержания слова, его значения и смысла. «Дефиниция представляет собой итог осмысления научного понятия» [Сложеникина, 2013, с. 21].

Таким образом, существуют определенные сложности в выделении специальной лексики и разграничении термина и нетермина. Однако можно утверждать, что по своим формальным показателям термин и слово имеют много общего: использование слова в особой функции, терминологичность значения, что позволяет отнести лексему к разряду терминов. Терминологизация,

собственно, является специализацией значения общеязыкового слова. Это происходит постольку, поскольку в семантической структуре общепотребительного слова существуют опорные смысловые моменты для будущих научных обобщений. Исключительность терминов заключается в том, что их значение адекватно научному понятию. Терминологизация слов связана с языковой номинацией, однако именно в сфере терминологической номинации наряду с коммуникативной функцией языка определенно проявляется его познавательная и системообразующая значимость. «И термины, и слова (и словосочетания) общего употребления способны называть предметы и выражать понятия о них в зависимости от сферы и коммуникативных задач своего функционирования» [Головин, 1987, с. 39].

В настоящее исследование вовлечены военные термины и профессионально–жаргонная лексика, представленная в художественной литературе о Великой Отечественной войне. Под военным термином мы понимаем «специальное наименование, имеющее простую или сложную формальную структуру (словосочетание), соотнесенное с определенным понятием из области военного дела (военной науки, техники, делопроизводства, жизнедеятельности войск и т.д.), в семантической структуре которого непременно наличествует сема «военный», «боевой» [Гарбовский, 1988, с. 48]. Обязательным условием отнесения единицы (лексемы, словосочетания) к классу терминов является ее включение в состав профессиональных военных словарей. С этой точки зрения военная терминология, как и всякая другая, имеет определенную внутреннюю организацию и представляет собой «совокупность единиц терминологической номинации понятий военной науки» [Пыриков, 1989, с. 102]. В.П. Коровушкин дает следующее определение военного термина: «это стандартная лексическая или синтаксическая номинативная единица с нейтральной коннотацией, обозначающая общевойсковое или военно–специальное научно–техническое понятие и функционально закрепленная за профессионально–корпоративной областью военного дела конкретного общества и соответствующей военной сферой функционирования национального языка в

военном социуме. Военные термины регистрируются в военных толковых или энциклопедических словарях без социально–стилистических и стратификационных помет» [Коровушкин, 2005, ч. II, с. 132].

К военной лексике нетерминологического плана относим жаргонизмы, сленг военных: разговорную и просторечную лексику. Эту группу составляют неоднородные по своей функциональной характеристике лексические единицы, эмоционально окрашенные элементы военной лексики, которые чаще всего являются стилистическими синонимами военных терминов. Все они сгруппированы на основе следующего функционально–семантического критерия: эти единицы характеризуют сферу неофициального профессионального общения. Разумеется, нет абсолютной границы между терминологической и нетерминологической лексикой, между военной лексикой в целом и лексикой общеязыковой, просторечной, употребленной в военном контексте.

Терминология является частью общелитературного языка, служит источником пополнения его словарного состава, в то же время обогащая его словами, которые получают специальное значение, не свойственное им в общем употреблении. Происходит постоянное взаимодействие и обмен элементами. «Терминология является подсистемой лексики литературного языка, системный характер которого наиболее полно выражается именно в терминологии» [Палютина, 2002, с. 86].

«Военная терминосистема, – пишет В.П. Коровушкин, – это вся совокупность военных терминов, имеющих в лексической системе литературного языка, как основной автономной формы существования национального языка. Терминосистема функционирует как один из лексических компонентов экзистенциальной формы языка и может быть сопоставлена на данном уровне только с соответствующим компонентом лексической системы военного социолекта» [Коровушкин, 2005, ч. II, с. 133], которая включает в себя четыре основных компонента: военное аргю, военный жаргон, военные коллоквиализмы и военные вульгаризмы, а также отдельные элементы смежных профессиональных и корпоративных жаргонов [там же, с. 134].

Терминологическая система «Военная лексика» обладает всеми признаками локальной системы в целом, такими как: наличие множества языковых элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и образующих единую целостность. Компоненты системы существуют не изолированно, но в противопоставлении с другими элементами. Ко всему прочему, важным показателем является то, что система взаимодействует с окружающим миром познавательной деятельности человека, что также доказывает, что военная лексика является именно терминологической системой.

Если рассматривать военную терминологическую лексику в плане ее соотношения с лексикой общенародного языка, то можно легко заметить их глубокую связь. Например, термин *передний край обороны* «условная линия, соединяющая ближайшие к противнику окопы для стрелков и огневых средств или окопы (позиции) для танков и боевых машин пехоты (бронетранспортёров) подразделений и частей 1-го эшелона» [СВЭ, т. 6, с. 282] имеет следующие синонимы из терминологической и общеупотребительной лексики: *передовая линия обороны, линия обороны, передовая линия фронта, передняя линия, передовая, передок, край*. Термин *очередь* «ряд выстрелов из автоматического огнестрельного оружия, произведенных в один прием» [БАС, т. 8, стб. 1797] в художественных произведениях имеет обширные синонимичные словосочетания и слова: *пулеметная очередь, пулеметная струя, пулеметная строчка, пулеметный веер, огневая пулеметная завеса, автоматная очередь, трассирующая очередь, веерок трассирующих, трасса, пулевая очередь, пулевой веер, пулевая пурга, очередишка*. Многие слова, употребляемые для обозначения определенных понятий, связанных с военными действиями, не являются специальными в полном смысле этого слова: *стрельба – стенка, расход* («Ставить к стенке (стене) – расстреливать; синоним: выводить в расход» [ФС, с. 451]), *пальба, устроить тар-рарах: – Ничего, – продолжал Толик. – У капитана заговорит. А не расколется – к стенке!* [ВК, с. 206], *– Есть немца – в расход, – погромче повторил Сашка* [ВК, с. 210], *Куда им деваться, если придется все-таки тар-рарах устроить* [ВН, с. 75].

Расширение объектной базы вытекает из состояния военной лексики в произведениях о Великой Отечественной войне, так как значительное количество лексических средств, употребляемых при описании военных ситуаций, представляет собой переходные явления от общей (неспециальной) лексики к профессиональной. Это связано, прежде всего, с историческими условиями, в которых протекал процесс формирования военной терминологии, – Великой Отечественной войной, «что нашло социально стимулированное выражение в русском языке и прежде всего в словаре. Интересы фронта охватили все стороны производственной и духовной деятельности носителей русского языка. На страницах газет, журналов, публицистических и художественных произведений, в сводках Совинформбюро и в радиопередачах активизировались слова и выражения, определяющие боевую деятельность войск и боевую поступь тружеников тыла» [Кожин, 1975, с. 48]. Понятия и соответствующие им термины становились известны всем людям. «В силу этого не было отчетливо выраженной замкнутости профессионального словоупотребления. Чем актуальнее значимость той или иной профессиональной деятельности в жизни коллектива, чем большее число людей вовлекается в сферу этой деятельности, тем легче и свободнее понятия, явления, действия и процессы, связанные с этой деятельностью, завоевывают всеобщее распространение и известность. Нужды общения приводят к формированию профессиональной лексики, слабо отграниченной от словарного состава других сфер языка» [Сороколетов, 1970, с. 4]. В.М. Лейчик отмечает, что «подавляющее большинство лексических единиц, которые мы признаем терминами, стало таковыми, будучи вовлеченными в терминологию или терминосистемы из сферы неспециальной лексики» [Лейчик, 2009, с. 28].

Примечательно, что исследователи, изучающие историю формирования военной лексики предыдущих эпох (Ледяева, 1954; Сороколетов, 1970; Кожин, 1975), также говорят о слабо выраженной изолированности военного словоупотребления, так как большая часть военной лексики развивалась в бытовых условиях, когда люди были вынуждены постоянно заниматься военным делом или работать на пределе сил, как в бою. Таким образом, использование

общеупотребительных слов при обозначении военных реалий продолжает оставаться наиболее яркой и характерной чертой военной лексики.

В отличие от других терминологических систем, изменения в военной лексике значительно легче приурочить к определенной эпохе. Эти изменения выражаются в количественном росте словарного состава за счет образования новых слов на базе уже существующих, иноязычных заимствований, в качественных преобразованиях в семантической системе уже известных слов, в изменении особенностей их употребления и функционирования, в изменениях во фразеологических единицах, включающих эти слова. Обогащение лексики новыми словами происходит, в первую очередь, в терминологических группах, «именно в профессиональных сферах появляются новые понятия и явления, действия и процессы, именно здесь прежде всего и чаще всего происходит в сознании говорящего коллектива открытие новых сторон действительности и объективизация их путем наименования» [Сороколетов, 1970, с. 5].

Считается, что терминологизация – это адаптация общеупотребительных слов в терминосистеме, происходящая на основе сужения его специализации или трансформации значения при метафорическом переносе. Однако не все слова общего употребления переосмысляются в той или иной терминологии. Некоторые слова одинаково используются и в терминологии, и в бытовой речи, и в художественной литературе. В целом, в основу дифференциации военной лексики кладется принцип степени функциональной ограниченности использования той или иной лексической единицы. Так, А.Н. Колгушкин выделяет в составе военной лексики общеупотребительную, военную (специальную) и общенаучную лексику [Колгушкин, 1970, с. 10]. А.Н. Кожин считает, что, кроме военных терминов и общенаучных слов и выражений, содержание понятия «военная лексика» включает также номенклатурные знаки и профессионализмы, т.е. слова и выражения, представляющие собой разговорные варианты военных терминов, например, *самоходка* или *самоход* как разговорный двойник термина *самоходная артиллерийская установка* [Кожин, 1985, с. 7 – 8].

На практике по поводу включения того или иного слова в круг военной терминологической лексики часто возникают проблемы в связи с лексикологическими характеристиками слова, т.е. его распространенностью, сферой употребления, происхождением, стилистической окраской, формой и т.п. Общенаучная лексика, например, включается в терминологические группы очень ограниченно, так как она не является характерной только для определенной терминологической системы. То же можем сказать и о межотраслевой лексике. Например, термин *дислокация* характерен, помимо военного дела (размещение воинских частей, соединений – [СВЭ, т. 3, с. 196]), для медицины, кристаллографии, географии и других наук; термин *батарея* (основное огневое и тактическое подразделение в артиллерии [СВЭ, т. 1, с. 406]) – для металлургии, электротехники, шахмат и др.

Ограниченно включаются в терминологию диалектизмы. «Диалектизмами с точки зрения терминоведения следует считать слова, которые осознаются носителями данного языка в конкретной терминосистеме как областные» [Герд, 1986, с. 39]. В литературном языке много слов, которые проникли в него из диалектов, но которые ничем не отличаются от других и не осознаются нами как диалектные. Мы согласны с мнением ученого о том, что включение или невключение этих слов в терминологическую классификацию может обсуждаться, только если в данной терминологии рядом с такими словами функционируют их нейтральные синонимы–дублиеты. Однако по нашим наблюдениям, диалектных слов в военной терминологии в текстах о Великой Отечественной войне крайне мало (0,01 %).

В данное исследование включаются сокращенные слова (аббревиатуры) (и сочетания их со словами), употребляемые в военной терминологии, выступающие в исследуемых текстах как имена нарицательные, если они обозначают то или иное понятие: например, *ПНШ* – помощник начальника штаба, *АИБ* – армейский инженерный батальон, *СВТ* – самозарядная винтовка Токарева, *ППШ* – пистолет–пулемет Шпагина и т.п.

Что касается профессиональной терминологии, употребляемой в разговорной речи (в т.ч. и в разговорах военных между собой), можно согласиться с мнением С.Д. Шелова, который пришел к выводу, что профессионализмы отличаются от терминов принадлежностью к разговорной речи, определенной ненормированностью, наличием экспрессивно–эмоциональных коннотаций (Шелов, 1984). Это, например, такие слова, как *лимонка* (ручная граната), *кубарь* (знак различия офицерского состава), *гражданка* (территория, находящаяся не в зоне военных действий) и др. Такие слова также могут подаваться в исследовании рядом с основными терминами.

Сложным является вопрос о так называемых речевых, текстовых номинативных терминах, которые по стилистической окраске и структуре ничем не отличаются от основных общепринятых. Их нельзя отнести ни к профессиональным терминам, ни к областным. Часто это сокращенные, упрощенные формы: *командир* – вместо *командир дивизии, батальона, начальник* – вместо *начальник штаба, машина* – вместо *танк*, и др. В художественных текстах встречается множество таких терминов, так как писателю, чтобы быть понятым, необязательно постоянно употреблять их в полной форме (часто они состоят из двух и более полнозначных слов), большинство людей так или иначе употребляли военную лексику и были с ней хорошо знакомы.

Связь между профессиональным и общим словоупотреблением заметна и в системе глагольной лексики. Например, термин *стрелять* имеет следующие варианты синонимичного употребления из терминологической и общеупотребительной лексики, в том числе и интенсивы: *бабахнуть, прихлопнуть, прихватить, резануть, угостить, шпарить, врезать, хлобыстнуть, поливать, пулять*. Лишь контекст позволяет говорить о «военном» употреблении некоторых глаголов, то есть об их специальном значении: ... *Васюков сонно и безразлично сказал: – Шарахнуть бы по ним залпом, что ли!* [В, с. 187], *Приподняться Сашка боялся – немец, наверно, нет–нет да оглядывается. Если заметит, то резанет из автомата...* [ВК, с. 191], *Под ноги резанула пулеметная струя, как черту по пыли провела. Пехотинец упал* [Б, с. 19], ... *ротный покачал*

головой: порядочно до рожи, могут пулеметом **прихватить**, место–то открытое [ВК, с. 194], ... может, трибунал, а может, комбат в горячах **прихлопнет**? Есть у него такое право – война же! [там же, с. 216], Дальше не побежал – нельзя! Если приметил его фриц, то **хлобыстнет** поперед его, **хлобыстнет** наобум, но может и прибить... [там же, с. 221], Только теперь немец так быстро не отстает, **поливает** и **поливает**... [там же, с. 225], Безостановочно **тарактя** из автоматов, поводя ими во все стороны, они молча и отрешенно пошли вдоль улицы вперед, неспешно перелезая через груды кирпича и продолжая **поливать** из автоматов окна, развалины – всюду, где мог затаиться враг [КК, с. 191], Чего надумал фриц? Вдруг наступать? Вот незадача! Не дает уйти, гад, **шпарит** и **шпарит** [ВК, с. 227], – Эх, снарядов нет, показал бы я им, как рыть у нас под носом. А я вот попытался утром покопаться, сразу из минометов **шпарить** стали. И откуда у них столько боеприпасов [ВН, с. 131], Да и для немца примета – новенькие. Вот и **угостил** их сразу. Это он любит – ошеломить необстрелянных, примять страхом [ВК, с. 229].

В таких условиях трудно говорить о военной терминологической системе. Данные примеры наглядно показывают, что в период Великой Отечественной войны военная терминологическая лексика не была замкнута и изолирована в своем профессиональном использовании. Употребление военных единиц продиктовано конкретными историческими и социальными условиями существования языкового общества. Поэтому противопоставление терминологической и нетерминологической военной лексики, ограниченной или неограниченной использованием в профессиональной военной сфере является объективно сложным и часто противоречивым.

В Большом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой называются следующие признаки термина: системность, наличие дефиниции (для большинства терминов), тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность» [БЭС, с. 508 – 509]. Эти свойства, считает В.Н. Ярцева, реализуются только внутри терминологического поля, выйдя за пределы которого, термины

детерминологизируются, то есть переходят в разряд общеупотребительных слов. В период становления термина и терминологической системы наиболее сильны субъективные факторы, которые затем существенно уменьшаются или вовсе исчезают. К вышеперечисленным признакам термина А.С. Герд относит: прямое значение, номинативное, конструктивно и контекстуально не обусловленное, точность, определенность, краткость, правильную мотивацию, отсутствие образности и модальности, отсутствие синонимов, омонимов и т.д. [Герд, 1981, с. 13]. Ученый считает, что термин «полностью обусловлен системой понятий данной науки; вне системы понятий данной науки термин не существует» [там же, с. 14]. Не все исследователи с ним согласны: «Признаки, обычно приписываемые терминам и терминологии в целом: точность значения, однозначность, системность, отсутствие синонимии и т.п. – не более как их тенденция или их желательные качества, или, наконец, требования к «хорошей» рационально построенной терминологии» [Моисеев, 1970, с. 138].

Б.Н. Головин считает, что «анализ различных терминологий, осуществленный разными авторами, ставит под сомнение правомерность предъявления к терминам рассматриваемых требований, поскольку значительная часть реально функционирующей терминологии этим требованиям не отвечает, но тем не менее продолжает обслуживать соответствующие отрасли знания» [Головин, 1981, с. 2]. Таким образом, нельзя говорить об однозначности термина, в реальности термин часто оказывается многозначным и синонимичным. Однако это касается тех ситуаций, когда термин выходит за пределы одной терминосистемы. Что касается краткости термина, то здесь можно отметить следующее: считается, что «идеальный» термин должен быть краток, тем не менее «термин может состоять из двух, трех и большего числа полнозначительных слов, и такая «некраткость» термина – общее правило, а во все не исключение из него» [там же, с. 15]. Оптимальная длина и оптимальная структура термина определяются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Чем более давнюю историю имеет наука, тем больше вероятность содержания в ней протяженных терминов. Стилистическая

же окраска термина определяется, прежде всего, его контекстом. Образность может как препятствовать пониманию термина, вызывая ассоциации с реалией, давшей название новому понятию, так и способствовать осмыслению и пониманию сущности понятия, что позволяет увидеть его связь с базовым представлением. Все вышесказанное можно отнести и к военной терминологии.

1.2. История изучения военной лексики

Ф.П. Филин пишет: «В нашей оригинальной письменности имеются сотни военных терминов и специальных выражений, которые в целом представляли развитый профессиональный язык военных в Киевской Руси. Однако этот профессиональный язык корнями своими был теснейшим образом связан с общеразговорной и литературной речью, составлял часть ее. Военное значение многих терминов определялось лишь контекстом речи» [Филин, 1949, с. 166]. Во всех терминологиях существуют наименования, ставшие терминологическими в результате метафорического переноса значений общеупотребительных слов. Это объясняется тем, что ранее терминология была не столь автономной, как в настоящее время, что «в более ранние периоды эпохи истории языка разница между словом и термином по сравнению с современной речью была менее значительной. Чем ближе к нашему времени, тем все более увеличиваются в своем составе и совершенствуются в своей структуре слова–термины» [там же, с. 62].

Одной из первых попыток описания военной лексики древнего общеславянского языка явилась работа А.С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным». Многие выводы и наблюдения автора сегодня, естественно, подлежат пересмотру. Тем не менее, по признанию многих лингвистов, работа А.С. Будиловича стала заметным событием в русской исторической лексикологии. В гл. XIII работы А.С. Будиловича, посвященной анализу слов, обозначающих «занятия, промыслы и ремесла с относящимися к ним орудиями», рассматриваются термины военного дела: *война, рать, бой, битва, борьба, брань, победа, поражение, плен (полон), мир, покой, оружие, нож, секира, топор, брадва* (то же, что топор, секира), *меч, корда* (короткий меч), *тесак, острие, тылье* (тупой конец оружия), *обух, черен* (рукоятка), *рукоять, ножна, похва* (ножны), *жезл, батог* (палка), *костыль, клюка,*

посох, палица, шестопер (древнерус., булава), *чекан* (топор), *молот, кладиво* (молот), *рогатина, копье, сулица* (копье), *ратище* (древко, копье), *лук, самострел, тетива, стрела, шип, тул* (колчан), *праца* (устройство для метания, веревка с петлей), *пушка, пуля (куля), броня, шлем, шишак* (шлем), *щит*. Всего 53 слова.

Ф.П. Филин в докторской диссертации «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)» (Филин, 1949), анализирует некоторые разряды военной лексики и фразеологии, однако не ставит перед собой задачи полностью и всесторонне охватить этот лексический пласт и ограничивается только летописным материалом, приходя к выводам об общности военной терминологии для всех восточных славян.

По материалам летописей и ряда воинских повестей исследует военную лексику С.Д. Ледяева в кандидатской диссертации «Военная лексика в древнерусском языке XI–XIII вв.» (см. об этом: Сороколетов, 1970). Проанализировано 315 слов и выражений, относящихся к военной терминологии. Исследуемые слова рассматриваются с семантической стороны, словообразовательной, фразеологической. Уделяется внимание также вопросам синонимии в системе военной лексики и фразеологии. Затрагивается вопрос о происхождении военной лексики. Той же проблематике посвящена кандидатская работа М.Ф. Тузовой «Русская военная лексика 2–ой половины XVII–первой половины XVIII в» (там же).

В качестве объекта исследования военная лексика привлекалась в работах А.К. Абдульмановой, Д.А. Гарибян, В.В. Ильенко, Л.Л. Кутиной, В.И. Максимова, С.А. Мартьяновой, О.Г. Пороховой, Р.И. Сидоренко, И.С. Хаустовой. Особенности современной военной лексики и терминологии изучались Л.И. Ахметсагировой (фразеология военного дела), Ю.А. Бельчиковым (военные термины в публицистическом стиле), Е.В. Брысиной (фразеологическая активность военной лексики), Г.А. Бучиной (метафорическая сторона военных слов), И.А. Ворожейкиной (военный сленг), Л.В. Горбань (военно–морская лексика), Н.В. Егоршиной (ономасиологический аспект военной лексики), Т.Н. Зайцевой (лексико–стилистические средства единиц военного характера),

О.А. Захарчук (военный жаргон), Т.Г. Кликушиной (категория оружия), А.Н. Кожиным (структурно–семантические особенности военной терминологии), С.В. Лазаревич (семантико–словообразовательный анализ военного жаргона), А.В. Миртовым (морфологические категории военных единиц), Л.Б. Олядыковой, Н.М. Орловой (морская лексика), А.В. Степановым, И.М. Чипан (лексика подводного флота) и др.

Так, в классификации Ю.Н. Караулова военная лексика распределена между тематическими группами «национальная оборона» и «война» в рамках подраздела «Человек как общественное существо» [Караулов, 1976, с. 47, 248 –253]. В.В. Морковкин выделяет несколько иные тематические группы в разделе «Человек как общественное существо», связанные с военной сферой: «межгосударственные отношения» и «вооруженные силы и вооружение» [Морковкин, 1985, с. 279, 329 – 330]. О.С. Баранов объединяет все слова военной сферы в понятийное поле «Армия» в подразделе «Общество» [Баранов, 1995, с. 598 – 604].

А. Н. Кожин выделяет следующие группы «общевойсковых терминов» [Кожин, 1975, с. 48 – 58]:

1. Слова, обозначающие лицо по роду боевой деятельности (отношение к оружию, подразделению, виду военной службы и воинской специализации): *автоматчик* – боец, вооруженный автоматом (автоматическим огнестрельным оружием, обладающим большой скорострельностью); *артиллерист* – тот, кто служит в артиллерии; *минер* – специалист по минированию; *минометчик* – тот, кто служит в минометных частях и подразделениях; *пулеметчик* – тот, кто служит в пулеметных подразделениях, а также тот, кто обслуживает пулемет; *сапер* – тот, кто служит в военно–инженерных формированиях, кто занимается саперным делом; *снайпер* – меткий стрелок; *связист* – тот, кто служит в войсках связи; *танкист* – тот, кто служит в танковых войсках, член танкового экипажа и др.

2. Слова, определяющие виды войсковых формирований: *батальон*, *бригада*, *дивизион*, *дивизия*, *батарея*, *отделение*, *взвод*, *полк*, *рота*, *эскадрилья*.

3. Слова, квалифицирующие служебно–должностное положение военнослужащих: *рядовой, сержант, старшина, лейтенант, капитан, майор, подполковник, полковник, генерал, адмирал, командир, командующий*.

4. Слова, обозначающие боевое оружие, боевую технику: *автомат, винтовка, гранатомет, миномет, огнемет, пулемет, бомбардировщик, истребитель* – боевой самолет, *миноносец, самолет–разведчик, самолет–снаряд, танк, тральщик* – военный корабль.

5. Слова, обозначающие средства поражения: *авиабомба, бомба, граната, мина, пуля, снаряд, фугас* – заряд взрывчатого вещества большой разрушительной силы, *шрапнель* – артиллерийский снаряд для поражения живой силы противника.

6. Слова, определяющие оперативно–тактические понятия боевой деятельности войск: *атака* – удар по живой силе и огневым средствам противника с целью их уничтожения; *бомбардировка* – нападение бомбардировочной авиации на объекты противника; *бой* – решительное столкновение частей, подразделений, соединений воюющих сторон для достижения победы; *контратака* – переход обороняющихся войск в атаку против наступающего противника; *марш* – организованное перемещение частей и подразделений в указанный командованием район; *наступление* – боевые действия, имеющие определяющее значение в достижении победы над противником; *оборона* – боевые действия для отражения наступающего противника, сохранения занимаемых позиций и подготовки к переходу в решительное наступление; *отход* – боевые действия, осуществляемые по приказу старшего начальника с целью отвода войск с занимаемых позиций для решения определенных оперативно–тактических задач; *поиск* – действия наземной разведки при непосредственных контактах с противником; *стрельба* – ведение огня с целью уничтожения и деморализации противника средствами стрелкового оружия, минометов, артиллерии.

7. Фортификационные сооружения: *блиндаж* – сооружение для защиты живой силы и боевой техники от пуль, снарядов, мин, авиабомб; *дот* – долговременная огневая точка; *окоп* – сооружение полевого типа для укрытия

живой силы и боевой техники, а также для размещения огневых позиций; *позиция* – участок местности, занимаемый войсками; *траншея* – оборонительное сооружение в виде узкого, длинного и глубокого рва, имеющего ломаное или криволинейное начертание; *щель* – временное укрытие от осколков снарядов и авиабомб в виде узкой траншеи.

Исследования в рамках данной работы показывают, что некоторые военные единицы нуждаются в уточнении, так как являют собой примеры неоднозначности военной терминологии. Например, А. Н. Кожин говорит о том, что «минер» – это специалист по минированию, а «сапер» – тот, кто служит в военно-инженерных формированиях, кто занимается саперным делом. В «Словаре русского литературного языка» и в толковом словаре Д.Н. Ушакова читаем: «Минер (воен.) – специалист по минному делу, расстановщик мин» [БАС, 6, стб. 1010], «Сапер (воен.) – военнослужащий инженерно-строительных войск» [УТС, с. 611]. Однако в словаре С.И. Ожегова содержится статья: «Минер – военнослужащий саперных частей, специалист по минированию и разминированию» [ТСРЯ, с. 357], «Сапер – военнослужащий инженерных войск» и как пример дается фраза: «Сапер ошибается один раз (о минерах)» [там же, с. 697]. В военном энциклопедическом словаре Минобороны РФ определение слова «минеры» звучит следующим образом: «военные специалисты, подготовляющиеся для минирования, разведки и разминирования местности, различных сооружений и объектов. В русской армии появились в 1700 г., со 2-й половины 19 века чаще назывались сапёрами» [ВЭС МО РФ, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=8104@morfDictionary>]. Отсюда можно заключить, что, во-первых, минер – это военнослужащий саперных частей, которые, в свою очередь, являются подразделением инженерных войск, а во-вторых, в сознании абсолютного большинства русских людей эти понятия являются равнозначными. Приведем пример: *...наблюдали за моими саперами, мастерившими плотки для разведчиков... и ... саперы мои копали блиндажи для штаба...* [ВН, с. 18]. В данном случае, действительно, задачами саперов являлись: создание фортификационных сооружений на линии

фронта, обеспечение переправ через реки, болота. То есть речь идет о саперах. Еще один пример: *К восьми ноль–ноль завод должен быть подготовлен к взрыву. Ясно? Саперы там есть...* [там же, с. 71]. Здесь правильнее было бы говорить уже не о саперах, а о минерах, в чьи задачи, как уже было сказано выше, входило подготовить местность, различные сооружения и объекты к взрыву и так далее.

К словам, квалифицирующим служебно–должностное положение военнослужащих, А. Н. Кожин относит военные термины «рядовой», «сержант», тогда как эти термины обозначают воинское звание. Так, военный энциклопедический словарь Минобороны РФ дает следующие толкования этих слов: «Сержант – воинское звание младших командиров (сержантов, унтер–офицеров) [ВЭС МО РФ, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9854@morfDictionary>]. Собственно, понятие «старшина» может обозначать как воинское звание, так и должность (в зависимости от контекста): «Старшина – 1) воинское звание сержантов. В РФ следует за воинским званием *старший сержант*; 2) должностное лицо в роте (батареи). Является непосредственным организатором внутреннего порядка в расположении роты (батареи) и прямым начальником сержантов и солдат своего подразделения» [там же, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=10315@morfDictionary>].

Термин «снайпер» обозначает не просто «меткий стрелок», но: «1) специально обученный стрелок, в совершенстве владеющий искусством меткой стрельбы, маскировки и наблюдения. Вооружается винтовкой с оптическим прицелом. Поражает цели, как правило, с первого выстрела; 2) в ВС РФ – воинская должность солдат в мотострелковых подразделениях. Снайперами также называют метких стрелков в артиллерии и танковых войсках; в авиации присваивается классность «лётчик–снайпер» [там же, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=10061@morfDictionary>].

Л. Б. Олядыкова добавляет к классификации А. Н. Кожина 2 тематические группы: 1) слова, обозначающие снаряжение воина (бушлат, мундир) и 2) награды (медаль, орден) [Олядыкова, 2000, с. 79 – 80].

Е.В. Брысина в своем исследовании [Брысина, 1993, с. 40 – 42] дает следующую классификацию военно–терминологической лексики:

1. Слова, обозначающие явления, связанные с построением, перемещением и составом войск (строй, фланг, фронт, ряд, шеренга, линия, авангард, форпост; марш, маневр, рывок, поход; резерв).

2. Слова, обозначающие характер боевых действий, способы и приемы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий, сами военные действия (наскок, прорыв, форсирование, отступление, приступ, штурм, наступление, оборона, обстрел, десант, залп, оккупация, блокада, бой, атака, перепалка, таран, на abordаж, подкоп, удар, бомбардировка, разведка, засада, дозор, заслон, прикрытие, торпедировать, завоевывать, подбить, окружить, форсировать, обезоружить, стрелять, сдаваться, распатронить, рубить, расстреливать, ополчаться, наступать).

3. Слова, обозначающие устройства и средства для поражения живой силы, техники и укреплений противника; понятия, связанные с огнестрельным оружием (оружие, пушка, мина, бомба, динамит, порох, пуля, копье, стрела, меч, щит, сокол, мушка, цель, прицел, осечка, выстрел, заряд).

4. Слова, обозначающие территорию, связанную с военными действиями, и боевое обеспечение войск (позиция, рубеж, точка, передовая, охрана, тыл, пост).

5. Слова, обозначающие наименования воинов:

а) по роду службы (оруженосец, стрелок, часовой, барабанщик, драгун, пулеметчик, дозорный);

б) по званию и должности (снайпер, рядовой, генерал, майор, лейтенант, подпоручик, атаман);

в) по отношению к сроку службы (отставной, новобранец, рекрут);

г) по опытности в военном деле (стреляный, необстрелянный).

Г.А. Бучина [Бучина, 2003, с. 56 – 58] выделяет три основных тематических класса в составе военной лексики: «Армия как инструмент государства», «Армия как социальный институт», «Вооружение и техническое оснащение армии». Внутри каждого тематического класса исследователь выделяет подклассы и тема-

тические группы, которые в разной степени специфичны для военной лексики. Так, тематический класс «Армия как инструмент государства» в работе лингвиста включает два подкласса: 1) «Военная политика государства», который объединяет лексику тематических групп: «Состояние межгосударственных и внутригосударственных отношений», «Милитаризм», «Вооружение и разоружение государства», «Военная доктрина государства», «Стратегия и тактика государства в обеспечении военной безопасности страны», «Агентурная и военная разведка», 2) «Военные действия армии». Данный подкласс состоит из следующих тематических групп: «Территория государства по отношению скопления противоборствующих сторон», «Непосредственное вооруженное столкновение враждующих сторон», «Военные действия (атака, наступление, оборона, победа, поражение)», «Участники военных действий и их расположение во время боя, военнопленные», «Военная стратегия (операции, планирование и ведение войны)», «Военная тактика (подготовка и ведение боя, разведка, марши и маневры, воздушные, наземные, морские и десантные операции)».

Тематический класс «Армия как социальный институт» объединяет в себе лексику, называющую реалии таких тематических групп, как: «Рода войск», «Войсковые единицы», «Воинские учреждения», «Представители того или иного рода войск», «Личный состав», «Обмундирование и снаряжение», «Призыв на военную службу», «Военная служба (прохождение службы личным составом, построения, марши, учения, воинский распорядок, наряды, отношения внутри военного коллектива, солдатский быт)».

Тематический класс «Вооружение и техническое оснащение армии» включает два подкласса: 1) «Вооружение армии», в котором выделяются следующие тематические группы: «Стрелковое оружие», «Полевая артиллерия», «Ракетные системы, средства ПВО», «Части огнестрельного оружия», «Характеристики огнестрельного оружия», «Боеприпасы», «Производство выстрела», «Взрыв», 2) «Техническое оснащение армии». Данный подкласс объединяет тематические группы: «Наземные и подземные сооружения», «Боевые вертолеты», «Тактическая авиация», «Бронетанковая техника», «Надводные

корабли и подводные лодки», «Военные машины», «Боевые характеристики систем вооружения», «Средства обеспечения боевых действий», «Радиотехнические средства (разведывательные, телевизионные, навигационные, локационные, связи, электронного подавления)», «Химическое и биологическое оружие».

Между отдельными группами Г.А. Бучина наблюдает взаимодействие: «Так, стратегия и тактика ведения войны, марши и маневры во время военных действий пересекаются с тематическими группами, характеризующими прохождение службы в мирное время (построения, марши, маневры, учения). Однако в целом данная рубрикация достаточно объективно и полно отражает структуру военной лексики» [Бучина, 2003, с. 58].

С.В. Лазаревич исследует военные жаргоны, которые она, по отнесенности с реалиями военной жизни, разделяет следующим образом [Лазаревич, 2000, с. 54 – 55]:

1) Тематические группы, отражающие военно–профессиональную деятельность: «Военная техника», «Военные действия», «Виды и рода войск», «Военные звания, должности и профессии», «Срок службы», «Военные конфликты».

2) Тематические группы, отражающие военно–бытовую сторону жизни военнослужащих: «Пища», «Обмундирование», «Казарменный быт».

3) Тематическая группа жаргонизмов, касающаяся как профессиональной, так и бытовой стороны жизни военнослужащих – «Межличностные отношения».

В свою очередь тематические группы исследователь делит на подгруппы. Например, тематическая группа «Обмундирование» классифицируется следующим образом: 1) общее название военной одежды, 2) верхняя военная одежда, 3) нижнее белье, 4) военная обувь, 5) воинские головные уборы. Сюда же относится атрибутика военного обмундирования (эмблемы, погоны, нашивки).

Таким образом, военная лексика давно привлекает к себе внимание лингвистов: «Тема войны и защиты Отечества была и на протяжении многих веков остается для русских актуальной и значимой, история и культура

государства Российского во многом предопределили характер представленности военной темы в языке и сознании русского народа» [Брыкина и др., 2013, с. 15]. Однако, на наш взгляд, военная лексика языка художественной литературы о Великой Отечественной войне недостаточно изучена на сегодняшний день. До сих пор не предпринималось попыток охватить всю область военной лексики, в частности, разные аспекты ее использования в художественном стиле.

1.3. Лексико–семантическая классификация военной лексики, использованной в произведениях о Великой Отечественной войне

Проанализировав работы лингвистов и исходя из материала нашего исследования, мы предлагаем следующую классификацию военной лексики. В основу ее формирования положен накопленный массив военных единиц в картотеке, собранной путем сплошной выборки из художественных произведений о Великой Отечественной войне. Отбор происходил по опорным словам. Основным признаком определения военных лексем служило их наличие в военных энциклопедических изданиях (ВЭС МО РФ, ВЭС и др.). Вместе с основными терминами мы называем близкие по значению слова – речевые, текстовые, профессиональные, устаревшие, термины–аббревиатуры, служащие для обозначения военного понятия. Что касается выбора основного термина из ряда синонимичных, прежде всего, мы руководствуемся наиболее длительной и устойчивой традицией употребления термина, встречающегося в энциклопедиях и словарях военного дела. В иных случаях мы исходим из соображений простоты, т.е. из двух тождественно синонимичных единиц выбираем ту, которая содержит меньшее число лексем, и руководствуемся соображениями лексической частотности подчиненных единиц, т.е. основным считается слово, лексическая структура которого повторяется в подчиненных ему терминах. Например, из двух словосочетаний *товарищи по полку* и *боевые товарищи* в качестве основного следует выбрать первое, так как подчиненные слова *однопольчане*, *однопольчане–дальневосточники*, *бойцы–товарищи* и др. дублируют лексему *по полку*, а не *боевые*. Классификация включает именные словосочетания и единицы, выраженные другими частями речи. Несомненно преобладание номинативных слов. Классификация военной лексики упорядочена строго иерархически с логико–понятийной точки зрения:

1. Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования:

1.1. Слова, обозначающие лицо по роду военной деятельности (отношение к оружию, подразделению, виду военной службы, воинской специальности и специализации) и квалифицируемые в соответствии со служебно–должностными категориями военнослужащих: офицер (офицерия), военнослужащий (военный), главнокомандующий (главный, командующий), полководец, командный состав (комсостав, командование), командир, командир части, командир дивизии (дивизионный, комдив), командир бригады (комбриг), командир батальона (батальонный, комбат), командир роты (комроты, ротный), командир взвода (комвзвода, взводный), командир отделения (отделенный), командир штаба (штабной командир), комиссар батальона (батальонный комиссар), политрук, начальник (военачальник), начальник штаба (начштаба), начальник продснабжения (начпрод), помощник (помкомбата, помкомвзвода, помощник начальника штаба (ПНШ), адъютант, ординарец, оруженосец, комендант, старшина, инженер (дивизионный инженер (дивинженер), боец (боец Красной Армии, красноармеец), солдат, курсант, пограничник, летчик, ракетчик, десантник, сапер, подрывник, разведчик (разведчица), партизан, пулеметчик, автоматчик, стрелок, снайпер, минометчик, артиллерист (огнеметчик, огневик, божий ангел, бог войны), зенитчик, подносчик, танкист, пехотинец, гвардеец, бронебойщик, связной (связист), кадровик, штабной (штабник), тыловик, наблюдатель, посыльный (посланец), проводник, ведущий, головной, замыкающий, регулировщик, часовой, дежурный, патрульный, конвойный, дозорный, военврач, военфельдшер, санинструктор, госпитальная сестра (сестра), моряк, матрос и др.

1.2. Слова, определяющие ранжировку воинских званий: звание (командирское звание), генерал, полковник, подполковник, майор, капитан, политрук, старший лейтенант (старшой), лейтенант (ванька–взводный), младший лейтенант, старшина, сержант, младший сержант, ефрейтор, солдат, рядовой (рядовой боец, рядовой ванька).

Термины *политрук, старшина, солдат* считаем необходимым внести и в пункт № 1.1. данной классификации, и в пункт № 1.2., так как эти термины могут

обозначать в разных контекстах и должность, и звание. «Политрук – политический руководитель, 1) должностное лицо в ротах, батареях и равных им подразделениях Советских Вооруженных сил в период (с перерывами) 1919 – 42 годов; 2) воинское звание, введенное в 1935 году для различных категорий политического состава. Имелись звания старшего политрука, политрука и младшего политрука. В 1942 году эти звания упразднены» [ВЭС МО РФ, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9122@morfDictionary>]. «Старшина – 1) воинское звание сержантов. В РФ следует за воинским званием *старший сержант*. Введено в СССР 22 сентября 1935 года; 2) должностное лицо в роте (батареи) в ВС РФ. Является непосредственным организатором внутреннего порядка в расположении роты (батареи) и прямым начальником сержантов и солдат своего подразделения. Должности *старшина* соответствует воинское звание *старший прапорщик*» [там же, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=10315@morfDictionary>]. «Солдат – 1) первичное (младшее) воинское звание; солдаты – состав (категория) военнослужащих и военнообязанных в званиях *рядовой, ефрейтор* и других солдатских званиях. В Красной Армии рядовые бойцы назывались красноармейцами, а категория солдат введена в июле 1946; 2) в широком смысле – воин, военный человек в любом звании, ветеран (старый солдат)» [там же, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=10147@morfDictionary>].

1.3. Слова, обозначающие наименования воинов по отношению к сроку службы и по опытности в военном деле: фронтовик (старый, старик, старый солдат, старый воин, старожил фронта, «отец», «бывалый», старослужащий, стреляный (обстрелянный), призывного возраста, необстрелянный, новоиспеченный, новенький, неопытный, молодой, зеленый, желторотый, «фазан», сосунок.

1.4. Слова, обозначающие «качественное» состояние человека на войне: участник великого дела, герой, победитель, доброволец, защитник, боевой (боевой парень), строевик, военный странник, перемолотый войной,

переломанный, умаянный войной, отстающий, безоружный (обезоруженный), беззащитный, беспомощный, вояка, раненый (израненный, подбитый), убитый, пленный (плененный, «язык»), пропавший без вести, нестроевой, небоеспособный, не герой, не из бойких, дезертир, предатель (немецкий прихвостень), противник, союзник.

1.5. Наименования советских воинов: славяне, орлы.

1.6. Наименования врага: немец, немчура, враг, фашист (шкура фашистская), гитлеровец, фриц, оккупант, сволочь, сукин сын, чужой, противник, немецкие орды, тараканы, нелюди, дураки, немецкий вражина, гости и др.

1.7. Слова, определяющие виды родов войск, войсковых формирований, тактических подразделений; воинских формирований, созданных для выполнения боевой или специальной задачи: пехота (мотопехота, панцирная пехота, горбатая пехота, распластанная, некопавшаяся пехота, пехтура), артиллерия, флотилия, авиация, гвардия, разведка (моторазведка), десант, фронт, группировка, войска («гвардия», народ, войско, воинство), армия, корпус, часть (санчасть), дивизия, дивизион, бригада, полк, батальон (АИБ, стройбат, медсанбат), рота (гидророта, санрота), батарея, взвод (хозвзвод, санвзвод, огневой взвод), расчет, отделение, подразделение, эскадрилья, отряд, команда, группа (опергруппа), звено, наряд, расчет, караул, секрет, дозор (головной), охрана (охранение), заслон, разъезд, патруль, пост (военнослужащий или группа (небольшое подразделение), выполняющие специальную задачу [СВЭ, т. 6, с. 468]), застава (поредевшая, павшая) и др.

Тематическая группа «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования» достаточно однородна, она представлена, в основном, именами существительными. Внутри выделяются лексико–семантические группы. Многие термины имеют сокращенные варианты (в разговорной речи). Авторы произведений о Великой Отечественной войне активно используют данные единицы в своих произведениях, что способствует тому, что перечисленные классификационные группы являются одними из самых многочисленных в классификации военной лексики языка художественной литературы.

2. Материальная база войны, материальные средства:

2.1. Слова, обозначающие военную, в том числе и боевую, технику: авиация, самолет, бомбардировщик, истребитель, штурмовик («летающий танк»), аэростат, подводная лодка, миноносец, катер, броневик, бронетранспортер, танк (КВ (ходячая крепость, родимая силушка), тридцатьчетверка, коробка), танкетка, «катюша», поезд, бронепоезд, эшелон, автомашина («виллис» (сумасшедшая лягушка), штабной «газик», камуфлированная «эмочка», вражеская машина, санитарная машина), мотоцикл, боевой конь (кобыла) и др.

2.2. Вооружение (как совокупность оружия и технических средств, обеспечивающих его применение): вооружение (бронетанковое, противотанковое), военный груз, трофей, щит.

2.2.1. Слова, обозначающие огневые средства для поражения живой силы и военной техники противника, оружие (стрелковое, автоматическое, холодное и т.д.) и его составляющие части: огневое средство, огневая точка, орудие, оружие, гранатомет, миномет («ишак» – немецкий шестиствольный миномет), пушка (сорокопятка, сорокапятимиллиметровка, трехдюймовка, дивизионка, стопятидесятидвухмиллиметровая пушка–гаубица), зенитка (счетверенка), ружье (ПТР, двустволка), винтовка (трехлинейная, трехлинейка, СВТ винтовочка, винтарь), карабин, пистолет (наган, кольт, «ТТ», «вальтер», «смитт–вессон», пушка, пугач), пулемет («максим», пулемет Дегтярева, дегтярь), автомат (ППШ, «шмайссер», солдатское оружие), обрез, шашка, нож (финка), кинжал, клинок; штык, лезвие, стрела, ствол, затвор, приклад, затыльник, дуло, спусковой крючок (спуск, гашетка), курок, магазин (рожок) и др.

2.2.2. Приборы и приспособления, комплексные технические средства, устройства: башня танка, гусеница танка, прицел (перекрестие, мушка), прожектор, колючая проволока (проволока, спираль Бруно, Бруно), лента, обойма, диск, лафет, понтонный парк, понтонный мост, понтон и др.

2.3. Боеприпасы и их составляющие (как составная часть вооружения, предназначенная для непосредственного поражения целей или обеспечения действия войск (сил) [ВСЭ, т. 1, с. 541]): боекомплект, боеприпасы (припасы),

патрон, мина (стодвадцатимиллиметровая, толовая шашка, динамитная шашка, агитмина, мины–тарелки, мины–эски), ракета («катюшин» снаряд), бомба, снаряд (шрапнель, шрапнельные шарики, болванка, помза, агитснаряд, снаряд ста двадцати двух, ста пятидесяти двух), выстрел, заряд, фугас, граната («лимонка», трещотка), взрывчатка, тол, динамит, порох; пуля, гильза, снарядный стакан, осколок, детонатор, детонирующий шнур (шнур запала, шнурок), фитиль, капсуль, запал, взрыватель и др.

2.4. Слова, определяющие объекты военного значения: военкомат (райвоенкомат), комендатура, казарма, каптерка, штаб (штадив, штабной дом), КП (КПП), пост, пункт (НП, продпункт), склад (продсклад), госпиталь (эвакогоспиталь), медпункт, газоубежище, укрепрайон, военный городок, аэродром.

2.5. Обмундирование, снаряжение воина:

2.5.1. Слова, обозначающие обмундирование воина (форменную одежду со всеми ее принадлежностями) и знаки различия: обмундирование, форма, шинель (скатка), бушлат, телогрейка, фуфайка, мундир, гимнастерка, тельняшка (морская душа), пилотка, фуражка, бескозырка, портянки (обмотки), погоны, знаки различия (звездочки, инженерные топорики на петлицах, кубики), шпалы, петлицы, кокарда) и т.п.

2.5.2. Слова, обозначающие предметы военного снаряжения (в т.ч. предметы защитного вооружения): амуниция, кольчуга, портупья, кобура, плащ–палатка, маскхалат, палатка, сумка (полевая, санитарная, подсумок), вещевого мешок (вещмешок, сидор, ранец), противогаз, шлем, каска, планшет (планшетка), карта (пятиверстка, карта–трехверстка), компас, фляга (фляжка), термос, котелок, подрывная станция, штурмовой мостик, лопата, кирка (киркомотыга), нары, индивидуальный пакет, патронташ и т.д.

2.6. Довольствие:

2.6.1. Продовольствие: тыловая норма, паек, довольствие, кормежка, казенные харчи, тыловые харчи.

2.6.2. Денежное довольствие: жалованье.

Тематическая группа «Материальная база войны, материальные средства» однородна по грамматическим признакам, в основном она представлена именами существительными и словосочетаниями на базе существительных. В семантическом отношении тематическая группа весьма разнообразна. Внутри выделяются лексико–семантические группы. Компоненты тематической группы активно включаются в метафорические процессы, отличаются стилистической, экспрессивной окраской. Авторы художественных произведений о Великой Отечественной войне широко употребляют данные военные единицы, что говорит о том, что компоненты тематической группы играют важную роль в языке художественной литературы.

3. Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы и приемы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий: военные действия (военные дела, боевая работа, боевая страда), победа, бой («сабантуй»), сражение, побоище, борьба, поединок, буча, битва, драка, наступление, атака, схватка, стычка, штурм, удар (контрудар), осада, облога, погоня, разведка (разведка боем, вылазка), наблюдение, поиск, боевая готовность (боготовность), облава, разгром, удар, бросок, оборона, окружение (кольцо, «колечко»), захват (перехват), отступление, поражение, сопротивление, засада, плен, прикрытие, маскировка, операция, задание, задача, переправа; атаковать (контратаковать, напасть, броситься, ударить), отступить (отойти, оставить, откатиться, драпать, дрогнуть, пятиться, отпрянуть, шарахнуться, побежать, тикать, удрать), разбить врага (казнить, покончить, добить, уничтожить, задавить, порешить, врезать, разделать, долбануть, доканчивать, угрохать, угробить, громить), минировать, разминировать.

Неоднородная в грамматическом отношении группа. В данную группу входят имена существительные, прилагательные, глаголы, глагольные словосочетания, передающие динамику боевых действий. Многие члены данной тематической группы являются словами общелитературного языка, которые, употребляясь в военном контексте, приобретают военную окраску. Наличие данной группы и активное функционирование ее членов в языке художественной

литературы о Великой Отечественной войне убедительно доказывает необходимость выделения глаголов, интенсивов, передающих динамику военных действий.

4. Слова, обозначающие способы поражения противника при ведении боевых действий и их последствия и проявления: выстрел, обстрел, стрельба (пальба), перестрелка, очередь (пулеметная очередь, пулеметная струя, пулеметная строчка, пулеметный веер, огневая пулеметная завеса, автоматная очередь, автоматная трескотня, пулевая пурга, пулевой веер, пулевая очередь, трасса, трассирующая очередь, веерок трассирующих), огонь (заградительный огонь, ружейный огонь, пулеметный, минометный, отрезающий огонь, плотный, стена огня, огневая дуэль, артиллерийская дуэль), взрыв, разрыв, залп, прямая наводка, бомбардировка (бомбежка), таран, канонада (в значении «частая и продолжительная стрельба из многих орудий»), налет, воронка, канонада – как проявление (отдаленно слышимый гул стрельбы орудий и разрывов снарядов), артиллерийская канонада (орудийный гул, артиллерийская переголосица), вспышка; стрелять (бабахнуть, прихлопнуть, прихватить, резануть, угостить, ударить, шарахнуть, шпарить, лупить, врезать, хлопбыстнуть, поливать, палить, пулять).

Группа представлена именами существительными, словосочетаниями (существительное + прилагательное). Члены данной тематической группы отличаются стилистической и экспрессивной окраской, активно вступают в метафорические отношения. Данная военная лексика широко представлена в произведениях о Великой Отечественной войне.

5. Фортификационные и оборонительные сооружения, укрепления; фортификационные постройки: укрытие, убежище, землянка (собачья конура), блиндаж, бастион, крепость, щель, траншея (окоп, обвод), ров, ходы сообщения, бруствер, насыпь, эскарп, контрэскарп, укрепление, дот, дзот, пулеметное гнездо, вышка, амбразура, штурмовая полоса, оборонительная линия, оборонительная полоса, оборонительный пояс (пояс), оборонительный рубеж и т.п.

Небольшая тематическая группа, представленная как именами существительными, так и словосочетаниями (существительное + прилагательное).

6. Слова, обозначающие явления, связанные с формированием, построением (в т.ч. оперативным построением), размещением и перемещением (в т.ч. с целью совершения маневра) войск: призыв, мобилизация, увольнение, резерв, подкрепление, пополнение, сбор, формирование, фронт (фронт батальона), строй, фланг, шеренга, линия, колонна, цепь (цепочка), ряд, соединение, расположение, позиция, стан, маневр, марш (марш–бросок), привал, маршрут, эвакуация, отступление и др.

Небольшая тематическая группа, однородная по своему семантическому составу. Члены группы не отличаются стилистической и экспрессивной окраской. Активно используется в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне.

7. Слова, обозначающие территорию, связанную с военными и боевыми действиями: граница, поле (боя, сражения), фронт (в значении: 2) линия развертывания вооруженных сил и их соприкосновения с противником на ТВД; 3) район (полоса, зона) территории, на которой ведутся боевые действия [ВСЭ, т. 8, с. 332]) (второй фронт, линия фронта, участок фронта, Западный фронт), тыл (в значении: 1) вся территория воюющей страны с её населением и экономическими ресурсами, кроме района (зоны) военных действий [ВСЭ, т. 8, с. 152]), гражданка), сектор обстрела, сектор наблюдения, сектор обзора, огневая позиция, оборона, передний край обороны (передовая, передовая линия фронта, передовая линия обороны, передняя линия, линия обороны, передок, край), рубеж, минное поле, подступ (дальний), высота, форватор, переправа, плац и т.д.

Группа представлена именами существительными, словосочетаниями (существительное + прилагательное, существительное + существительное). Члены данной тематической группы отличаются стилистической и экспрессивной окраской. Военная лексика группы «Слова, обозначающие территорию, связанную с военными и боевыми действиями» широко представлена во всех произведениях о Великой Отечественной войне.

8. Военная документация: устав (БУП), донесение, план, сводка, приказ, приказание, распоряжение, выговор, рапорт.

Одна из самых маленьких тематических групп, не отличающаяся разнообразием в семантическом и грамматическом отношении.

9. Приказные и командные слова: команда, присяга, «отбой», «тревога», «шагом марш» («кругом шагом марш»), «руки по швам» («вытянуть руки по швам»), «слушай мою команду», «отставить», «строиться», «огонь», «назад ни шагу!» («ни шагу») и другие коммуникативные единицы, выполняющие побудительную функцию. Без использования военных команд не обходится ни одно произведение о Великой Отечественной войне. Императивность в единицах данной группы выражается с помощью формы повелительного наклонения глагола и формы инфинитива.

10. Военные науки и строевое обучение: баллистика, артиллерийская наука, парад, поверка (общевойсковая), солдатский шаг, строевой шаг, выправка (тела и слова).

Одна из самых маленьких тематических групп. Ее компоненты встречаются далеко не во всех произведениях о Великой Отечественной войне.

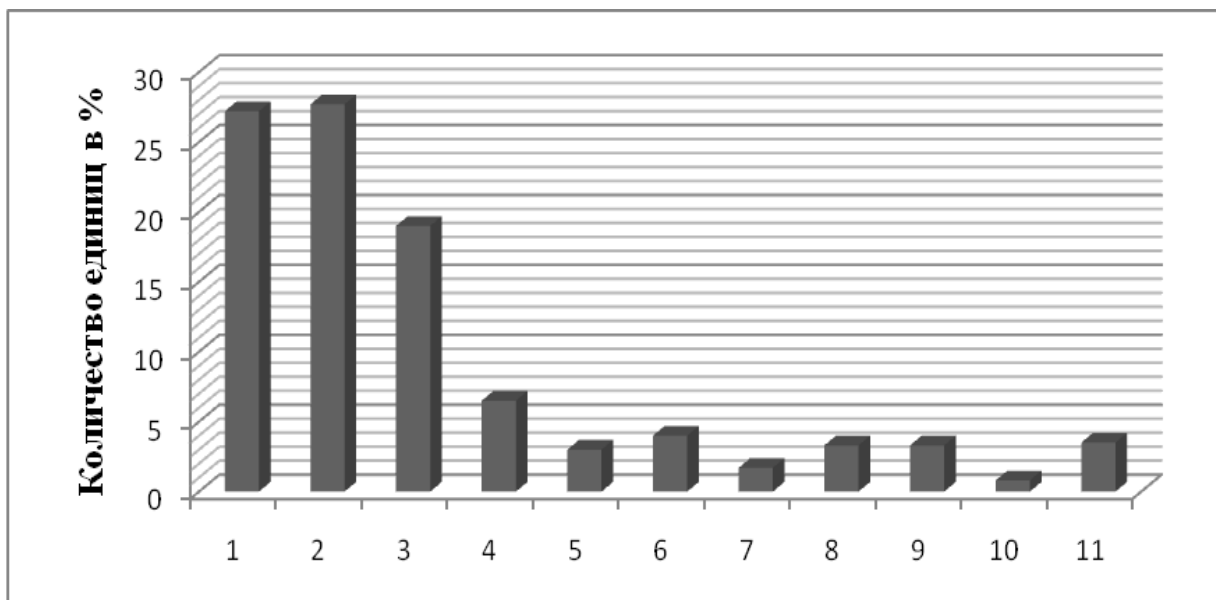
11. Награды, памятники, символика: медаль, орден, орден Ленина, «За отвагу», «Слава», орден Красного Знамени, награда, наградной лист, «звездочка», Герой Советского Союза и т.п.

Одна из самых маленьких тематических групп. Однако ни одно произведение о Великой Отечественной войне не обходится без единиц данной группы.

Таким образом, анализируемый материал можно представить в виде следующей диаграммы:

Диаграмма 1.

**Тематические группы терминологической системы «Военная лексика»
(на материале художественной литературы о Великой Отечественной войне)**

1 – Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования.

2 – Материальная база войны, материальные средства.

3 – Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы и приемы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий.

4 – Слова, обозначающие способы поражения противника при ведении боевых действий и их последствия и проявления.

5 – Фортификационные и оборонительные сооружения, укрепления; фортификационные постройки.

6 – Слова, обозначающие явления, связанные с формированием, построением (в т.ч. оперативным построением), размещением и перемещением (в т.ч. с целью совершения маневра) войск.

7 – Слова, обозначающие территорию, связанную с военными и боевыми действиями.

8 – Военная документация.

9 – Приказные и командные слова.

10 – Военные науки и строевое обучение.

11 – Награды, памятники, символика.

Наибольшее количество исследуемых единиц сосредоточено в первых трех тематических группах, которые составляют ядро военной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне: «Слова,

определяющие людские ресурсы и их формирования», «Материальная база войны, материальные средства», «Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы и приемы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий». На их долю приходится 73,9 % от общего объема, представленных в классификации военных единиц.

Особенности художественных текстов и выбор авторов наложили отпечаток на состав тематических и лексико–семантических групп. Рассказы и повести о Великой Отечественной войне наиболее наглядно, по нашему мнению, освещают использование военной лексики в языке художественной литературы. В период войны основной задачей литературы было отобразить жизнь воюющего народа, передать величие его подвига, вызвать глубокие патриотические чувства, внушить еще большую ненависть к врагу. Литература военного периода отличалась агитационным характером, некоторой плакатностью, однако с другой стороны, крупные произведения слишком эпичны и «неудобны» для изучения, слишком «отшлифованы» в своем масштабном, обобщенном, философском осмыслении войны. Тематическая классификация представляется важной в плане изучения стилистических функций военной лексики. Данный анализ позволяет наиболее полно исследовать использование военных единиц в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне.

1.4. Стилистическая классификация военной лексики языка художественной литературы о Великой Отечественной войне

Языковые средства применяются в самых различных сферах общения и человеческой деятельности, объективируясь в общественном сознании. И в зависимости от того, насколько эффективно они употребляются, средства языка обладают большим или меньшим эффектом коммуникативной целесообразности. Действенное применение речевого средства позволяет точнее выразить мысль, полнее описать чувства, настроение говорящего и его отношение к тому, о чем идет речь. «Языковое средство само по себе коммуникативно значимо: оно называет, классифицирует предметы, явления (относит обозначаемое к тому или иному классу понятий), дает сведения (информацию) о предметах, явлениях объективного мира, об их связях, отношении к друг другу, о взаимодействии» [Кожин, 1982, с. 40]. В актах речевой деятельности языковые средства приобретают способность нести дополнительную информацию, которая наслаивается на предметно–логическое содержание речевых средств, определенных характером коммуникативной задачи. «Следовательно, то осмысление, которое возникает при употреблении речевого средства в общественно стимулированных актах общения (при этом могут иметь место моменты субъективного плана – намерение, настроение, эмоциональное состояние говорящего), представляет собой стилистическое качество как производное той функции, той роли, которую выполняет это средство в той или иной сфере общения» [там же]. Под стилистикой, вслед за А.Н. Кожиним, мы понимаем «учение о наиболее эффективных формах выражения мысли и чувств в самом широком смысле этого слова, о выразительных средствах языка, о целесообразном отборе и комбинировании средств языка в определенных сферах общения, о закономерностях употребления языковых единиц в актах речевой деятельности» [там же, с. 10].

М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев выделяют лингвистическую и литературоведческую стилистику. Лингвистическая стилистика исследует «собственно–экспрессивную функцию различных стилистических приемов в многообразных сферах письменного и устного языкового общения. Целью этого исследования является выяснение способов выражения различных оттенков мысли и зависимости форм выражения мысли от конкретной обстановки речи, а также анализ аффективных (эмоциональных) элементов значения слов, форм и конструкций данного языка» [Кузнец, 1960, с. 4]. Литературоведческая стилистика изучает эстетическую функцию выразительных средств языка, используемых в литературно–художественной речи.

А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов (Кожин, 1982) выделяют стилистику языка, стилистику речи и стилистику художественной литературы. Так, по мнению исследователей, стилистика языка представляет собой область, изучающую выразительные возможности средств языка (выразительные качества слов, оборотов речи, словоформ, типов сочетаемости слов и т.д.), определяющую направление избирательности средств языка в разных сферах общения [Кожин, 1982, с. 11]. Стилистику языка интересует, например, употребление таких форм, как *командир штаба* и *штабной командир, штабник; командир роты* и *ротный командир, ротный; очередь из пулемета* и *пулеметная очередь* и др.

Стилистика речи изучает выразительные возможности языковых средств и то, как они реализуются в речевом тексте. «Стилистика речи – это стилистика фигур, стилистика выразительно–изобразительных средств и приемов (повторы, метафоризация, перифрастичность, символическое словоупотребление, оживление образности экспрессивно емкого средства, логико–смысловые переходы к различным видам аргументации или тонам экспрессивной окрашенности, к различным видам изложения – ироническому, риторическому, полемическому, убеждающему, обличительному)» [там же, с. 12 – 13]. Стилистика речи присутствует в таких сопоставлениях, как *землянка – собачья конура, дом; танк – коробочка, жучок, самолет – птица* и т.п.

Стилистика художественной литературы изучает эстетические аспекты, «приемы организации художественного повествования» [там же, с. 13]. Данную стилистику также интересуют вопросы эстетических принципов деятельности авторов, внимание к использованию приемов внедрения языковых средств, характерных для идиостиля того или иного писателя, а также образных средств в художественных произведениях авторов, принадлежащих к различным социальным слоям, культурным сообществам, разного возраста и, самое главное, по-разному принимавших участие в событиях Великой Отечественной войны. Например, употребление образных средств в произведении военкора Б.Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» составляет 30,5 % от общего количества использованных в произведении военных единиц. В повести же гвардии капитана В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» – 15,2 %. Обе повести написаны в 1946 году.

«Чрезвычайно остро выдвигается проблема *стиля*, когда вообще возникает речь об индивидуальном словесном творчестве. Обычно говорится даже, что стиль – это сам человек, это – неповторимая индивидуальность» [Виноградов, 1961, с. 7]. Как считает исследователь, везде, где складывается представление об индивидуальной системе выразительно–изобразительных средств, проявляется понятие стиля. «Сразу бросается в глаза, что в понятии стиля обнаруживаются существенные различия, связанные с выделением объектно– или объективно–структурных качеств его системы или с описанием его субъективной направленности, соотносительности его с субъектом, формой выражения внутренних индивидуальных свойств и творческих возможностей которого и является соответствующий стиль» [там же, с. 8].

Литературно–художественный стиль и стиль литературного языка имеют разные признаки. «Речевые средства в системе литературно–художественного творчества формируют образы и характеры воспроизводимых лиц или персонажей. Эти речевые средства не выступают только в качестве посредника внеязыкового содержания (как в других стилях), но они включены в эстетическую структуру литературного произведения или непосредственно или опосредованно

как его эстетические свойства (например, ритм, эвфония) [там же, с. 15]. Выделяются и другие признаки литературно–художественного стиля, например, семантическая многозначность фраз, смысловая поливалентность текста, сложные формы взаимодействий монологической и диалогической речи. [там же]. В применении к стилистике художественной литературы качественно изменяется соотношение объектного и субъектного аспектов речи: здесь субъектный (субъективный) и объектный (объективный) критерий анализа структуры произведения нередко взаимодействуют или сочетаются. По мнению В.В. Виноградова, «чем меньше степень индивидуализации стиля, тем больше выделяется в нем объектно–структурных качеств <...> Напротив, чем нагляднее и глубже индивидуально–стилистическое своеобразие творчества того или иного писателя или отдельного литературного произведения, тем острее и разностороннее выступают наряду с объектно–структурными свойствами и качествами субъектные качества писательского облика и его художественной манеры» [там же, с. 16]. Способ понимания и объяснения стилевого своеобразия художественных произведений, творчества отдельных писателей зависит, прежде всего, от их теоретической позиции.

Вслед за А.Н. Кожиним, к стилистике относим все элементы речи, расширяющие буквальное предметно–логическое содержание сообщения, которые придают ему своеобразное выразительное качество образной речи. «То дополнительное (выразительное, изобразительное, эмоционально–оценочное, побудительно–волевое, конкретно–представляемое), что наслаивается на лексический или грамматический статус речевого средства в различных видах употребления (речевая ситуация, контекст, текст, тип речи), представляет собой осмысление или ряд осмыслений, которые и определяют стилистическое качество средства общения, его стилистический статус, сферу его применения. Указанное свойство, качество речевого средства не только соотносится с определенным понятием о предмете, явлении реальной действительности, но дает представление об отношении к адресату речи, к содержанию сообщения, о стремлении говорящего образно и зримо представить объект речевой деятельности, а также

воздействовать на него в желаемом направлении. Эти и другие добавочные осмысления, выступающие как элементы мыслительной или эмоционально-оценочной деятельности носителей языка, возникают в смысловой структуре речевого средства, в актах стилистически ориентированного употребления и становятся его неотъемлемым свойством, расширяющим диапазон стилистического фонда» [Кожин, 1982, с. 41 – 42].

Употребление стилистически окрашенной лексики периода Отечественной войны изучали многие известные отечественные лингвисты (Ю.А. Бельчиков, А. Н. Кожин, Н. П. Колесников, А. М. Лукьяненко, А. В. Миртов), но изучение это, в основном, сводилось к рассмотрению ее роли в публицистическом стиле, тогда как художественный стиль оставался в стороне. Язык художественной литературы обладает рядом качеств и признаков, которые говорят о ее изобразительно-выразительных возможностях. Это находит отражение в стилистическом богатстве, которое базируется на разнообразии лексико-семантических вариантов со всевозможными дополнительными оттенками или без них: *дрогнуть, отпрянуть, отступить, отойти, откатиться, шарахнуть*. Применение разностилевой лексики обуславливается, в первую очередь, теми условиями, при которых осуществляется языковое общение. «Если язык в своих структурных качествах и исторических потенциях соотносителен с категорией народа как его творца и носителя (в интернациональном плане: язык и человечество), то стиль в аспекте художественной литературы нового периода обычно соотнесен с автором как его создателем и выразителем» [Виноградов, 1961, с. 27].

Разным стилям языка в разной мере присуща экспрессивно-эмоциональная окраска. Любые элементы языка способны нести стилистическую информацию. А.Н. Кожин подразделяет их на две большие группы: 1) функционально-окрашенные средства, которые могут употребляться в любом типе речи. Другими словами, это функционально-стилевая окраска, которая указывает на область общественного применения языковых единиц; 2) экспрессивно-окрашенные (ласкательная окраска, ироническая, неодобрительная). Здесь имеется в виду

эмоционально–экспрессивная окраска, которая раскрывает эмоциональное содержание языковых единиц.

Под эмоциональностью А.Н. Кожин понимает выражение внутреннего волнения говорящего. [Кожин, 1982, с. 71]. Она передается, например, с помощью интонации (на письме – знаками препинания, порядком слов), предложений, характеризующихся эмоциональной окрашенностью и повышенной экспрессивностью, т.е. восклицательных, вопросительных и номинативных, а также с помощью эмоциональных слов (некоторые слова категории состояния, междометия, частицы). Под оценочностью исследователь подразумевает «выражение в речи эмоционального отношения, вызванного сложившимся мнением о предмете высказывания» [там же, с. 72].

М.Н. Кожина выделяет лексику функционально–стилистически окрашенную и эмоционально–экспрессивно окрашенную. По способу выражения экспрессивно–эмоциональной коннотации исследователь выделяет следующие группы слов: 1) однозначные слова, в которых значение уже содержит оценку. Номинативная функция в данных словах «осложняется оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а следовательно, экспрессивностью (обычно через эмоциональность)» [Кожина, 1960, с. 222]; 2) многозначные слова, которые в прямом значении сохраняют нейтральность, но в переносном – приобретают экспрессивную и оценочную окраску; 3) слова, в которых стилистические коннотации достигаются аффиксацией.

В годы Великой Отечественной войны русский язык активно осваивает лексику, связанную с армейским бытом и военными действиями, экспрессивный словарь армейского и тылового просторечия. Судьба этих слов, однако, была различной: многие из них так и остались принадлежностью армейского просторечия и со временем практически были забыты, например, *катюша* – зажигалка–самоделка. Некоторые слова вошли, нейтрализовавшись, в более или менее общее употребление наших дней: *аппендицит* «сложный участок обороны, резко выдающийся в расположение противника», *хозяйство* «соединение, часть, подразделение», *пяточок* «небольшой участок фронта, обороны; клочок

отвоеванного берега», *заход* «маневр самолета, выход на территорию бомбометания» и многие другие. «Нелегко ответить на вопрос: чем определяется выбор вовлекаемой в литературное употребление диалектной, просторечной, жаргонной и тому подобной лексики? Ведь в этом выборе чрезвычайно трудно проследить какие-либо закономерности, продиктованные системными языковыми отношениями» [Русский язык и советское общество, 1968, с. 62]. И сами языковеды отвечают на этот вопрос: то, что не продиктовано языковыми закономерностями, вызывается социальными причинами [там же, с. 62].

Экспрессивно-просторечное слово *сабантуй*, («специфически жаргонное» [Общее языкознание, 1970, с. 475]) появилось в годы войны в окопном жаргоне, с общим значением «пиршество, шум, переполох». Буквальное значение этого слова – праздник плуга (от тюркского *сабан* плуг и *туй* праздник): «У татар и башкир – народный весенний праздник, посвященный окончанию весенних полевых работ. *Перен. Разг.* Об ожесточенном бое, сильном шуме, переполохе» [БАС, т. 13, стб. 26]. «Каким образом национальное слово *сабантуй* «праздник, веселье», стало обозначать бомбежку, шум боя, просто шум – сказать нелегко. Однако победный бой – это ведь тоже настоящий праздник для бойцов. Устроить кровавый пир врагу, предложить ему «угощение», да еще и с таким звучным названием – *сабантуй* – это ли не победа и не преддверие и часть общей, всенародной Победы над врагом?» [Скворцов, 1975, с. 61]. Исследователь делает интересные наблюдения, отмечая, что «воскресшая» (или активизировавшаяся) в военные годы и вошедшая в широкий речевой обиход старая жаргонная и арготическая лексика в ряде случаев стала восприниматься как показатель эпохи: появление ее в языке стало связываться с военным временем. Это относится, например, к глаголу *дранать* (с его производными)» [там же, с. 63]. В «Словаре современного русского литературного языка» фиксируются глаголы *дранать* и *драпануть*: «Драп. В грубом просторечии. Паническое бегство, отступление. Драпать. Бежать, отступать. Драпануть» [БАС, т. 3, стб. 1092]. В годы Великой Отечественной войны арготизм *дранать* стал широко известен. Слово несло в себе ярко выраженный заряд оценочности и экспрессии и одинаково применялось

как к действию своих (с ироническим, отрицательным смыслом) войск, так и к паническому отступлению противника (с оттенком презрительности). «В послевоенные годы глагол *драть* (однокр. *драпануть*), употребляясь преимущественно в жаргонизированном просторечии, получил обобщенное значение «убегать, уходить откуда–н.; бросать» [Скворцов, 1975, с. 64].

Активизируется и возрождается архаизированная лексика с высокой стилистической окраской. Наблюдается возвращение к дореволюционным словам военного характера: *гвардия, солдат, полководец*. Общегосударственное значение войны вызвало социальную активизацию таких слов, как: *воин, иго, орда, богатырь*. Наблюдается также градация военной лексики применительно к понятиям и явлениям гражданской жизни: *фронтовик, гражданский*.

Наряду с архаизированными словами употребляются слова «редких речевых ситуаций» [Бельчиков, 2000, с. 51] – с торжественной, «высокой» экспрессией: *благословить, жертва, жертвенность, исполин, родина, отечество, победоносный, осенить, выстоять, святой, священный*. Близки к ним слова *патриот, патриотизм, патриотический, мужество, реликвия*, вернувшие в военные годы свое первоначальное значение. Обращает на себя внимание активизация слов *Россия, русские*. Эти слова употребляются преимущественно с оценочно–характеризующими мелиоративными коннотациями номинативного значения в контекстах повышенной экспрессивной тональности: *Но за эту родину – за меня, Игоря, за товарищей своих по полку, за свою покосившуюся хибарку где–то на Алтае – он будет драться до последнего патрона. А кончатся патроны – кулаками, зубами... вот это и есть русский человек* [ВН, с. 56].

В.А. Звегинцев говорит о том, что очень частым явлением является смешение субъективных и объективных планов, однако субъективные моменты, возникающие при индивидуальном употреблении слова не могут принадлежать объективной стороне языка. «Эмоционально–экспрессивный момент (в своей «объективизированной» форме) находит свое выражение в том, что слово располагается в том или ином стилистическом слое языка» [Звегинцев, 1957, с. 172]. Как считает исследователь, когда слово входит в тот или иной лексический

пласт языка, оно приобретает стилистическую характеристику в целом и не может иметь их более одной. «Однако это лишает слово возможности развивать добавочные лексико–семантические варианты за счет экспрессивно–эмоционального момента, так как этот элемент оказывается единым для всего слова в целом. С другой стороны, так как с помощью языка выражаются не только мысли, но и эмоции человека, существует необходимость в словах, относящихся к разным стилистическим слоям языка. «В связи с этими соображениями, естественно, может возникнуть вопрос: если в языке наличествуют слова, различающиеся только своими экспрессивно–стилистическими качествами, то нельзя ли все их значения свести к этим экспрессивно–эмоциональным и стилистическим элементам?» [там же, с. 173]. По этому пути пошел В.В. Виноградов. Ученый пишет: «У многих слов, принадлежавших как к основному словарному фонду, так и к прочей части словарного состава языка, есть стилистические синонимы в разных пластах или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность» [Виноградов, 1977, с. 173]. Далее приводится пример с глаголами *одеть–облечь*. В.В. Виноградов говорит о том, что основное значение книжно–торжественного глагола *облечь* не свободно–номинативное, а экспрессивно–синонимическое, опосредованное его отношением к глаголу *одеть* [там же]. В.А. Звегинцев в корне не согласен с этим положением. Он обосновывает это тем, что тогда значительная группа слов была бы лишена самостоятельного предметно–логического содержания, которое составляет лексическое значение слова. К тому же было бы затруднительно выделить стилистические синонимы, лишенные всяких смысловых различий. В качестве примера исследователь приводит слово *трапеза* (высокого стиля). Любой человек понимает, о чем идет речь, без всякой ссылки на опорное слово *еда* [там же].

Отчасти мы согласны с доводами В.А. Звегинцева. Однако если экспрессивно–синонимические глаголы *напасть* – *ударить*, мы еще можем соотнести с явлениями объективной действительности, то в синонимичных глаголах, чаще имеющих разговорную окраску, *броситься* – *жать* – *тревожить*, на наш взгляд, нельзя понять, о чем идет речь, без опорного слова *атаковать*. Приведем еще один пример экспрессивно–синонимического ряда опорного слова *бить/разбить (врага)*. Мы допускаем, что для того, чтобы понять о чем идет речь в номинативном значении книжно–торжественного глагола *разить* или разговорных глаголов *покончить* – *добить* – *уничтожить*, не обязательно соотносить эти слова с основным значением *бить/разбить (врага)*. Но представляется затруднительным соотнести с явлениями действительности глаголы, имеющие разговорно–просторечное или разговорно–бытовое употребление – *влететь* – *задавить* – *порешить* – *косить* – *лупить* – *кокнуть* – *угрохать* – *шлепнуть* – *хлопнуть* – *шарахнуть* – *уложить* – *шугануть* – *прищучит* – *свалить*, *прихватить* и т.д., не прибегнув к опорному слову.

Таким образом, мы допускаем, вслед за В.В. Виноградовым, наличие стилистических синонимов, лишенных прямого номинативного значения, но считаем, что некоторые эмоционально–стилистические синонимы все же способны соотноситься с предметами и явлениями объективной действительности без соотнесения их со значением опорного слова. «В силу того обстоятельства, что эмоциональный момент проявляется в употреблении слова, а употребление и значение слова связаны живыми нитями, эмоциональная окраска слова как своеобразный психологический субстрат, в котором слово живет и развивается, может оказывать прямое воздействие на изменение значения слова, так же как и другие факторы психической и общественной жизни человека. Это воздействие находит свое выражение, как и во всех прочих случаях семантического развития слова, в изменении или же в отмирании некоторых его лексико–семантических вариантов» [Звегинцев, 1957, с. 180].

Стилистическая нейтральность определяется независимостью военной лексики от художественного контекста. Термин безразличен к контексту, он

«связан не с контекстом, а с терминологическим полем» [Реформатский, 1961, с. 51]. В художественной литературе о Великой Отечественной войне военные термины могут употребляться в своем прямом значении, выполняя номинативную функцию. Стилистическая нагрузка падает на слова общего языка, в окружении которых находится термин. В художественных текстах отбор речевых средств определяется ориентировкой на создание образности – «наличие внутренней формы, свойство слова, отличное от таких качеств, как эмоциональность и экспрессивность, но, во всяком случае, близкое к ним и не дающее возможности говорить об «интеллектуальной чистоте» термина (его значения)» [Прохорова, 1970, с. 154]. Слова приобретают образность в случае семантического способа создания нового термина, например, метафорического или метонимического переноса. Образность может мешать восприятию термина, вызывая ассоциации с реалией, давшей название новому понятию, но через те же самые ассоциации образность может и содействовать осмыслению и пониманию сущности нового понятия. В структуру художественного текста вовлекаются литературные, диалектные, профессионально–производственные, научно–технические, жаргонные слова и выражения; изложение может ориентироваться на формы устной или письменной речи (стилизация в художественном повествовании устно–разговорной речи; воспроизведение манеры, свойственной типизированной форме общения). Изобразительность, эмоциональность придается тексту теми добавочными средствами, которые возникают в смысловой структуре слов в ином употреблении (метафоризация, сравнения, символизация).

Иногда структура специальной лексики содержит оценочный фактор, так как «наука не может быть полностью объективна и нейтральна, и в терминах, особенно на этапе первоначального наименования, видно отношение ученого к обозначаемому объекту или явлению, правда эта модальность достаточно быстро исчезает в рамках всей терминосистемы» [Лейчик, 1983, с. 84]. Строго научное содержание термина предполагает, что образцовый термин неэкспрессивен и эмоционально нейтрален, но в реальной языковой действительности термины обладают образностью. Термин – это, прежде всего, слово, имеющее некоторые

характерные особенности, отличающие его от всех остальных общеупотребительных единиц. Однако если термин является изначально словом, то ничто языковое ему не чуждо. Он подчиняется законам, действующим в языке, то есть при определенных условиях он может и должен иметь оценочный компонент. Наличие оценочного компонента зависит от происхождения и способа образования терминологических единиц, от степени близости терминологической системы к общественной жизни, практической деятельности людей и отношениям между ними. Оценка обязательным компонентом входит в процесс познания человеком действительности. Она затрагивает свойства предмета, его качественные характеристики, связи и отношения с другими объектами. Любая оценка имеет субъективно–объективный характер. Термину присуща объективная оценка, основанная на общезначимых стереотипах, которые соответствуют представлениям общества о каком–либо предмете, свойстве, ситуации. В научной литературе оценку также делят на денотативную и коннотативную. Коннотативный аспект в структуре значения термина в ряде случаев может быть приоритетным, так как существенной является необходимость выразить отношение к определенным действиям, процессам, ситуациям, субъектам и объектам действительности. Оценка ряда терминов объясняется так же и тем, что в структуру их значения часто входит идеологический компонент. Различные общественные группы, употребляя определенные термины, прибавляют к обычному значению идеологическую оценку понятий, выраженных этими терминологическими единицами с позиций социального понимания данных явлений. Логическая оценка также не может быть чуждой научной терминологической среде, так как общая функция всех терминов – это описание процесса познания, следствием чего является возможность наличия оценочного компонента в значении термина.

Терминологические системы, тесно связанные с жизнью социума, отражающие интересы общества, его взгляды, нормы, могут иметь оценочность, не нарушая своей терминологической природы. «Исторический характер формирования терминологии, ее постепенное развитие и становление в течение

многих лет, возникновение терминов на базе общеупотребительных слов родного языка, а также идеологический фактор определяют «жизнь» оценки в термине и, более того, обуславливают необходимость использования оценочного компонента в значениях целого ряда терминологических единиц» [Захарова, 2008, с. 92].

Военные жаргонные единицы, как правило, стремятся к стилистической сниженности. «Эмотивная коннотация является важнейшим признаком военного жаргона, одной из основных его функций. Потребность в выражении чувств становится зачастую главной причиной возникновения жаргонного слова. Жаргон является своего рода языковой игрой, которая подчинена принципам эмоциональной экспрессивности. Регистр эмотивных оценок военного жаргона широк: от уважительных и ласкательных до презрительных и уничижительных» [Лазаревич, 2000, с. 19].

М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев [Кузнец, 1960, с. 49] выделяют среди жаргонизмов три типа единиц:

1) фамильярно–разговорные слова, свойственные повседневной бытовой разговорной речи (естественное, ситуативное снижение): *тридцатьчетверка, трехлинейка, сорокопятка* (– *Артиллерии нет. Одна сорокапятимиллиметровка осталась, и та с подбитым колесом* [ВН, с. 30], *Хорошо, наши сорокопятки затыкали, отогнали фрицев* [ВК, с. 184], *«Максим» и трехдюймовка – это все. И выкрутились все–таки* [там же, с. 83], *У противотанкового рва, расковырянного снарядами, стояла подбитая тридцатьчетверка, а по полю остались лежать пехотинцы* [Б, с. 20]);

2) арготизмы и сленг (намеренное снижение): *видик* (*Сергачев внимательно осмотрел свой комсостав и, кривя тонкие губы, усмехнулся: – Ну и видик! От одного вашего вида немцы разбегутся куда попало* [К, с. 5]), *прапор* (– *Заспались, заспались, прапоры!* – такими словами встретил своих командиров Филькин. Он, когда бывал не в духе, всегда так обидно называл своих взводных [Ас, с. 241]);

3) вульгаризмы (эмоционально–подчеркнутое снижение): *лодыри, чмошники* (– *Человек с десяток подкинешь ему с берега, Бородин, – всяких там*

портных, сапожников и других лодырей [ВН, с. 139], Каждый вечер приходит взвод второй роты саперного батальона. Мои же ставят мины и руководят вторыми рубежами. Работают на них так называемые «лодыри» – портные, парикмахеры, трофейщики и не получившие еще своего вооружения огнемечники [там же, с. 185], Водку и энзе выдали, товарищ лейтенант. А чтоб два раза не ходить, я выпросил у чмошников коробку. Чмошниками солдаты называли хозяйственников. В переводе это слово не выдержит никакой цензуры [К, с. 8]).

Стилистическая функция арготизмов, пишут исследователи, «заключается в том, что они оживляют разговор на профессиональные темы, устраняют ту неизбежную официальность, которая связана со строгим соблюдением специальной терминологии и которая может быть столь утомительной при повседневном общении людей друг с другом в производственной обстановке» [Кузнец, 1960, с. 50], тем более в боевой напряженной обстановке. Что касается вульгаризмов, стилистических вульгаризмов [там же, с. 53], неуместность их употребления заключается в подчеркнuto пренебрежительном отношении говорящего к предмету речи.

Б.А. Серебренников относит жаргоны к своеобразным просторечным стилям, которые существуют на базе обычного языка, выполняют стилистические функции. «Социальные варианты речи, подобно стилям, употребляются прежде всего в определенных условиях, там, где соответствующий стиль речи оказывается принятым и уместным» [Общее языкознание, 1970, с. 492].

На основании всего вышесказанного, мы можем предложить следующую стилистическую классификацию военной лексики, использованной в художественных произведениях о Великой Отечественной войне:

1) Военные единицы мелиоративной эмоционально–экспрессивной книжной функционально–стилевой окраски:

а) имеющие синонимы в разговорной лексике: *сражение* (ср.: *бой* (*Сражение шло не первый час [Б, с. 19], Бои идут в южной части [ВН, с. 79]*),

б) устаревшие: *побоище* (*Повсюду следы огромного побоища* [Б, с. 4]), *дозор* (*Идти будем походной колонной. С дозорами и охранением* [ВН, с. 14]), *стан* (*Снаряды с резким свистом полетели в стан врага* [Ил, с. 201]),

в) поэтическая лексика: *отпрянуть* «отступить» (*Немцы отпрянули* [там же, с. 193]), *разить* «бить, уничтожать врага» (*Вышел от батареи с ответной речью, голос – будто каждым словом врага разит* [Б, с. 42]).

2) Военные единицы мелиоративной эмоционально–экспрессивной разговорной функционально–стилевой окраски:

а) разговорно–просторечные: *сабантуй* «бой, атака» (*– Ну, смотри, комбат, не подкачай. Завтра опять «сабантуй»... А патронов пришем. И к утру уже пушки будут. С ними все–таки веселей* [ВН, с. 108], *До чего тихо. А завтра опять «сабантуй». Самолеты, крик, трескотня. Сегодня сдержали все–таки. Только в одном месте потеснили нас немцы* [там же, с. 108]), *супротивник* (*Наши войска настойчиво догоняли супротивника, мяся сначала кубанский чернозем, затем песок со снегом, и никак не могли догнать* [Ас, с. 243]),

б) метафорического происхождения: *орлы* «хорошие бойцы» (*Соответственно воспитывал и своих подчиненных, которых называл не иначе как «орлы». То были и в самом деле орлы* [Ал, с. 18], *В воздухе, куда ни помотришь, только наши орлы* [Кор, с. 213]).

3) Военные единицы нейтральной эмоционально–экспрессивной книжной функционально–стилевой окраски:

а) общеязычные с прямым значением: *бронетранспортер* (*Прорвавшийся вперед бронетранспортер* [Б, с. 62]),

б) официально–деловые: *устав* (*Он у нас все уставы наизусть знает* [ВН, с. 48]), *распоряжение* (*То было первое боевое распоряжение Алексея* [В, с. 123]).

4) Военные единицы нейтральной эмоционально–экспрессивной разговорной функционально–стилевой окраски:

а) разговорно–просторечные: *дьютант* (*Это из палатки, где лежал обгоревший летчик, вышла санитарка и окликнула Мишку: – Дьютант, а дьютант! – Ну чего вам? – помолчав, неохотно отозвался мальчик* [Н, с. 132]),

б) разговорно–бытовые: *катюша* «зажигалка–самоделка» (из фитиля в патронной гильзе и кремня с кресалом – обломком рашпиля или напильника) (*Те, кто из деревень, уже смастерили «катюши», и мы добываем огонь почти первобытным способом* [ВК 2, с. 25]),

в) метафорического происхождения: *укладывать* «убить» (*Немец пытается переползти овраг. Его укладывают* [ВН, с. 17]), *выйти/выйти из строя* «погибнуть, быть раненым» (*Сколько человек вышло из строя?* [там же, с. 35], *Комсостав почти весь вышел* [там же, с. 57], *Два человека выходят из строя. Одному перебивает ногу, другому вышибает глаз* [там же, с. 160]).

5) Военные единицы пейоративной эмоционально–экспрессивной книжной функционально–стилевой окраски:

а) экзотизмы: *капут* (– *Скажи – Гитлер капут!* [ВК, с. 198]).

б) Военные единицы пейоративной эмоционально–экспрессивной разговорной функционально–стилевой окраски:

а) разговорно–литературные: *всыпать* «побить» (*Всыпали немцам* [Ил, с. 151]), *пятиться* «отступать» (*Потом немцы перешли в наступление <...> Мы совсем растерялись, дрогнули, начали пятиться* [ВН, с. 17], – *Нам никак уже дальше нельзя... До точки уже допятились* [там же, с. 95]), *кончать* «доводить исполнение чего–либо до конца; завершать, заканчивать (здесь: победить)» (*К сентябрю немцы хотят все кончить* [там же, с. 44]), *погнать* «начать преследовать» (*Погнали немцев* [там же, с. 46]), *отгонять* «заставлять силой или угрозой покинуть какое–либо место» (*Если только удастся отогнать немцев* [там же, с. 83]), *жать* «стрелять» (– *Здорово жмет? (немец) – Куда там, головы не подынешь* [там же, с. 89]), *засесть* «укрепиться» (*Крепко там немец засел* [Ил, с. 170]),

б) разговорно–просторечные: *дранать, улепетывать* «поспешно отступать, бежать (обычно с оттенком презрительности)» (– *Ну а как там на фронте... здорово дранают?* [ВН, с. 48], *лупить* «сильно бить (стрелять)» (*Немец лупит из миномета* [там же, с. 75]), *Принюхиваясь, присматриваясь ко всему тому, что оставил немец, мы как бы привыкали к нему, хотя и без того он уже не был для*

нас ни загадочным, ни грозным, ни непобедимым, он драпал отсюда, оставив трупы, запахи, хлам, стало быть, и от нас будет улететь... [Г, с. 113]), *фриц* «название немцев» (– *Фрицу многое чего хочется, – вступает кто-то третий...* [ВН, с. 95]), *ухлопать* «убить» (– *Ведь вас тут немцы в два счета ухлопают* [там же, с. 127]), *кокнуть* «убить», «ранить» (– *Немца там одного кокнули, в охранении сидел* [там же, с. 150], – *После того как тебя кокнуло, еще раз ходили в танковую атаку* [там же, с. 231]), *влопаться* «попасть в трудную ситуацию», здесь: «попасть в окружение» (– *Да, Чумак, влопались. Что и говорить! – Влопались, – смеется Чумак. – Но ничего, комбат. Выкрутимся* [там же, с. 158]), *гробить/угробить* «губить/убить» (– *Угробило тех двоих, – говорит он, вынимая затвор, – Одни тряпки остались* [там же, с. 173]), *прищучить* «наказать врага» (*Поди тогда объясняй трибуналу, почему ты вместо того чтобы лес прочесать да немцев прищучить, черт-те куда попер* [БВ, с. 57]),

в) разговорно-бытовые: *высотка* «возвышенность, имеющая стратегическое значение» (*Помните, мы с вами одну за другой высотки брали...* [Кор, с. 212]),

г) метафорического происхождения: *жарить* «стрелять» (*Две мины, одна за другой, свистя, медленно пролетают над нами и разрываются где-то далеко позади. Ширяев ухмыляется: – Все по круглой роце жарит* [ВН, с. 17]), *шпарить* «стрелять» (*Немцы скрываются. – Сейчас из минометов начнет шпарить, – вполголоса говорит Лазаренко...* [там же, с. 38]).

Для военной лексики актуальна языковая асимметрия. На материале данного исследования прослеживается количественное доминирование пейоративной оценочно-экспрессивной лексики по сравнению со словами мелиоративной окраски: 69% / 31%. Некоторые группы мы выделяли постольку, поскольку речь людей, не владеющих литературными нормами, интересует стилистику исключительно как средство речевой характеристики литературных персонажей: – *Переночевать, бабка, требуется. Раненые мы. С фронту идем, – сказал он грубовато и настырно* [ВК, с. 261].

Итак, литература о Великой Отечественной войне многообразна и многостильна. Языковые средства подвергаются осознанному отбору: одни из них являются нормативными, правильными, общепринятыми, другие квалифицируются как нелитературные, неправильные. В определенных контекстах необходимо применение тех или иных слов, словоформ, выражений в зависимости от писательской практики, интуиции, жанровых требований. Другими словами, отбирается такой языковой материал, который в наибольшей мере соответствует «характеру выражаемого или изображаемого» [Кожин, 1982, с. 32]. Соответственно этот материал, употребленный в данном контексте, становится стилистически в нем закрепленным. Любое употребление будет правильным, если оно обусловлено характером сферы общения. Именно поэтому даже то, что противоречит нормам общелитературной речи, находит функционально оправданное применение и выступает как показатель стилистического своеобразия. Например, стилистически значимы в различных сферах общения слова, словосочетания и словоформы, находящиеся за пределами норм общелитературной речи: *старшой* (старшина), *убечь* (отступить); экспрессивные образования в обиходно-бытовом общении и в контекстах художественной речи: *зеленый* (неопытный в военном деле) и т.п.

1.5. Стилистические возможности военной лексики в произведениях о Великой Отечественной войне

Важным аспектом изучения военной лексики представляется выявление ее стилистических возможностей в контексте художественных произведений о Великой Отечественной войне. В языке сосуществуют языковые элементы и внеязыковые: особенности жизни народа, быта, культуры. «Язык существует для целесообразной передачи общественно значимого процесса мыслительной деятельности, для объективирования действительного сознания, поэтому ему присуща функционально–коммуникативная подвижность внутренней структуры; так, например, постоянно увеличивается репертуар номинативных средств (слов, выражений, описательных наименований) для передачи возрастающего потока информации в связи с успехами познавательной деятельности носителей языка» [Кожин, 1982, с. 16]. Номинативное употребление военной терминологии в художественном контексте, например, может осуществляться с различными целями. Это – средство описания боевой обстановки и военных событий 1941 – 1945 гг. Это и речевая характеристика литературных персонажей – военных. Номинативное употребление военных терминов – источник тематического многообразия терминосистемы «Военная лексика» в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне.

Для описания военной обстановки в произведениях могут быть использованы военные термины в прямом значении и термины, соотносимые с общеязыковыми словами. Один из художественных приемов – столкновение военного термина и его общеязыкового синонима, часто метафорически окрашенного: *Механик Николай Лубнин <...> выучился на танкового механика, но на танк не попал, а дали ему консервную банку под названием Т-60 – изобретали же такие! И выпускали тысячами! В первой же атаке подожгли его «коломбину» бронебойной пулей* [КК, с. 181]. Стилистическое впечатление создается сложным взаимодействием эмоционально–экспрессивной и

функционально–стилевой окраски между собой и с другими единицами в тексте. Стилистическая информация может осуществляться не только через словоупотребление, но и через характер использования словосочетаний, устойчивых оборотов речи. Настроение произведения создают ритм, инверсия, интонация, назывные предложения, повторение слова, точные детали, глагольная и насыщенная эпитетами ткань текста.

Военный контекст может характеризоваться романтической окраской (противопоставление опасного, «романтического» обыденному, реальному): *Война застала Галю на третьем курсе, и в первый же понедельник вся их группа в полном составе явилась в военкомат. Группу взяли, а Галю нет, потому что она не подходила под армейские стандарты ни ростом, ни возрастом. Но Галя, не сдаваясь, упорно штурмовала военкома и так беззастенчиво врала, что ошалевший от бессонницы подполковник окончательно запутался и в порядке исключения направил Галю в зенитчицы. Осуществленная мечта всегда лишена романтики. Реальный мир оказался суровым и жестоким и требовал не героического порыва, а неукоснительного исполнения воинских уставов. Праздничная новизна улетучилась быстро, а будни были совсем непохожи на Галины представления о фронте [БВ, с. 105], Борису так хотелось скорее настичь врага, сразиться. «Успеешь, младший лейтенант, успеешь! Немца хватит на всех и на тебя тоже!» – снисходительно успокаивали неторопливо топаящие, покуривающие табачок, рассудительные бойцы. В мешковатых шинелях, с флягами и котелками на боку, с рюкзаками, горбато дымящимися за спиной, они совсем не походили на тот образ бойца, какого мечтал вести вперед Борис <...> Не сразу, нет, а после многих боев, после ранения, после госпиталя застыдился себя Борис, такого самонадеянного, такого разудалого и несуразного, дошел головой своей, что не солдаты за ним, он за солдатами! [Ас, с. 244 – 245].*

А.Н. Кожин называет следующие особенности стилистического употребления слов и выражений: непривычное употребление слова, например, использование разговорно–просторечного слова вместо общелитературного. «Но

может быть ориентировка и на книжно–поэтические, официально–деловые, отвлеченно–книжные слова и выражения и даже на средства пассивного словаря» [Кожин, 1982, с. 33]. Отличается лексика в описании воинов Красной Армии и немецких захватчиков. Для описания советских солдат употребляются единицы с положительной семантикой и высокой стилистической окраской: ... *лихой, с золотым чубом и в заливчатски сдвинутой на левую бровь пилотке командир первого батальона Ширяев* [ВН, с. 13], *Лицо у него совсем розовое, с золотистым пушком на щеках. И глаза совсем детские – веселые, голубые, чуть–чуть раскосые, с длинными, как у девушки, ресницами. С таким лицом голубей еще гонять и с соседскими мальчишками драться. И совсем не вяжутся с ним – точно спутал кто–то – крепкая шея, широкие плечи, тугие, вздрагивающие от каждого движения бицепсы* [там же, с. 35 – 36], – *Сколько, ты говоришь, у тебя человек во взводе? – У меня? Восемнадцать, я девятнадцатый. Молодец к молодцу* [там же, с. 122], *Карнаухов, командир четвертой роты <...> пожимает своими широченными плечами <...> У Карнаухова низкий, слегка глуховатый голос. Говорит, немного запинаясь. Может быть, просто слова подбирая. А в общем, мне он нравится <...> Большой, косолапый, с густыми, сросшимися на переносице бровями, сероглазый, с мешком за плечами. Согнувшись, протиснулся в узенькую, низкую дверь <...> и попросил воды. Выпил с аппетитом большую, чуть ли не с ведро, кружку <...> скрутил сигарку совершенно невероятных размеров и стал молча курить* [там же, с. 124 – 125], *С ленцой, вразвалочку выступает Сашка Глухарев, рослый разведчик. С него хоть картину пиши образцово–показательного бойца – комсоставский ремень туго стягивает тонкую талию, гимнастерочка заправлена без морщинки, на широком плече небрежно болтается карабин, на бедре шашка, на ногах не кирзачи, как у всех нас, а яловые, гармошкой, еще не тронутые пылью сапоги. И лицо у Сашки внушительное, треть его уходит на квадратный подбородок с тщательно выбритой ямкой посередине* [Т, с. 33], *Генерал–майор Маслов был человек складный, энергичный и сильный. Он чем–то напоминал сжатую пружину. Прибавьте к этому бронзовый загар лица, не сходивший даже зимой, быстрый,*

решительный орлиный взгляд, в котором угадывалась готовность действовать в любой обстановке моментально и без колебаний <...> Множество орденов и медалей закрывало полностью его мощную грудь, которая, казалось, была специально сделана такой широкой, чтобы носить весь этот «иконостас» [Кор, с. 212].

При описании немецких оккупантов наблюдается изобилие низкой, ироничной и бранной лексики: *Это был немец. Фашист. До сих пор Лара видела фашистов только на карикатурах и считала, что каждый из них чудище, урод* [Н, с. 43 – 44], – *А где сейчас немцы? – Немцы? Яичницу жрут километрах в десяти – двенадцати отсюда. И шнапсом запивают...* [ВН, с. 31], – *В штабе нам говорили, что где-то здесь против нас действует особый батальон из охранных отрядов Гитлера. Отборные эсэсовцы. Двухметровые,* – *говорит лейтенант Гриша. – Окоротили двухметрового. Подох в соплях. Супермени... – Механик крепко матерится и снова затягивается папироской* [КК, с. 186], – *Так чего же он! От злости, что ли, спятил... – вспыхивает Венька, но тут же умолкает. Потом тихо добавляет: – Да-а, Гитлера ловить надо. Живьем! Чтобы собственной шкурой ответил за все, что нагадил. Носом, носом его в собственное дерьмо!* [там же, с. 193].

Большими стилистическими возможностями обладает словообразовательный уровень языка. Экспрессивностью и стилистической выразительностью обладают слова с суффиксами субъективной оценки, уменьшительно-ласкательными суффиксами: –ок– (–ек–), –очк– (–ечк–), –очек– (–ечек–), –ец–, –чик–, –ик–, –к–, –ишк–, –ушк– (–юшк–), –оньк– (–еньк–), –ец–, –ищ–, –ц– («эмочка», патрончик, гранатка, бомбочка, винтовочка, трехлинеечка, очередишка, солдатик, лейтенантик, лейтенантишка (лейтенантишко), окопчик, блиндажик, группка, шинелька, шинелишка, мундирчик, брючки, барахлишко, вещички, госпиталишко, пяточок, передок, документики). Суффиксальные образования со значением пренебрежительности, презрительности, иронии: –ищ–, –онк– (–енк–), –ок– (–ек–), –шк–, –ц–, –к–, –ин–, –ун–, –ак–, –ан–, –яй– (начальничек, защитничек, пулеметище, стрельбище,

войка, вражина). «Оттенок уменьшительности обычно сопровождается экспрессией ласкательности, реже – шутливости, ироничности, оттенок увеличительности – экспрессией грубости, пренебрежения, неодобрения, иронии, а также восхищения» [Кожина, 2008, с. 242].

В книжной речи наиболее эффективны имена действия на **–(е)ние** (*сражение, наблюдение, окружение, военное положение*). Для разговорной речи характерны, создающие стилистическую сниженность и эмотивную коннотацию, суффиксы: **–арь–, –ач–, –ак–, –ар–, –ух–, –ун–, –ашк–, –ушк–, –ышк–, –ер– (–ёр–)** (*певун, винтарь, винтыра, кубарь, кирзачи*); слова на **–ка–** (*драка, стычка, вылазка, дивизионка*). «Для одних слов эмоциональность заключена в самом их лексическом значении, другим она придается посредством использования соответствующих суффиксов» [Звегинцев, 1957, с. 169]. Интересной представляется семантика слова *пехтура* (*Лапшин действительно был моряк, вернее, служил на флоте, заболел, лежал в госпитале, врачи признали его не годным к морской службе, и попал он в пехоту; оказавшись среди серой пехтуры, надел на себя застиранную гимнастерку, шинелишку вместо черного бушлата, обмотки вместо брюк клеш...* [Г, с. 134]). Данное слово мотивируется одним из значений прилагательного *пеший* (идуший пешком) и грамматически соотносимо с ним. М.Н. Кожина относит суффикс **–ур–** к аффиксам книжного происхождения соответствующей функционально–стилевой окраски [Кожина, 2008, с. 244]. Г.А. Воеводина добавляет, что данный суффикс выражает оценочное значение [Воеводина, 2007, с. 61]. Слово *пехтура* отмечается как «простое» и «пренебрежительное» [МАС, т. 3, с. 117].

В ряду образований с суффиксом **–ия** выделяются слова, которые при реализации отвлеченного понятия совокупности используются для квалификации различных видов экспрессии: *офицерия*, образования на **–ня**: *матросня, офицерня, солдатня*. Разговорно–просторечную и разговорную, вместе с экспрессивной окраской, имеют существительные на **–нье, –тье, –ота** (от глаголов), **–ня, –отня** (*пулеметная трескотня*); существительные с нулевым

суффиксом и суффиксом **-к-(а)**, противопоставленные однокоренным существительным на **-ние** (*формирование – формировка*).

Активизировалось употребление сложносокращенных слов, образованных сочетанием начальных частей производящих основ и сочетанием начальных слогов и целых слов или их форм. В произведениях о Великой Отечественной войне они функционируют на уровне нормы при обозначении должностных лиц (лексико–семантическая группа «Слова, обозначающие лицо по роду военной деятельности (отношение к оружию, подразделению, виду военной службы, воинской специальности и специализации) и квалифицируемые в соответствии со служебно–должностными категориями военнослужащих» тематической группы «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования»): *комдив* – командир дивизии, *комбриг* – командир бригады, *комбат* – командир батальона, *комроты* – командир роты, *комвзвода* – командир взвода, *военком* – военный комиссар, *начштаба* – начальник штаба, *замполит* – заместитель командира по политической части, *военврач* – военный врач, *военфельдшер* – военный фельдшер, *санинструктор* – санитарный инструктор, *политрук* – политический руководитель, *парторг* – партийный организатор, *политработник* – политический работник, *начпрод* – начальник службы продовольственного снабжения, *начхим* – начальник химической службы, *начфин* – начальник финансового отдела, *начмед* – начальник медицинской службы, *помкомбата* – помощник командира батальона, *дивинженер* – дивизионный инженер и другие.

Употребление сложносокращенных слов встречается при обозначении войсковых формирований и тактических подразделений (лексико–семантическая группа «Слова, определяющие виды родов войск, войсковых формирований, тактических подразделений; воинских формирований, созданных для выполнения боевой или специальной задачи» тематической группы «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования»): *мотопехота* – моторизованная пехота, *моторазведка* – моторизованная разведка, *санчасть* – санитарная часть, *стройбат* – строительный батальон, *медсанбат* – медицинский санитарный батальон, *гидророта* – гидротехническая рота, *санрота* – санитарная рота,

хозвзвод – хозяйственный взвод, *санвзвод* – санитарный взвод, *опергруппа* – оперативная группа, *политотдел* – политический отдел и др.

Сложносокращенные слова употребляются в обозначении военных объектов (лексико–семантическая группа «Слова, определяющие объекты военного значения» тематической группы «Материальная база войны, материальные средства»): *военкомат* – военный комиссариат, *штадив* – штаб дивизии, *эвакогоспиталь* – эвакуационный госпиталь, *медпункт* – медицинский пункт.

У морфологического уровня стилистические функции прослеживаются, например, в основе стилистического употребления категории рода. Встречаются случаи, когда экспрессия достигается нарушением соответствия форм того или иного рода: *Как вдруг солдат этот, с двухцветной щетиной на лице, каурой и седой, бесцеремонно рванул лейтенанта за сапог, уронил рядом с собой, да еще и подгрёб под себя, будто кубанскую молодуху. «Убьют ведь, дура!» – сказал солдат и стал куда–то стрелять из винтовки... [Ас, с. 245].*

А.В. Миртов пишет: «До революции социально активным лицом в нашей действительности был почти исключительно мужчина, но постепенно женщина начинает самостоятельно выполнять разные мужские работы. Возникают профессиональные наименования <...> Однако путаница в формах и способах обозначения женщины по профессии и специальности проявляется сейчас в другом. Женщина у нас целиком уравнена с мужчиной и в правах, и в трудовых обязанностях <...> Многочисленные имена существительные мужского рода – названия профессий и социальных положений, которые раньше применялись только к мужчине, теперь стали применяться и к женщине» [Миртов, 1953, с. 99 – 100]. Ярким примером является повесть «Партизана Лара», в которой сама Лара чаще называет себя *разведчиком, партизаном, боевым другом и товарищем* (существительные в мужском роде), тогда как автор и другие герои чаще говорят о ней в женском роде: *разведчица, партизанка: Меня (Лару) перевели в 21–ю бригаду. Командира ты хорошо знаешь, и я тоже. Это капитан Ахременков. Его бригаде нужны были разведчики, и решили, что я пригожусь [Н, с. 156], А они*

своё твердят (Лара с подружками): «Всё равно партизанами будем» [там же, с. 89], Сейчас она напишет ему письмо. Конечно, особенное – ведь партизаны писем не пишут [там же, с. 155], Помнишь, как мы договорились: когда война кончится, ты приедешь к нам в Ленинград. Я тогда тебе покажу свой карандашик. Я его не потеряла и тебя не забыла. И ты не забывай боевых друзей [там же, с. 156], Муж у неё коммунист, а теперь немцы знают, что дочка её партизанка, – оставаться в деревне ей больше нельзя [там же, с. 142], Сперва немцы как будто ей поверили, но с ними был один человек–предатель. Он, показывая на Лару, сказал офицеру: «Партизанка», и Лару увели [там же, с. 161].

Из суффиксов первое место по употребительности среди новообразований принадлежит продуктивным суффиксам –ица; –ка (более 60%): *зенитчица, подносчица, разведчица, комсомолка, санитарка (Немцам станет ясно, что перед ними разведчицы партизан [Н, с. 146], Много раз перечитывала она боевую характеристику, которую дал ей, рекомендуя ее в партию, командир полка: «... Комсомолка Королева личным примером храбрости и героизма вдохновляет бойцов на новые и новые подвиги [Ил, с. 178], В темноте хрустнула ветка под ногой. Это из палатки, где лежал обгоревший лётчик, вышла санитарка и окликнула Мишку [Н, с. 132], Она увидела, что маленькая партизанка, смертельно бледная, стоит, бессильно прислонившись к стене [там же, с. 165]).*

Что касается категории числа, «известно, что форма единственного числа в собирательном значении характеризуется разговорной окраской; поэтому в художественной литературе такое словоупотребление используется как прием стилизации живой разговорной речи персонажей» [Кожин, 1982, с. 89]: *Горазд еще немец, ох как горазд! Что весной будет, неизвестно, может, опять на Москву запрет? [ВК, с. 97], От этого наступления зависело все – не только судьба Сталинграда, судьба Волги, к которой рвался враг, но и судьба всей нашей Родины [Ил, с. 189], по нашей земле фашист идет [П, с. 164].* Иногда эта форма поддерживается и профессиональной речью.

А.Н. Кожин считает, что в годы Великой Отечественной войны заметно активизировалось употребление форм множественного числа имен существительных. Обратной стороной этого явления было сокращение употребления форм единственного числа в отдельных его функциях и в определенных лексических группах. Прежде всего формы множественного числа вытеснили из употребления формы единственного числа со значением обобщенности, собирательности. Современной нормой в таких случаях является множественное число со значением широкого обобщения: *враги, фашисты* и т.д. [Кожин, 1982, с. 89 – 90]. А.В. Миртов придерживается сходного мнения. Он считает, что сравнительно широко в годы Великой Отечественной войны употреблялись в собирательном значении лишь некоторые имена существительные. Множественное число расширялось: 1) за счет единственного со значением обобщения (*Враги жестоки* вместо *Враг жесток*) и 2) за счет собирательных существительных (*офицеры* вместо *офицерство*).

Исследователь полагает, что в силу именно данного значения, связанного с интересом к личности, к отдельным людям, форма множественного числа терминологических наименований постоянно употреблялась по отношению к нашим войскам и нашим героям, в то время как формы единственного числа с собирательным значением для соответствующих слов сравнительно часто проявляются, когда речь идет о вражеских войсках. В то же время нужно отметить, что формы множественного числа со значением обобщения широко употреблялись и для выражения эмоционально–отрицательной оценки. «Десятки раз в каждом номере газеты встречались слова: *фашисты, гитлеровцы, фрицы, изверги, варвары, вандалы, грабители, звери* и почти не было форм единственного числа: *фашист, гитлеровец, фриц, изверг, варвар, вандал*» [Миртов, 1953, с. 103].

Однако, что касается художественного языка, наше исследование лишь отчасти подтверждает данную тенденцию.

Употребление наименований противника в единственном и множественном числе от общего количества наименований противника

Единственное число, количество употреблений в %	Множественное число, количество употреблений в %
<u>Противник: 12,7 %</u> (<i>Наши части, сдерживая противника, готовили силы для будущего наступления, для решительных боев [Ил, с. 178]</i>)	<u>Противники: 0 %</u>
<u>Немец: 16,6 %</u> (<i>Проходящие через село раненые бойцы говорили, что немец далеко – километрах в сорока, сдержали как-будто [ВН, с. 31]</i>)	<u>Немцы: 31,6 %</u> (<i>Немцы не дураки, чтобы открывать свои огневые точки ради одного взвода [ВК, с. 151]</i>)
<u>Враг: 6 %</u> (<i>Все силы враг бросал на степи, расстилающиеся между Доном и Волгой [Ил, с. 171]</i>)	<u>Враги: 0,9 %</u> (<i>Летчик, привыкший воевать в воздухе, он в первый раз встретил на земле живых, неповрежденных врагов [П, с. 21]</i>)
<u>Фриц: 7,2 %</u> (<i>Минут пятнадцать бушевал фриц, а для Сашки век целый [ВК, с. 225]</i>)	<u>Фрицы: 17,9 %</u> (<i>Все-таки отошли они. Недалеко, прада: за речку, где прошлым утром спектакль фрицам устраивали [БВ, с. 127]</i>)
<u>Фашист: 0,4 %</u> (<i>по нашей земле фашист идет [П, с. 164]</i>)	<u>Фашисты: 5,1 %</u> (<i>Ведь это были не просто слова, а названия городов, освобожденных от фашистов наступающей Красной Армией [Н, с. 108]</i>)
<u>Оккупант: 0 %</u>	<u>Оккупанты: 0,8 %</u> (<i>Ему бросилась в глаза крупно написанная фраза: «Смерть немецким оккупантам!» [Н, с. 115]</i>)
<u>Гитлеровец: 0 %</u>	<u>Гитлеровцы: 0,8 %</u> (<i>Бабка повредила в уме после того, как гитлеровцы при ней изнасиловали ее старшую дочь [П, с. 229]</i>)

Совершенно очевидно, что, действительно, более конкретные наименования врага употребляются во множественном числе, однако более общие понятия, тяготеющие к книжной лексике с высоким значением: *враг, противник*, гораздо чаще употребляются в единственном числе и имеют обобщающее значение.

Слово *враг* в собирательном значении повышает свой статус, что наглядно иллюстрируется примером из повести М. Алексеева «Солдаты». «Взволнованный Гунько с риторическим пафосом говорит: *Да мне с моими солдатами, дорогой товарищ, не сегодня завтра придется лицом к лицу встретиться с врагом, вступить с ним в кровопролитный бой. – Нельзя ли спокойнее и проще, – иронически просит Марченко. – Гунько обещает: – Буду проще, – но продолжает ораторски: – Да, вступить в бой! Так пусть же знают они этого врага.* Наконец, говорящий успокаивается, приподнятость тона исчезает, и речь идет уже не об абстрактном враге, а о немцах: *Что касается превосходства немцев, то не тебе, разведчику, говорить о нем <...> Сейчас солдаты не поверят в превосходство немцев; они знают наши силы не хуже нас с тобой!*» (см. об этом: Миртов, 1953, с. 102).

Следующее наблюдение можно представить в виде таблицы:

Таблица 2.

Употребление наименований противника в единственном и множественном числе от общего количества наименований противника в произведениях В.Л. Кондратьева

Немец		Фриц		Враг		Противник	
Ед. ч., %	Мн. ч., %	Ед. ч., %	Мн. ч., %	Ед. ч., %	Мн. ч., %	Ед. ч., %	Мн. ч., %
53	47	61	39	83	17	99,9	0,1

В.Л. Кондратьев употребляет слово *немец* в единственном числе в собирательном значении – в 53 % случаев, а слово *немцы* во множественном

числе – в 47 % случаев. У других авторов использование формы единственного числа этого слова крайне редко (Б.А. Васильев: 11/89 %; В.П. Некрасов: 6/94 %). *Фриц* у В.Л. Кондратьева: в единственном числе в собирательном значении – 61 %, во множественном числе – 39 % (у В.П. Некрасова 21/79 %). Слово *враг* в единственном числе в собирательном значении по сравнению со множественным числом писатель использует еще чаще: 83 % к 17%. А вот слово *противник* у всех встречается только в единственном числе.

Миртов пишет: «Употребление форм множественного числа в собирательном значении удобно тем, что эти формы и обобщают, и одновременно дают возможность расчлененного представления о предмете; ср.: 1) Вот показалась вражеская *пехота*; Отличилась наша *артиллерия* и 2) Вот показали наши *пехотинцы*; Отличились наши *артиллеристы*» [Миртов, 1953, с. 103].

Мы полагаем, что во множественном числе употребляются подобные единицы тогда, когда речь идет о чем-либо или ком-либо конкретном, в единственном же числе, – когда значение обобщено или слово имеет стилистическую окраску, как в примере со словом «гвардия», например: *Молчит его «гвардия». Пыхтит, ойкает, задыхается. Но лезут* [БВ, с. 42].

Таблица 3.

Употребление слов, называющих род военной деятельности в единственном и множественном числе от общего количества слов, называющих род военной деятельности в анализируемых художественных произведениях о Великой Отечественной войне

Единственное число, количество употреблений в %	Множественное число, количество употреблений в %
<u>Пехота: 20,9 %</u> (– <i>А сколько людей всего у нас? – Пехоты – двенадцать</i> [ВН, с. 158]; <i>А мимо по грейдеру цокотала подковами</i>	<u>Пехотинцы: 1 %</u> (<i>Связной Коншина – Рябиков – паренек невысокий, но плотненький, из кадровых пехотинцев</i> [ВК, с. 160])

<i>пехота, позвякивала окованными прикладами о котелки, полы шинелей на ходу хлестали по ногам, тонковатым в обмотках [Б, с. 4])</i>	
<i><u>Артиллерия: 11,9 %</u> (После обеда откуда-то начинает стрелять наша артиллерия [ВН, с. 104])</i>	<i><u>Артиллеристы: 5,9 %</u> (А артиллеристы 270-го приперли туда свои пушки и огонь противника на себя притягивают [ВН, с. 232])</i>
<i><u>Разведка: 22,8 %</u> (Тут комбат позвал к столу и велел показать на карте, откуда пришла разведка [ВК, с. 204])</i>	<i><u>Разведчики: 31,6 %</u> (В избе у разведчиков лежали на столе образцы листовки и пачка старых газет [Н, с. 108])</i>

Часто слова и выражения становятся стилистически окрашенными в условиях контекста, «ассоциативные связи по сходству или смежности могут содействовать расширению стилистических возможностей слова, а вместе с тем реализации иных смыслов» [Кожин, 1982, с. 34]. Например, слово *гость*, общепринято связанное с номинациями *друг, стол, угощение, визит*, приобретает совершенно другой, связанный с номинациями *враг, противник*, семантико-стилистический характер в следующем контексте: – *Сороки!.. – тихо смеялся Федот Евграфыч. – Сороки-белобоки шебаршат, Рита. Значит, идет кто-то, беспокоит их. Не иначе – гости <...> Шестнадцать немцев, озираясь, медленно шли берегом к Синюхиной гряде... [БВ, с. 59], В блиндаж вваливаются связисты с ящиками, с катушками. Дышат, как паровозы. – Еле добрались. Чуть к фашистам в гости не попали [ВН, с. 157].* Здесь наблюдается случай приобретения мелиоративно-оценочным словом негативного смысла в составе стилистической фигуры иронии.

«Выбор слова, оборота речи, типа предложения определяется стремлением облечь выражаемое в адекватную речевую форму, поэтому точность обозначения, конкретность образа или изображаемой ситуации намечает тот или иной подход к использованию стилистических ресурсов литературного языка» [Кожин, 1982, с. 34 – 35]. Стилистическая окраска военной лексики в произведениях о Великой Отечественной войне создается следующими способами: 1) языковая единица изначально содержит стилистический оттенок; 2) стилистическое значение

возникает в случае переносного употребления единицы и тогда: а) стилистическую окраску приобретает единица, которая до этого была нейтральной и б) единица приобретает другое стилистическое значение, отличное от того, которое она имела раньше; 3) стилистически значимо само употребление какой-либо единицы в определенном стиле.

В области военной лексики в различной степени представлены семантические явления, характерные для общеупотребительной лексики: синонимия (например, в разговорной речи в виде термина и общезыкового слова: *самолет–машина, отступить–отходить и др.*), вариативность (*танк–бронетранспортер; бронетранспортер* – транспортный танк или танк–транспортёр (транспортёр пехоты), разработан на базе танка и отличается от него некоторыми техническими параметрами и выполняемыми задачами), антонимия (*победа–поражение, наступление–отступление*), многозначность (фронт в значении «линия развертывания вооруженных сил и их соприкосновения с противником на территории военных действий и фронт в значении «район (полоса, зона) территории, на которой ведутся боевые действия»). Эти языковые явления употребляются в языке художественной литературы в качестве стилистического приема. Широко используется разговорная военная лексика, которая не всегда упоминается в военных словарях. Однако она легко выявляется в тексте художественной литературы о Великой Отечественной войне, частично или полностью усваиваясь общелитературным языком, и широко используется всеми писателями для стилизации разговорной речи.

Выводы по главе

1. В период Великой Отечественной войны военная лексика не была замкнута и изолирована в своем профессиональном употреблении. В ней происходили практически те же лексико–семантические процессы, что и в общеязыковой лексике, но со своими специфическими особенностями. Терминологическая система «Военная лексика» обладает следующими признаками: в нее входит множество языковых компонентов, которые находятся в определенных отношениях друг с другом и образуют единство. Названная система взаимодействует с окружающим миром в ходе познавательной деятельности человека. Использование общеязыковых слов при обозначении военных реалий продолжает оставаться яркой характерной чертой военной лексики.

В настоящем исследовании рассматриваются военные термины и профессионально–жаргонная лексика военного характера. Под военным термином мы понимаем специальное наименование, соотнесенное с определенным понятием в области военного дела, в семантической структуре которого обязательно присутствует сема *военный, боевой*. Обязательным условием отнесения лексемы к терминам является ее включение в состав профессиональных военных словарей. К военной лексике нетерминологического плана относим профессионализмы (разговорную лексику), жаргонизмы, сленг военных. При этом мы не проводим четких границ между терминологической и нетерминологической лексикой, между военной лексикой в целом и лексикой общеупотребительной, так как терминология является частью общелитературного языка, между ними происходит постоянное взаимодействие и обмен элементами. На протяжении всей истории изучения военной лексики исследователи подчеркивают слабо выраженную изолированность военного словоупотребления от общелитературных слов, так как большая часть военной лексики развивалась в бытовых условиях, когда люди были вынуждены заниматься военным делом. Неоднородные по своей функциональной характеристике военные единицы

нетерминологического плана в большинстве случаев являются стилистическими синонимами военных терминов и характеризуются сферой неофициального общения военных.

2. В качестве объекта исследования военная лексика привлекалась в работах многих лингвистов. Исследовалась как военная терминология, так и жаргонная военная лексика. Военные единицы рассматривались с семантической, словообразовательной, фразеологической, метафорической, стилистической стороны. Обращалось внимание на вопросы синонимии. Изучалось происхождение и историческое развитие военной лексики. Однако до сих пор не уделялось достаточного внимания классификации военной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне.

При сопоставлении тематических групп терминологической системы «Военная лексика» в классификациях разных исследователей было выявлено частичное совпадение некоторых групп и их компонентов, однако в ряде случаев такого совпадения не обнаружено. Некоторые военные единицы нуждаются в уточнении, так как являются примерами неоднозначности военной лексики.

3. Лексико–семантическая классификация терминологической системы «Военная лексика» представлена 11 тематическими группами. В основу ее формирования положена картотека военных единиц, собранная путем сплошной выборки из художественных произведений о Великой Отечественной войне. Вместе с основными терминами указываются близкие по значению слова – профессиональные, сокращенные, контекстуальные. Из ряда синонимичных терминов в качестве основного выбирался тот, использование которого характеризуется наиболее длительной и устойчивой традицией употребления и находит отражение в военных словарях.

Наибольшее количество военных единиц сосредоточено в первых трех тематических группах: «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования», «Материальная база войны, материальные средства», «Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы и приемы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий». Компоненты данных групп

активно вступают в метафорические отношения, приобретая стилистическую и экспрессивную окраску в художественной литературе о Великой Отечественной войне. Тематические группы «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования» и «Материальная база войны, материальные средства» представлены, в основном, существительными и словосочетаниями на базе существительных. Группа «Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы и приемы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий» представлена существительными, глаголами, общеязыковыми словами, которые, употребляясь в военном контексте, приобретают военную окраску, а также интенсивами, передающими динамику военных действий.

Авторы произведений о Великой Отечественной войне активно употребляют военную лексику данных групп, что влияет на количество их компонентов. На долю первых трех тематических групп приходится 73,9 % от общего объема представленных единиц.

4. Применение военной лексики в том или ином стиле позволяет писателям точнее выразить мысль, полнее описать чувства и настроение персонажей. В художественной литературе отбор речевых средств определяется нацеленностью на создание образности, что находит отражение в стилистическом богатстве, которое базируется на разнообразии использования военной лексики в художественной литературе о Великой Отечественной войне. Часто стилистическая нагрузка падает не на сам термин, а на общеязыковые слова, которые его окружают. Существует мнение, что научное содержание термина предполагает его эмоциональную нейтральность и неэкспрессивность, тогда как в действительности термины обладают образностью и могут иметь оценочность, не теряя своей терминологической природы. В произведениях о Великой Отечественной войне язык активно осваивает лексику, связанную с боевыми действиями, военным бытом и т.д. В языке художественной литературы употребляется архаизированная военная лексика с высокой стилистической окраской, активизируются слова *Россия*, *русский*, употребляясь с мелиоративными коннотациями. Нетерминологическая военная лексика, как

правило, стремится к стилистической сниженности. Ее стилистическая функция заключается в устранении официальности в боевой напряженной обстановке. Среди военных жаргонизмов мы, вслед за М.Д. Кузнецом и Ю.М. Скребневым (Кузнец, 1960), выделяем фамильярно–разговорные слова, свойственные повседневной бытовой разговорной речи, арготизмы и сленг, вульгаризмы.

Военная лексика языка художественной литературы о Великой Отечественной войне способна классифицироваться по стилистическим свойствам. Мы различаем эмоционально–экспрессивную окраску и функционально–стилевую. На основании этого в классификации выделяется военная лексика мелиоративной эмоционально–экспрессивной книжной окраски, мелиоративной эмоционально–экспрессивной разговорной окраски, нейтральной эмоционально–экспрессивной книжной окраски, нейтральной эмоционально–экспрессивной разговорной окраски, пейоративной эмоционально–экспрессивной книжной окраски, пейоративной эмоционально–экспрессивной разговорной окраски. Для языка художественной литературы характерна языковая асимметрия. Пейоративная оценочно–экспрессивная лексика количественно доминирует по сравнению со словами мелиоративной окраски: 69% / 31%.

5. Военная лексика обладает большими стилистическими возможностями.

Для описания военной обстановки в художественных произведениях используются термины в прямом значении и термины, соотносимые с общеязыковыми словами. Один из художественных приемов – столкновение военного термина с его общеязыковым синонимом. С помощью номинативного употребления может осуществляться речевая характеристика персонажа. Это также важный источник тематического многообразия терминосистемы «Военная лексика» в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне.

Часто военная лексика становится стилистически окрашенной в условиях контекста, который характеризуется романтической окраской (противопоставление опасного, «романтического» обыденному, реальному). В языке художественной литературы широко представлены: семантическая синонимия, вариативность, антонимия и другие явления, характерные для

общеупотребительной лексики, использование разговорных и просторечных синонимов вместо термина, употребление единиц с положительной семантикой и высокой стилистической окраской в описании воинов Красной Армии, изобилие бранной лексики при описании немецких захватчиков.

Большими стилистическими возможностями обладает словообразовательный уровень языка художественной литературы о Великой Отечественной войне. Широко употребляются слова с суффиксами субъективной оценки, уменьшительно-ласкательными суффиксами, суффиксальными образованиями со значением пренебрежительности, иронии, презрительности.

Активизируется употребление сложносокращенных слов. Особенно этот процесс актуален для военных единиц лексико-семантических групп «Слова, обозначающие лицо по роду военной деятельности (отношение к оружию, подразделению, виду военной службы, воинской специальности и специализации) и квалифицируемые в соответствии со служебно-должностными категориями военнослужащих», «Слова, определяющие виды родов войск, войсковых формирований, тактических подразделений; воинских формирований, созданных для выполнения боевой или специальной задачи» тематической группы «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования» и лексико-семантической группы «Слова, определяющие объекты военного значения» тематической группы «Материальная база войны, материальные средства».

На морфологическом уровне стилистические функции реализуются в употреблении категории рода и числа. В художественной литературе о Великой Отечественной войне, как прием стилизации разговорной речи персонажей, используется форма единственного числа. Конкретные наименования врага употребляются в художественном тексте во множественном числе, выражая эмоционально-отрицательную оценку, тогда как более общие понятия, тяготеющие к книжной лексике с высоким значением, чаще употребляются в единственном числе и имеют обобщающее значение.

ГЛАВА 2. ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

2.1. Военная лексика в общем контексте лингвистических, лингвокультурологических и когнитивных категорий

Культурно–национальное представление человека о мире отражается посредством «языка мысли», ментальных сущностей, носящих в языке имя концептов (концептуальных структур). Именно они формируют в сознании носителя некоторый образ окружающей его культурной действительности. Собственно, эта мысль была положена в основу понятия «картина мира», которая создает некое единое «смысловое поле», благодаря которому происходит взаимопонимание между представителями одной культуры. Картина мира многомерна, она объединяет представления человека о различных сторонах окружающей его действительности. В своей совокупности множество картин мира образуют концептуальную модель.

Выделяется также понятие языковой картины мира, которая выступает в виде некоторой проекции концептуальных конструкций и их материального воплощения в языке, что акцентирует важность изучения языка не самого по себе, а в связи с его культурными функциями. Поэтому можно говорить о том, что концепты, которые формируют концептуальную картину мира (а также их языковые проекции), отличаются своеобразием в культурно–национальном плане. С самого зарождения человечества люди ощущали свою принадлежность к племени, к семье, что определяло их поведение, систему взглядов на окружающую действительность. «Эта принадлежность, творчески преобразованная сознанием и пропущенная через призму ценностей и эмоционально–чувственной сферы, воплощенная в знаковых формах родного

языка, и есть национальный русский, языковой менталитет» [Радбиль, 2011, с. 54], который реализуется в семантической парадигме национального языка.

Изначально культурологическая тенденция была ориентирована на изучение прошлого того или иного этноса, что нашло отражение в этнолингвистическом направлении. Большинство исследователей сходится на том, что картины мира, складывающиеся в сознании носителей различных культур, не одинаковы, а национально специфичны.

Концептуально–культурологическое направление занимает важное место в лингвистических исследованиях и носит интердисциплинарный характер. В рамках данной области выделяются концепции: Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, С.А. Аскольдова–Алексеева, А.П. Бабушкина, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, А.А. Залевской, В.И. Карасика, Н.А. Красавского, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, С.Х. Ляпина, Ю.С. Степанова и др. Все эти концепции частично пересекаются и взаимодополняются. Происходит дифференциация двух основных направлений – когнитивного и лингвокультурологического. Различия в данных подходах связаны в основном с принципом отбора единиц исследования и методикой их описания.

Впервые в отечественной лингвистике термин концепт в значении, отличном от термина «понятие», использовал С.А. Аскольдов–Алексеев, отметив у концептов функцию заместительства: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов–Алексеев, 1997, с. 269].

Д.С. Лихачев видит суть концепта в «алгебраическом выражении значения» [Лихачев, 1993, с. 3]. То или иное слово не вызывает в нашем сознании набор признаков, формирующий его словарное значение или логическое понятие, «охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по–своему интерпретирует его» [там же]. Д.С. Лихачев трактует концепт с точки зрения отдельного носителя языка или с позиций «человеческой идиосферы». Содержание концепта включает словарное значение слова и совокупность ассоциаций, оттенков, связанных с личным и культурным опытом

языковой личности. Таким образом, исследователь использует психологический подход к пониманию концепта. Вместе с тем автор отмечает всеобщность концептов, глобальность, так как если бы они были полностью индивидуальны, общение стало бы невозможным. Напротив, концепты, замещая в речи значения, являясь «некими потенциями значений» (Лихачев, 1993), облегчают общение. Об этом говорит и В.В. Красных: «Безусловно, индивидуальный опыт личности во многом специфичен, но не настолько, чтобы каждый член того или иного сообщества присваивал исключительно нечто, ему и только ему присущее. Если бы это было так, то ни о каком взаимодействии личностей не могло бы быть и речи. Иначе говоря, несмотря на все разнообразие индивидуальных «мозаик», сложенных из частей «целого», существует некое «ядро», объединяющее всех членов некоторой социальной группы и специфичное именно для данной группы» [Красных, 2002, с. 18].

Совокупность концептов в сознании отдельного носителя, а также для языка в целом Д.С. Лихачев называет концептосферами [Лихачев, 1993, с. 5]. Таким образом, по Д.С. Лихачеву, «если концепт является условной «алгебраической подстановкой значения слова или выражения, сокращающего мыслительный процесс, пользующегося этой подстановкой, то концептосфера национального языка в целом является в известной мере «алгебраической» подстановкой всего культурного опыта нации, и в этом отношении можно говорить о национальном языке как о показателе культуры нации в целом» [там же, с. 9]. Национальная концептосфера непрерывно изменяется по объему и содержанию.

Вариантов концептосферы национального языка довольно много, они по-разному классифицируются, по-разному себя проявляют. В.А. Маслова предлагает следующую классификацию концептосферы: 1) мир; 2) стихии и природа; 3) представления о человеке; 4) нравственные концепты; 5) социальные понятия и отношения; 6) эмоциональные концепты; 7) мир артефактов; 8) концептосфера научного знания; 9) концептосфера искусства [Маслова, 2008, с. 75 – 76].

Для Ю.С. Степанова концепт – это, прежде всего, явление духовной культуры. Более того, он определяет культуру через концепт, подчеркивая, что эти ментальные образования представляют собой «сгустки культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру и влияет на нее» [Степанов, 2004, с. 43]. Другими словами, концепт для исследователя – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [там же]. Такое понимание можно назвать *лингвокультурологическим*.

По мнению Ю.С. Степанова, в структурном отношении концепты в культурологии – то же самое, что концепты в математической логике, но с точки зрения содержания концепт в культурологии включает в себя большее количество компонентов. Структура концепта также трактуется с точки зрения культурного развития – он состоит из различных уровней, «слоев», которые «являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох» [там же, с. 49]. Так, в связи с этим лингвист выделяет такие компоненты в составе концепта как основной, новейший, актуальный, активный признак (существующий для носителей языка данной культуры) и дополнительный, пассивный, или исторический, признак (актуальный лишь для отдельных социальных групп), а также внутреннюю, исходную форму (этимологический признак, особенно важный для исследователей). Из данного определения вытекают и предлагаемые автором методы исследования концептов – этнографические, культурологические, исторические. Основной упор делается на социальную сущность концептов как общественное наследие всего русского общества, а не на индивидуально–психические особенности, как у Д.С. Лихачева. Концепты, как явления культуры, относятся к коллективным ценностям, представляя собой элементы коллективного сознания, но в их специфическом преломлении в индивидуальных сознаниях отдельных носителей языка. И хотя они обрастают большим количеством личностных ассоциаций, концепты для представителей одной культуры имеют много общего. Г.Г. Слышкин опровергает уровневую структуру концептов Ю.С. Степанова, делая акцент на том, что если какой–либо элемент

отсутствует в сознании индивида или группы, то такой элемент не может включаться в структуру данного концепта индивида или группы. В этом случае слои концепта следует рассматривать как отдельные концепты различного объема, а не как компоненты единого концепта [Слышкин, 2004, с. 22 – 23].

Несколько иное, чем у Ю.С. Степанова, толкование концептов находим у А.П. Бабушкина. Автор рассматривает концепт в рамках когнитивной семантики. Так же, как и Степанов, он отмечает коллективный характер концептов. В трактовке А.П. Бабушкина, концепты соответствуют содержанию семем данного языка. Именно в значениях слов содержится результат познания действительности, и поэтому, используя процедуру компонентного анализа, можно изучать концептуальные параметры слова, то есть в значении слова можно почерпнуть его логико–предметное содержание, тот образ, который отражает положение вещей в действительности. Идеальная сущность концепта находит свое материальное воплощение в конкретных словах языка, так как, по мнению Бабушкина, «в самом слове, в равной мере в его вербальной дефиниции фиксируются результаты когнитивных усилий человеческого разума» [Бабушкин, 1997, с. 35]. Неоднородность самой действительности влечет за собой неоднотипность выражающих ее концептов. А.П. Бабушкин рассматривает концепт как родовое имя, объединяющее несколько его разновидностей. Таким образом, исследователь использует семантический подход в изучении концептов.

Большой вклад в развитие теории концепта внесла А. Вежбицкая. В ее понимании концепты – это некий языковой способ категоризации действительности. Концепты выступают как мысленные образования, необходимые исследователю для того, чтобы объяснить, как устроена окружающая действительность. Логико–понятийный подход исследователя предполагает рассмотрение концептов как инструментов познания внешней действительности, которые должны быть описаны средствами языка в виде некоторых объяснительных конструкций.

По теории А. Вежбицкой, концепты национально–специфичны, что важно для сопоставительного изучения культурного своеобразия народов: «В языке

находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, и соответствующие языковые единицы представляют собою «бесценные ключи» к пониманию этих аспектов культуры» [Вежбицкая, 2001, с. 8, 18]. Культуроспецифичные слова отражают прошлый опыт человечества, они видоизменяются в процессе развития общества, оказывая и испытывая влияние в концептуализации окружающей действительности. «У языка есть свое окружение. Народ, на нем говорящий, принадлежит к какой-то расе, то есть к такой группе человечества, которая своими физическими свойствами отличается от прочих групп. Язык не существует и вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир, 1993, с. 185].

Понимание концепта Н.Д. Арутюновой тяготеет к фольклорным, этнографическим исследованиям. Сам термин «концепт» используется в более узком смысле и относится главным образом к «мировоззренческим понятиям», составляющим важную основу культуры, являющихся ее метаязыком. В рамках данной школы исследуются такие концепты как «долг», «человек», «личность», «свобода» и другие. С точки зрения методики изучения строится некоторая семантическая модель таких понятий, которая складывается из следующих компонентов: «1) набор атрибутов, указывающих на принадлежность к тому или другому концептуальному полю, 2) определения, обусловленные местом в системе ценностей, 3) указания на функции в жизни человека» [Арутюнова, 1991, с. 3 – 4].

Подобно другим исследователям Н.Д. Арутюнова объясняет функции концепта как посредника между человеком и действительностью: «люди постоянно взаимодействуют друг с другом и с природой, но они осмысливают это взаимодействие через свои отношения с отвлеченными понятиями, получающими символическую значимость» [там же, с. 4]. Таким образом, исследователь рассматривает концепт как «понятие практической (обыденной) философии» [там же, с. 3].

Концепт также рассматривается как «некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании, оперативная единица в мыслительных процессах» [Кубрякова, 2004, с. 316], «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно–когнитивно–аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [Залевская, 2001, с. 39, 90]. С.Г. Воркачев классифицирует концепт как «зонтиковый термин», покрывающий одновременно предметные области когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии» [Воркачев, 2003 (а) , с. 6; 2003 (b) , с. 8], которым может быть лишь абстрактная сущность. В.И. Карасик формулирует следующее определение: «Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, то есть в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик, 2002, с. 139].

Когнитивный и лингвокультурный подходы различаются векторами по отношению к индивиду: в первом случае – это направление от индивидуального сознания к культуре, во втором – от культуры к индивидуальному сознанию. Г.Г. Слышкин выделяет следующие различия между когнитивным и культурологическим подходом к пониманию концепта: в когнитивной лингвистике одному концепту соответствует одна языковая единица и наоборот. В лингвокультурологии же концепт реализуется при помощи целого ряда языковых единиц [Слышкин, 2004, с. 19 – 20].

В.В. Красных говорит о национальном концепте (в узком понимании) или о «стереотипе» (в широком понимании): «Национальный концепт – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально–культурной маркированностью» [Красных, 2002, с. 184]. Национальный концепт, по мнению лингвиста, глубинный «смысл» предмета, может разворачиваться при возбуждении, активации ассоциативной парадигмы.

Национальным, на наш взгляд, является концепт «война». Слово «война» употребляется с древнейших времен и внесено во все словари русского языка: «Воен. Вооруженная борьба между двумя или несколькими государствами, народами, племенами или общественными группами внутри государства» [БАС, т. 2, стб. 597; БТСРЯ, с. 145], «Организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами» [МАС, т. 1, с. 203], «Общественно–политическое явление, продолжение политики насильственными средствами» [СВЭ, т. 2, с. 305]. Под словом «война» мы также подразумеваем словосочетание «Великая Отечественная война»: «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945, справедливая, освободительная война советского народа за свободу и независимость социалистической Родины против фашистской Германии и её союзников, важнейшая и решающая часть второй мировой войны 1939–1945» [СВЭ, т. 2, с. 54].

Данный концепт понимается лингвистами по–разному. Так, В.В. Красных говорит о стереотипном образе «война» [Красных, 2002, с. 195], а знания и представления о Великой Отечественной войне относит к прецедентным феноменам [там же]. К стереотипным образам исследователь также относит лексемы «военный», «военнослужащий немецкой фашистской армии времен II мировой войны» и другие. В.Б. Крячко рассматривает войну как концептосферу, представляющую собой сложноорганизованный концепт, в составе которого исследователь выделяет систему взаимосвязанных и взаимообусловленных концептов (Крячко, 2007). Данная концептосфера, по мнению лингвиста, осмысливается в обиходном и профессиональном сознании, проявляется в различных типах коммуникации и имеет этнокультурную специфику. В.Б. Крячко определяет концепт «война» как особый тип – гиперконцепт, образующий концептосферу, в состав которой входят концепты «бой», «армия», «оружие», «победа». Т.А. Лавриненко исследует феномен войны как фрейм и выделяет в нем несколько слотов и подслотов: «причины войны», «цель войны», «субъекты войны», «характер войны» (Лавриненко, 2008). В.А. Маслова исследует концепт войны (Маслова, 2008), который является важнейшим концептом языковой

картины мира русского народа: «Концептуализация войны в обществе не прекратилась, общество не перестало нести войну в сознании, в поведении, в языке» [Крячко, 2007, с. 10]. Тема Великой Отечественной войны до сих пор остается актуальной. Великая Отечественная война – самая масштабная и кровопролитная война за всю историю России, имевшая огромные драматические последствия для нашей страны. «Память о ней входит в прямой или опосредованный индивидуальный опыт всех россиян» [Лавриненко, 2008, с. 39]. Слово *война* наиболее часто используется в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне (30 % из всех синонимичных словоупотреблений). Оно довольно обобщенно по своей семантике, то есть является в средней степени абстрактным. Слово «война» стилистически нейтрально и не носит оценочного характера. Его эмоционально–оценочные коннотации устанавливаются уже в процессе сочетаемостных возможностей: *«Короткая, длительная, затяжная, жестокая, беспощадная, разрушительная, опустошительная, кровопролитная, братоубийственная (книжн.), победоносная, [не]справедливая, священная (высок.), освободительная, народная, партизанская, гражданская, захватническая, агрессивная, оборонительная, наступательная... война. Причина, политика, пропаганда, подготовка, развязывание, предотвращение, возможность, угроза, опасность, близость, объявление, состояние, начало, возникновение, очаг, ход, продолжение, расширение, ведение, окончание, конец, годы, бремя (книжн.), ужасы, жертвы, последствия, итоги, результаты, уроки, опыт, участник, герой, инвалид, противник, виновник, поджигатель... войны. Вступление... в войну. Участие, победа, поражение, перелом, поворотный пункт... в войне. Выход... из войны. Призыв, повод, готовность, подготовка... к войне. Начать, развязывать, готовить, объявить, вести, продолжить, выиграть, проиграть, прекратить, предотвратить, навязать, пережить... войну. Ждать, бояться, опасаться, избежать... войны. Грозить, угрожать... войной. Война разразилась, идет, расширяется, затянулась, кончилась, нарушила что–л., принесла людям...»* [ССС, с. 70 – 71].

Таким образом, лингвокультурная концептология взаимодействует с когнитивной концептологией, формируя модель «культура↔сознание (миропонимание)↔язык». Культура связана с миропониманием народа, она же реализует мирозидательный потенциал языка. Другими словами, культура детерминирует концепт. Миропонимание интегрирует культуру и язык, играя роль посредника. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание также отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных целей. Здесь пребывает концепт. В свою очередь, язык фиксирует миропонимание народа и реализуется в культуре. «Язык – необходимое и важнейшее средство овладения духовной и материальной культурой человечества. Индивид, включаясь в социальную жизнь, использует общественно выработанные формы познавательной деятельности и прежде всего язык» [Кузнецов, 1975, с. 23]. В данной сфере опредмечивается концепт.

2.2. Военная лексика в контексте лингвокультурологических категорий

К концу XX в. окончательно определилась теория и практика реконструкций культурных представлений на основе языковых данных и сложилось новое направление в языкознании, называемое лингвокультурологией – «часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденций языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [Телия, 1996, с. 217]. В.Н. Телия рассматривает лингвокультурологию как раздел этнолингвистики. В.А. Маслова не согласна с положениями исследователя: «Лингвокультурология – это наука, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2001, с. 9]. Данные концепции различаются также тем, что В.А. Маслова, в отличие от В.Н. Телия, считает, что объектом лингвокультурологии является исключительно культура, присущая конкретному народу (Маслова, 2001).

Становление лингвокультурологии произошло в рамках «культурологического поворота» (Слышкин, 2004), выразившегося в ориентации исследователей на культурологическую интерпретацию общественных процессов в конце XX века. Взаимосвязь языка и культуры рассматривали такие исследователи как В.Н. Телия (1996), В.И. Карасик (1996, 2002), В.А. Маслова (1997, 2001), В.В. Воробьев (1997), В.В. Красных (2002) и другие.

Одним из основополагающих тезисов лингвокультурологии выступают известные слова В. фон Гумбольдта о том, что язык есть как бы внешнее проявление духа народов (Гумбольдт, 1985). Как отмечал исследователь, среди всех проявлений, через которые познается дух и характер народа, только язык способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера (там же). Язык пронизывает все области человеческого опыта: с помощью языка человек взаимодействует с внешним миром и с его же помощью исследует и анализирует свой внутренний мир. «Язык незримо присутствует в

нашей системе ценностей и жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности» [Радбиль, 2011, с. 54]. Э. Сепир указывал на то, что «язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» (Сепир, 1993). Конечно, язык во многом зависит от культуры, но и культура в какой-то степени определяется языком. «Содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка, и не существует таких элементов языкового материала, ни содержательных, ни формальных, которые не символизировали бы никакого реального значения, каково бы ни было к этому отношение тех, кто принадлежит к другим культурам» [Сепир, 1993, с. 226]. Язык – хранилище культурных знаний народа, существующих как культурные коннотации, связываемые с отдельным словом, словосочетанием или даже с законченными высказываниями. Культура – это совокупность объективных (материальных) и субъективных (духовных) элементов. К объективным, вслед за Г.Г. Слышкиным (Слышкин, 2004) относим все языковые единицы (слова, фразеологизмы, поговорки, тексты), к субъективным – реализованные в языке лингвокультурные концепты. В человеческом сознании культура существует в виде «информационно-эмоционального поля» (Красных, 2002), в котором существует и функционирует человек, это так называемое «культурное пространство» (там же), которое является одновременно и виртуальным, и реальным, но становится вполне ощутимым при соприкосновении с явлениями другой культуры. При всем многообразии определений общей для большинства из них является ориентация на дистинктивную природу культуры. В данном исследовании культура понимается в широком смысле слова, включая образ жизни, образ мышления, чувства.

Основными показателями специфических черт культуры являются разработанность словаря, частотность употребления (Вежбицкая), семиотическая плотность (Арутюнова, Карасик).

2.2.1. Семиотическая плотность военных концептов, представленных в художественных произведениях о Великой Отечественной войне

Следствием аксиологической окраски культурных концептов является «семиотическая плотность» (Арутюнова, Карасик), «культурная разработанность» (Вежбицкая) – наличие ассоциативных связей, в которые вовлечен тот или иной концепт, представленность в плане выражения целым рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры), что объясняется их значимостью в жизни человека. Так, например, рассмотренный нами выше концепт «война» имеет следующие языковые синонимы: *«борьба, борение, столкновение, поход, кампания, нашествие, блокада, бомбардировка [ССА, с. 56], армагеддон (книжн.), ратный труд, брань (трад.–поэт. и высок.), рать (устар. высок.) [ССРЯ, с. 61].* Через синонимическое расширение ключевого слова (война) сюда относим (в том числе и индивидуально–авторские номинации): *борьба, страда (боевая страда), побоище, битва, буча, драка, военные действия, военные дела, боевая работа, боевая жизнь, поход, осада, оборона, бомбардировка, сражение, бой, сабантуй, поединок, наступление, атака, схватка, стычка, штурм, удар, облога, погоня, срочная служба, боевая служба, судьба фронтовая, жизнь солдатская, солдатская история, солдатское дело, ратное дело, призыв, мобилизация, сбор, формирование, месяцы фронта* и другие. При подсчете процентного количества языковых репрезентаций концепта «война» мы получили следующие данные: война (30 %), бой (23 %), атака (10, 7 %), наступление (9,3 %), оборона (8 %), бомбардировка (4,2 %), формирование (1,5 %), сражение (1 %), борьба (0,8 %), схватка (0,8 %), срочная служба (0,8 %), стычка (0,6 %), битва (0,4 %), поход (0,4 %), страда (0,4 %), штурм (0,4 %), погоня (0,4 %), мобилизация (0,4 %), сбор (0,4 %), месяцы фронта (0,4 %). Оставшиеся 6,3 % приходятся на слова: побоище,

буча, драка, осада, сабантуй, поединок, удар, облога, боевая работа, боевая жизнь, боевая служба, судьба фронтовая, жизнь солдатская, солдатская история, солдатское дело, ратное дело.

Лингвокультурному концепту как ментальной единице в полной мере свойственна нечеткость, то есть концепт не имеет четких границ, он группируется вокруг имени концепта, которое является ценностно акцентуированной точкой сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для языковых носителей ассоциации составляют ядро концепта, менее актуальные – периферию.

Рисунок 1.

Структура концепта «Война»

Концепты активизируются в сознании носителей путем ассоциаций. В качестве факторов могут выступать: индивидуальный опыт языковой личности, коллективный опыт (то есть культурная принадлежность), ситуативный контекст. Другими словами, в процессе коммуникации у представителей одного лингвокультурного сообщества возникают ассоциации, которые хранятся в их

сознании. Это разнообразные знания и представления об окружающей нас действительности. Конечно, эти представления в целом индивидуальны и могут отличаться от представлений других индивидуумов, однако ядро подобных знаний будет носить надличностный характер.

Деривационное пространство концепта «война» включает в себя лексемы: *военный (военный тон, военная тайна, военные дороги, военное положение, военная лихорадка, военные ветра), довоенный, по-военному, воевать (уметь воевать, счастливо воевать, научиться воевать, не научиться воевать), отвоеваться, довоеваться*. Использование глагольной формы было обнаружено нами в 33 % случаев употребления словоформ исследуемого концепта, форм прилагательных – в 4 %, наречий – в 0,9%, остальные словоупотребления номинативны.

Концепт «война» проявляется в паремиологии. Большой популярностью пользовались во время Великой Отечественной войне пословицы, поговорки, афоризмы, частушки и так далее, что также отражает значимость исследуемого концепта: «Многие фильмы, песни и художественные произведения о Великой Отечественной войне являются источниками большого числа крылатых выражений (цитат, образных выражений, изречений исторических лиц). Некоторые из них ценностно–значимы для современной русской лингвокультуры, имеют сверхличностный характер и используются в дискурсе» [Лавриненко, 2008, с. 42]. В это время возникает огромное количество именно коротких изречений, репрезентирующих концепт «война» в тексте: *говорят, невезение в картах к добру, когда едешь на войну* [Т, с. 23], *когда едешь на войну, мимо дома лучше не проезжать* [ВК 2, с. 5, 7, 19], *не бывает войны без жертв. На то и война* [ВН, с. 222], *им бы телешом загорать да в самолеты пулять – вот это война...* [БВ, с. 32], *война – это ведь не просто кто кого перестреляет. Война – это кто кого передумает* [там же, с. 111], *да, война – всем плохо, но нам, матерям, хуже всего* [ВК, с. 51], *война все спишет* [там же, с. 270], *на то и война, чтоб убивало* [там же, с. 279], *хозяин теперь всему война* [В, с. 133], *на войне верное время всегда бывает у начальства* [С, с. 10], *на войне нас убивает не только немец, а еще и*

лень [там же, с. 38], *кому война, а тебе, знать, мать родна* [П, с. 166], *война не мать родная* [Т, с. 65], *не к добру это, когда дети много играют в войну* [Г, с. 155], *войну на войне все равно не обойдешь* [Ас, с. 250].

Пословично–поговорочные выражения¹ с глаголом «воевать»: *не нравится – не воюй, дело твое* [ВН, с. 203], *разве успеешь и воевать и учиться?* [Н: 131], *воевать – не детское дело* [там же, с. 131], *воевать так воевать* [ВК, с. 98], *недурно или даже хорошо воевать – сейчас мало, сейчас надо так воевать, чтобы потом как можно дольше воевать не пришлось* [С, с. 78].

Афоризмы с прилагательным «военный»: *военный год – это добрых три мирных. А то и пять* [ВН, с. 60], *щебет военному человеку – штык в печенку* [БВ, с. 38].

Наряду с ассоциативной плотностью в процессе использования концепта происходит его вторичная номинация, его метафорическое переосмысление, что является не менее значимой его характеристикой, поскольку здесь также реализуются ценностные приоритеты лингвокультуры. Так, концепт «война» обнаруживается в составе окказиональной метафоры: *война катила свои волны, война прокатилась, хозяин теперь всему война, ударенные войной под самое сердце, пекло войны, беззвучная война, сводить счеты с фашистами* (в значении «воевать»).

Таким образом, лингвокультурный концепт принципиально не сводим к значению какой–либо одной языковой единицы: слова, словосочетания. К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи разных вербальных единиц (лексем, фразеологизмов, словосочетаний, предложений).

2.2.2. Принцип ключевых слов военных концептов

¹ Под пословично–поговорочными выражениями мы понимаем высказывания, сочетающие в себе особенности пословиц и поговорок [БЭС, с. 379]. В качестве синонимичных им мы употребляем в данном исследовании такие понятия как «авторские изречения», «афоризмы».

Наряду с культурной разработанностью, частотностью и семиотической плотностью лексический состав языка и культуру связывает принцип «ключевых слов» (Вежбицкая), особенно важных и показательных для любой отдельно взятой культуры. «Ключевыми концептами культуры называют главные единицы картины мира, константы культуры, обладающие значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [Маслова, 2008, с. 5]. Важнейшим в лингвокультурологическом подходе к концепту является, прежде всего, понятие духовной ценности: общественные представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, справедливости, назначении человека и прочее, например, концепты «война», «огонь», «враг», «Родина», «смерть», «жизнь», «кровь», а также их производные, играющие определенную роль в русской духовной жизни. Концепт «война» приводит нас к другим концептам: «оружие», «солдатская дружба», «дезертирство», «геройство». Например, чтобы осмыслить словосочетание «Великая Отечественная война», нам нужны не просто вышеуказанные концепты, но осмысление всей совокупности перечисленных концептов. Другими словами, «элементарные концепты» (Вежбицкая) способны выражать значение только при определенной комбинации всех компонентов.

Таким образом, концепты могут носить концентрированный и дисперсивный (Слышкин, 2004) характер. При концентрированной апелляции концепт реализуется эксплицитно – с помощью конкретной языковой единицы, имеющую с ним внеконтекстуальную номинативную связь. Например, концепт «Родина» реализуется в лексемах *Родина, Отечество, Отчизна*; концепт «победа» – в лексемах *победа, разгром*; концепт «нападение» – в лексемах *штурм, удар*; «враг» – *враг, противник, оккупант* и так далее. Что касается дисперсивной апелляции к концепту, то он формируется в сознании индивида при помощи совокупности значений языковых единиц, не являющихся средствами его номинации. Так реализуется словосочетание «Великая Отечественная война». Все вышеназванные лексемы имеют ассоциативную связь с данной единицей.

Ко всему прочему здесь можно говорить о существовании неспециализированных (общекультурных) и специализированных (профессиональных) концептов, использующих военную лексику. Однако в силу «народности» концепта «война», мы не видим смысла в подобном разграничении.

В.В. Красных говорит о «кодах культуры» (Красных, 2002), которые понимаются исследователем как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002, с. 232]. Базовыми В.В. Красных называет следующие коды: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. Все они не имеют четко выраженных границ и могут оказывать влияние друг на друга. Рассмотрим данные культурные коды в военном контексте.

В соматическом (телесном) коде особое место занимают функции различных частей тела. Так, например, *сердце* обозначает «2. Орган как символ средоточия чувств, настроений, переживаний человека» [БАС, т. 13, стб. 681]: *Так и сидели три эти женщины, вроде бы посторонние друг другу, но одинаково больно ударенные войной под самое сердце* [ВК, с. 77], *Она–таки растопила лед комендантского сердца в одну из весенних ночей...* [БВ, с. 10]. *Горло* может обозначать желание «силой заставить, принудить к чему–либо» [БАС, т. 3, стб. 296]: *Тут подумал Сашка, а как бы ротный на его месте поступил? Ротного на горло не возьмешь!* [ВК, с. 216]. Часто в соматическом коде функции частей тела передаются с помощью фразеологических единиц: – *Что–то здесь нечисто, лейтенант. Уж больно тишина подозрительная. Чует мое сердце – нечисто* [К, с. 83]. Словосочетание *сложить, положить голову* обозначает «умереть в борьбе с кем–, чем–либо; погибнуть» [БАС, т. 3, стб. 215]: *И в деревнях, что проходили они, казалось иной раз ему, что смотрят на них некоторые бабы, у которых мужья, видать, точно погибли, как–то недобро, будто думают: вы–то целехонькие идете, а наши мужики головы сложили* [ВК, с. 264], *Напротив, каждый знал, что ночью готовится захват дома, и радовался этому, хотя кому–то из них, наверно, предстояло именно в эту ночь сложить свою голову* [С, с.

237]. *Висеть, держаться на волоске* в образных выражениях обозначает «едва, еле–еле (о ненадежном, шатком положении или состоянии)» [БАС, т. 2, стб. 622]: *Судьба полка держалась на волоске* [Ал, с. 15], *Я уже ходил в атаку, бывал на волоске от смерти* [Г, с. 147], *В концлагере ты уже увидел и разом понял, что мир–то, оказывается, мотался на тонюсеньком волоске вместе со всеми твоими Веберами и лунными дорожками на летней Волге и уже домотался до сушеных трупов на стерильной площадке* [КК, с. 201].

В пространственном коде происходит деление пространства: *близко–далеко* и так далее. Пространственный код тесно связан с категорией «свой–чужой», с членением пространства на «свой» мир и «чужой». В.В. Красных представляет общую структуру мира таким образом [Красных, 2002, с. 236 – 257]: 1) Внутренний мир человека, то, что находится внутри самого человека в пределах телесных границ. Здесь важнейшую роль играет соматический код, так как универсальными единицами измерения пространства с древнейших времен являлись параметры тела человека: *Поразмыслив, он пришел к выводу, что все это есть меры, предпринятые хозяйкой для упрочения собственных позиций: она–таки растопила лед комендантского сердца в одну из весенних ночей и теперь, естественно, стремилась укрепиться на завоеванных рубежах* [БВ, с. 10]; *Подвижный, седой, все время встряхивающий контуженным плечом при разговоре, человек до мозга костей военный* [Ал, с. 18]. 2) Фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, другими словами – его личное пространство: *На войне никогда ничего не знаешь, кроме того, что у тебя под самым носом творится* [ВН, с. 18]. Здесь также, как в соматическом коде, могут употребляться фразеологизмы. 3) Фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личного пространства, но осознаваемый как близкий, свой, родной: *Отдаленные, глухие громаы канонады, теперь уже едва–едва долетавшие до полевого аэродрома, сразу очутившегося в глубоком тылу, не заглушали ни этой мелодии, ни соловьиных трелей, ни тихого, дремотного шелеста ночного леса* [П, с. 262]. 4) Фрагмент внешнего мира, который воспринимается как чужой, враждебный: *Хоронили мы Сеню возле моста. Мимо нас проносились танки, проходила пехота.*

Могучий поток советских войск двигался на запад, в логово фашистского зверя – в Германию [Ал, с. 54].

Пространственный код, реализующийся часто в антропоморфных метафорах, изначально принадлежащих соматическому коду, неразрывно связан с временным кодом, который фиксирует членение временной оси и движение по ней человека: *В военное время в деревне на счету каждый парень* [Н, с. 88], *И собственные ранения казались пустячными, а о том, что ждало их после выздоровления, не задумывались, привыкли на фронте жить часом, а то и минутой* [ВК, с. 240], *По своим законам текло время на войне: что было давно, иногда приблизится ясно, словно это вчерашнее, а самое долгое, самое нескончаемое, то, что происходит сейчас* [Б, с. 12]. Предметный код культуры относится к окружающей действительности и связан с предметами, принадлежащими окружающему миру: *И Сашка уже просто так, чтоб выплеснуть злобу и обиду, пустил длинную очередь наобум, пока не заглох ППШ* [ВК, с. 190], *И тут, бросив взгляд вперед, она застыла как вкопанная – на ослепительно белом снегу лежали, словно какие-то поломанные, брошенные куклы, мертвые немцы* [ВК, с. 67].

Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код отражает представления человека о мире животных, растений. Так, например, в военном контексте лексемы *желторотый, зеленый, фазан* обозначают молодых, неопытных воинов Советской Армии, элементы *крылья, нос, лапы, стрекочет* употребляются при описании авиационной техники и т.п.: – *Я понимаю, – сказал Сашка, – людей на смерть посылать трудно, но все же лучше такие командиры, как вы, кадровую отслужившие, чем из училища «фазаны» желторотые* [ВК, с. 274], *В одиннадцатом часу над ним неизвестно откуда неслышно появился маленький черный самолет с узкими, косо обрубленными крыльями. Он не гудел, а стрекотал, как косилка, и колеса под его квадратным фюзеляжем искалечено торчали в разные стороны* [В, с. 142].

Духовный код культуры составляют нравственные ценности и эталоны, и связанные с ними базовые оппозиции культуры. Данный код – аксиологичен. «Этот код пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [Красных, 2002, с. 256]: *А подумалось Сашке почему-то – вот такой же короткой, как вспышка ракеты, и будет их любовь... Погорит недолго, согреть как следует не успеет и... погаснет – разведет их война в разные стороны* [ВК, с. 247], *Смерть в бою покажется прекрасной по сравнению с бесчестьем* [Б, с. 33], *– Там (на фронте) головы не подынешь, а душа разгибается в полный рост* [Б, с. 54]. Все коды культуры образуют систему координат, которая участвует в структуризации и оценке материального мира.

2.2.3. Ценностный принцип изучения военных концептов, представленных в художественной литературе о Великой Отечественной войне

Для данного лингвистического исследования актуален ценностный подход в изучении военных концептов. Согласно данному подходу, «во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком; и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, может быть рассматриваемо вне всякого отношения к ценностям» [Слышкин, 2004, с. 23 – 24]. Таким образом, в лингвокультурных военных концептах акцентируется их центр – ценностный компонент, «поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» (Карасик, 1996). Причем ценность концепта имеет свойство изменяться во времени и пространстве коммуникации: зависит от индивида, от его коммуникативных усилий по сохранению или изменению той

или иной ценности. В лингвокультурный концепт ценность включается в качестве одного из элементов и рассматривается в двух аспектах: актуальности и оценочности. Аспект оценочности отражается в наличии оценочной составляющей (коннотаций, эпитетов) в имени концепта. Аспект актуальности реализуется в количестве языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту, в частотности их употребления в коммуникации. Например, в составе лингвокультурного концепта «оружие» аспекты оценочности и актуальности реализуются следующим образом: *Война научила нас любить оружие, ценить в нем красоту линий, всякие там загадочные и не поддающиеся анализу качества вроде «ухватистости» и «прикладистости»; мы умели находить душу и характер в каждом виде военной техники; мы называли грубые, решетчатые железные установки «катюшами», их завывание нравилось нам; <...> мы выросли среди страшной, убийственной военной техники и не могли не сродниться с нею, не придать ей человеческие свойства* [Смирнов, 2012, с. 92]. В данном эпизоде аспект оценочности проявляется в эпитетах «ухватистый» и «прикладистый». Аспект актуальности – в появлении интимно–ласковых обозначений вооружения. Ср.: в армейском жаргоне периода Великой Отечественной войны: *андрюша* – реактивный миномет, *аннушка* – самолет Ан–2, *матушка* – самоходная артиллерийская установка, *илюша* – самолет Ил–2 и другие антропонимы.

Следствием ценностного характера ментальных единиц является «переживаемость (они не только мыслятся, но и эмоционально переживаются, будучи предметом симпатий и антипатий) и способность интенсифицировать духовную жизнь человека – менять её ритм при попадании в фокус мысли» [Перелыгина, 1998, с. 5]. Таким ценностным характером обладает концепт «война». Война вызывает в русских людях отрицательные эмоции, характеризуется как зло, насилие. Люди испытывают чувства и эмоции перед войной, во время войны, при воспоминаниях о войне, победа же является большой радостью для народа. «Война способна более ярко, чем мирная жизнь, раскрыть различные качества человека, как положительные (благородство,

способность преодолеть себя), так и отрицательные (способность к измене, цинизм)» [Маслова, 2008, с. 223], в различных ситуациях человек ведет себя по-разному в борьбе за подлинные нравственные ценности: *Есть в человеке темная, слепая сила, которая может заставить его бежать с поля боя, но есть и что-то посильнее, чем эта слепая жадность к жизни, и это – разумная воля* [Ил, с. 166]; *Что только не звучало в эту минуту в эфире: и хрипящая сочная брань идущего в атаку, и вопль ужаса подбитого, и крик торжества победителя, и стон раненого, и скрежет зубов напрягающегося на крутом вираже, и хрип тяжелого дыхания... Кто-то в упоении боя орал песню на чужом языке, кто-то, ахнув по-детски, сказал «мама», кто-то, должно быть, нажимая на гашетки, зло приговаривал: «На тебе, на, на, на!»* [П, с. 251].

Об эмоциональной переживаемости концепта «война» говорит и наличие в произведениях о Великой Отечественной войне фольклорных мотивов. Зачастую немцы предстают как некая нечистая сила: *Где-то далеко-далеко, на той, запредельной стороне враг-невидимка. Он не знает о моем существовании, но ждет меня. Он не может испытывать ко мне злобы, но собирается убить. И кого убьет, он никогда не узнает. Все это так странно, что я никак не могу вообразить его человеком – с лицом, с телом, с руками, держащими винтовку с оптическим прицелом. Он нечто, бесплотный дух смерти* [Т, с. 53], *А немцев тем временем прибавлялось – то здесь, то там появлялись. Большие, серые, размытые предутренней дымкой, страшные...* [ВК, с. 186], *Притихшим, прикишим к окошкам людям, так же как и Саше, верилось, что это растворяются в сыром тумане испоганившие людские души призраки, развеивается по ветру черный ляк* [Гор, с. 175], *Бойцы отпускать тыловиков с передовой не спешили, разжигали в них панику байками о том, как тут много противника кругом и как он, нечистый дух, любит и умеет ударять врасплох* [Ас, с. 202], *Как привидения, как нежити, появлялись из тьмы раздерганными группами заблудившиеся немцы...* [там же, с. 212], *Пахло от немца каким-то чужим запахом: и табаком не таким, и одеждой другой, и даже потом другим...* [ВК, с. 192].

Запах играет особую роль: «Согласно древним представлениям европейских народов, каждый народ имеет «свой запах», «свой дух»: *На досуге мы облазили эти блиндажи, топтали разбросанные всюду немецкие газеты и журналы с портретами Гитлера и каких-то фашистских генералов с такими же, как у фюрера, жесткими глазами; мы принюхивались к запахам, оставленным врагом и еще не выветрившимся...* [Г, с. 113], *Пока Осянина за бойцами бегала, Васков все соседние и дальние камни на животе излазал. Высмотрел, выслушал, вынюхал все, но ни немцев, ни немецкого духу нигде не чуялось, и старшина маленько повеселел* [БВ, с. 88].

Человек изначально противопоставляет себя другим – «чужим, врагам», осознавая себя «своим» для некоторой группы людей (рода, клана, этноса). Причем понятия «свой» исконно связано с понятием «свободный человек», что отражается в том числе и на морфемном уровне. Данное противопоставление «свой» – «чужой» пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов русского национального мироощущения [Степанов, 2004, с. 479 – 480], особенно в эпоху Великой Отечественной войны: *Они еще боялись какой-то неожиданной отмены того, что сотворилось на их глазах, не могли опомниться после двухлетнего владычества на их земле чужой несметной силы* [Гор, с. 175], *До сих пор Лара видела фашистов только на карикатурах и считала, что каждый из них чудище, урод. А у этого солдата было, пожалуй, даже красивое лицо. И всё же смотреть на него было гадко и страшно. Потому что он чужой. Всё у него было чужое. И пуговица на куцей шинели чужая. И злые, холодные глаза. И голос, когда он выкрикнул чужое, непонятное слово: – Цурюк! Теперь, что бы она ни делала, куда бы она ни пошла, на пути встанет солдат в куцей шинели и будет цурюкать на неё своим немецким голосом. Теперь он здесь командует. Он – враг* [Н, с. 43 – 44]. Интересен эпизод, где боец Седых спрашивает своего лейтенанта о Гитлере: – *Товарищ лейтенант, а правда, что у Гитлера одного глаза нет?* – спрашивает Седых и смотрит на меня ясными, детскими глазами. – *Не знаю, Седых, думаю, что оба глаза есть.* – *А Филатов, пулеметчик, говорил, что у него одного глаза нет. И что он даже детей не*

*может иметь... Я улыбаюсь. Чувствуется, что Седых очень хочется, чтоб действительно было так <...> – А его немцы любят? Я рассказываю, как и почему Гитлер пришел к власти. Седых слушает внимательно, чуть приоткрыв рот, не мигая [ВН, с. 37]. Обращает на себя внимание и семантика цвета: немцы рисуются серыми, желтыми, «мертвыми» красками: *И виделся ему его враг <...> старым, с лицом злым и желтым, как у трупов, а из-под нахлобученной каски выпучен белесый, прижатый к окуляру глаз, нацеленный на Сашку, а скрюченный палец на спусковом крючке готов вот-вот сжаться, чтоб пустить очередь [ВК, с. 221], тогда как русские – светлыми, зелеными: живыми зелеными цепочками текло пополнение... [Ал, с. 32].**

В.И. Карасик (Карасик, 2002) включает в модель концепта фактуальные элементы, охватывающие информационные совокупности трех видов: 1) повседневное знание, воплощенное в языковых дефинициях (война – вооруженная борьба между двумя государствами, народами; Великая Отечественная война – война Советского Союза 1941–1945 гг., освободительная война советского народа против фашистской Германии); 2) элементы научного знания и общей эрудиции (ППШ – пистолет–пулемет конструкции Шпагина); 3) стереотипные и прототипические структуры (к 1941 году Советская Армия не имела опытных командиров из-за проводимых в стране репрессий).

Таким образом, концепт представляет собой сложное явление, в структуре которого вычленяются отдельные признаки, но специфика концепта в том, что те признаки, которые играют первостепенную роль в одном случае, становятся второстепенными в другом. «Реалии, прежде подвергавшиеся относительно слабой концептуализации, могут превращаться в центральные элементы концептосферы и становиться объектами детализованной и оценочно насыщенной номинации» [Слышкин, 2004, с. 54], например, военный жаргон во время Великой Отечественной войны, когда на несколько лет военная обстановка повлияла на появление ряда слов, обозначающих боевые реалии. В художественных текстах концепты опредмечиваются, объективируются, вбирают в себя обобщенное содержание множества форм выражения. Вообще лингвокультурный концепт –

семантическое образование высокой степени абстрактности. В области таких высокоабстрактных семантических сущностей, как культурные («духовные») концепты, родо–видовые отношения наблюдаются редко (концепт «героизм»). Теоретически отношения концепт – его языковая реализация можно было бы смоделировать на базе антонимической парадигмы в лексике, фиксирующей различия внутри одной и той же сущности (война–мир, радость–горе, счастье–беда, любовь–ненависть, живой–мертвый), однако семантический инвариант, объединяющий эту парадигму, – концепт, как правило, в языке не находит имени и, тем самым, для языкового сознания является малозначимым. В любом случае, во всех духовных концептах обнаруживается предел в словесном описании, за которым лежит некая духовная область, которая не описывается, но лишь переживается.

Итак, наиболее ценностные военные концепты являются общеупотребительными (не периферийными) словами, часто используемыми (хотя бы в одной семантической сфере), находящимися в центре полисемантической парадигмы (входит в состав фразеологических единиц, пословиц, поговорок, афоризмов, песен, названий книг). Они могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры.

Военные концепты описывают окружающую действительность, но действительность – ментальную. Они имеют буквальный смысл представления, термина, слова. «Это всякий раз – исходная точка дальнейшего развития концепта в самой ментальной действительности, в действительно существующем коллективном сознании» [Степанов, 2004, с. 60]. Определение концептов складывается из уровней, различных по времени образования, по этимологии, по семантике, поэтому концепт «получает всегда генетическое определение» [там же]. Все сказанное выше подчеркивает значимость изучения военных концептов не только как продукта мысли (в его когнитивной трактовке), но и как культурного феномена (в его культурологической трактовке), что органично

вписывает его в рамки не менее актуального (наряду с когнитологией) направления современной науки о языке – лингвокультурологии.

2.3. Лексическая репрезентация военных концептов

Наибольший интерес у исследователей вызывает отражение национально–культурной специфики в лексическом составе языка, так как эта языковая область наиболее тесно связана с экстралингвистической действительностью, в отличие от, например, фонетического и грамматического пластов языка, что определяет и новые подходы к изучению военных концептов и военной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне. Отличительной чертой концепта как единицы лексической семантики является лингвокультурная отмеченность, однако сама эта отмеченность может пониматься по–разному, так как культура может быть материальной, духовной, социальной. Так, если материальная и социальная культура (общественные институты) представлена, как правило, в форме номинаций, то культура духовная и поведенческая присутствует в лексической семантике преимущественно в виде коннотаций.

Значительный вклад в разработку этих вопросов внес М.М. Покровский (см. об этом: Ковалишин, 2011). Он показал, что изменения в семантике обусловлены обстоятельствами культурного характера. «Анализируя культурные данные, можно более глубоко понять процессы, происходящие в сфере языковой семантики. Вместе с тем, анализируя языковые факты, можно проникнуть в сферу культуры. Что касается культурной семантики отдельных слов или словосочетаний, то она вполне отчетливо просматривается уже на уровне их мотивации» [Ковалишин, 2011, с. 89]. В лексической семантике языка любое проявление имеет смысл, при категоризации того или иного явления всякое действие национального языка – это логичное и правильное решение. «Язык – и, в частности, его словарный состав – представляет собою лучшее доказательство реальности «культуры» в смысле исторически передаваемой системы «представлений» и «установок». Конечно, культура в принципе является неоднородной и изменчивой, но таков и язык» [Вежбицкая, 2001, с. 44].

Лексическую репрезентацию национальных концептов рассматривали О.С. Ахманова (культурный компонент значения слова), Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров (социокультурные коннотации), В.Н. Телия (этноконнотация). Ю.А. Сорокин указывал на наличие национально–культурной специфики речевого поведения (Сорокин, 1988), а Ю.Н. Караулов выдвинул идеи о формировании национальной картины мира во всех основных слоях языковой личности (Караулов, 2009). У каждого человека есть своя картина мира, репрезентированная совокупностью знаний и представлений о реальной действительности. Эту совокупность В.В. Красных называет «индивидуальным когнитивным пространством». Но «помимо индивидуального когнитивного пространства каждый «человек говорящий» обладает еще и коллективными когнитивными пространствами тех социумов, в которые он входит, и когнитивной базой того национально–лингвокультурного сообщества, членом которого он является». [Красных, 2002, ч.1, с. 23].

Чаще всего репрезентация концепта в языке приписывается слову, которое получает статус имени концепта – языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно. Большинство исследователей считают формой концепта термин, тогда как высказывание или предложение – это не собственная его форма, а некоторая эквивалентная трансформация. Высказывание – это, скорее, форма «идеи» [Степанов, 2004, с. 79]. Согласимся с исследователем: у концепта может быть только одна главная форма – имя, равное слову или словосочетанию. Однако слово как элемент лексико–семантической системы языка всегда реализуется в составе той или иной лексической модели, что позволяет его толковать как инвариант этой модели, образованной лексико–семантическими вариантами данного слова или как имя смыслового ряда, образованного синонимами, сопоставимого с одним из лексико–семантических вариантов слова. Чаще всего, концепт соотносится с несколькими лексическими единицами или же со всей совокупностью синонимических (лексических, фразеологических, афористических) единств, описывающих его в языке. Другими

словами, концепт соотносим с планом выражения лексико–семантической парадигмы.

По мнению С.Г. Воркачева, концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико–семантическую парадигму (Воркачев, 2009). План содержания лингвокультурного концепта включает два ряда семантических признаков: в него входят семы, общие для всех его языковых реализаций, которые связывают лексико–семантическую парадигму и образуют его понятийную основу, а также семантические признаки, общие хотя бы для некоторых его реализаций, отмеченные лингвокультурной спецификой и связанные с ментальностью носителей языка. Существование у слова национально–культурной индивидуальности является признаком, придающим ему статус концепта.

Можно выделить следующие характеристики лексико–семантических парадигм военных терминов: 1. Могут объединяться по пересекающимся смысловым рядам. В этом случае один ряд относит слово к одной парадигме, а другой ряд – к другой, так, слово *фронт* в одном случае относится к ряду *фронт – армия – корпус – дивизия* и принадлежит тематической группе «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования». В другом случае слово *фронт* относится к ряду *фронт – тыл* и включается в тематическую группу «Слова, обозначающие явления, связанные с формированием, построением (в т.ч. оперативным построением), размещением и перемещением (в т.ч. с целью совершения маневра) войск». Термины *политрук, старшина, солдат* в разных контекстах могут обозначать должность или звание.

2. В пределах одной парадигмы выделяются более частные группы, что приводит к семантической сложности и разнообразию. Например, в лексико–семантической группе «Довольствие» можно выделить подгруппы «Продовольствие» (*тыловая норма, паек*) и «Денежное довольствие» (*жалование*). А в группе «Обмундирование, снаряжение воина» отчетливо выделяются лексико–семантические группы «Слова, обозначающие

обмундирование воина (форменную одежду со всеми ее принадлежностями) и знаки различия» и «Слова, обозначающие предметы военного снаряжения (в т.ч. предметы защитного вооружения)». В лексико–семантической парадигме могут выделяться еще более мелкие ряды. Например, в ряду *сектор обстрела, сектор наблюдения, сектор обзора, огневой сектор, сектор атак, сектор укрепленного района* можно выделить две цепочки: «часть пространства, назначаемая для различных целей» [ВЭС МО РФ, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9816@morfDictionary>] и «участок местности, назначаемый огневым средствам для поражения противника огнем» [ВЭС МО РФ, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9818@morfDictionary>].

3. Лексико–семантические парадигмы обладают различной степенью четкости своей структуры и, соответственно, неодинаковой силой сцепления. Они могут отличаться друг от друга по своему объему. Количество слов в них может меняться, что приводит к внутренним изменениям. Включая в себя новые лексические единицы, группа производит внутренние перераспределения в смысловых отношениях между словами, входящими в нее. Например, в лексико–семантической парадигме «Слова, обозначающие огневые средства для поражения живой силы и военной техники противника, оружие (стрелковое, автоматическое, холодное и т.д.) и его составляющие части» с появлением в классификации таких слов, как *башня танка, прицел, прожектор, проволочное заграждение, сирена* понадобилось выделить отдельную группу «Приборы и приспособления, комплексные технические средства, устройства», так как семантическое содержание данных единиц уже не соответствовало теме, заявленной в названии группы.

4. Объединение лексических единиц в лексико–семантические группы объясняет явление лексико–семантических вариантов. Например: «Катюша – обиходное название отечественных боевых машин реактивной артиллерии во время Великой Отечественной войны. Происхождение названия, вероятно, связано с заводской маркой «К» завода–изготовителя первых боевых машин БМ–13 (Воронеж, завод им. Коминтерна) и с популярной в то время одноимённой

песней» [ВЭС МО РФ, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=6127@morfDictionary>]. «Катюшей» также в годы Великой Отечественной войны называли зажигалку, сделанную из гильзы. «Катюшей» называли патрон от крупнокалиберного пулемета.

В.А. Звегинцев пишет: «Чем развитее язык, тем более дифференцированными и разветвленными лексико–семантическими группами он обладает. В них закрепляется все богатство наблюдений над многообразием явлений действительности и связей между ними – результаты творческой познавательной и классифицирующей работы человеческого мышления. В процессе познания действительности подмечаются все новые и новые детали предметов, особенности явлений, оттенки понятий и соответственно создаются новые системы. <...> Происходит согласование смысловой основы лексико–семантической системы и представленных в ней смысловых рядов с индивидуальными значениями слов, входящих в эту систему» [Звегинцев, 1957, с. 274]. В результате этого обстоятельства в каждом слове происходит ограничение возможности сочетания с другими словами. Например, два синонимичных термина: *атака* и *наступление*. С обоими согласуются слова: *идти в, пойти в, перейти в, двинуться в, повести в*. Но нельзя сказать *решающая атака, атака по всему фронту*, в отличие от: *решающее наступление, наступление по всему фронту* или: *отбить наступление, отразить наступление*, в отличие от: *отбить атаку, отразить атаку*. Нельзя сказать и: *подняться в наступление, лезть в наступление*, в отличие от: *подняться в атаку, лезть в атаку*, или: *контрнаступать*, в отличие от: *контратаковать*. Этот пример наглядно демонстрирует наличие семантической связи в группе с оформлением у членов этой группы лексико–семантических вариантов. Он говорит также о том, что группа оказывает влияние на семантическое развитие некоторых входящих в нее слов, не давая им расширить свое значение на семантическую территорию соседнего слова.

5. В разных лексико–семантических парадигмах можно выявить некоторые общие направления распределения лексических рядов. «Выключение отдельных

слов из системы может происходить как по лексико–семантическим, так и по грамматическим причинам. Так, в результате резкого или частного изменения значения (например, возникновение нового лексико–семантического варианта и отмирание старого) слово может совершенно уклониться от того значения, которым оно было связано с системой. В результате оно выбрасывается из системы и оказывается вне влияния инерции смыслового развития системы» [Звегинцев, 1957, с. 289]. Так, представляет интерес употребление слова *экипаж* «первичное (низшее) подразделение в ВС, непосредственно обслуживающее самолёт, танк, БМП и др. самодвижущуюся технику» [ВЭС МО РФ, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=11987@morfDictionary>]. Изначально это слово вошло в лексико–семантическую группу «Слова, определяющие виды родов войск, войсковых формирований, тактических подразделений; воинских формирований, созданных для выполнения боевой или специальной задачи». Однако изменение значения данной единицы (*экипаж* как синоним техники: – *Залазьте в мой экипаж!* [ВН, с. 43]) привело к тому, что ее пребывание в данной группе, в данном контексте стало невозможным, так как семантика слова совершенно изменилась по сравнению с первоначальным значением.

Лексические единицы способны к оценочным изменениям, что выражается в появлении новых оттенков значения. Так, термин УР (укрепленный район) во время Великой Отечественной войны поменял оценочный знак с положительного на отрицательный: *Мишкольский шлях проходил мимо Ура – страшное название! Им в наших краях пугали детей: «Вот отведу в УР», «Не бегай в лес, в УР попадешь». Раньше в слове «УР» ничего такого пугающего не было, оно сокращенно обозначало – «укрепленный район». Перед войной в наших местах начали строить оборонительную линию. Она должна была протянуться от непроходимых северных болот до южных степей. Но успели выстроить лишь несколько участков, да и те не были полностью закончены, когда воссоединение с Западной Украиной отодвинуло границу. Сеть противотанковых рвов, блиндажей, землянок, дотов, эскарпов, подземных хранилищ и ходов сообщения,*

наблюдательных пунктов образовало на берегу болотистой речушки Нижвы запущенный и таинственный город. Когда строили укрепрайон и многие глухорчане работали там и неплохо зарабатывали, кратенькое словечко «УР» произносили весело, даже лихо и в частушках склоняли <...> Когда УР был брошен, он, конечно, тут же превратился в пугало. Как любое оставленное людьми сооружение, как все непонятное, он стал внушать людям чувство суеверного ужаса <...> Но теперь дело было не в одной лишь мистике. После того как фрицы драпанули из наших краев, в Уре собралось всякое фашистское охвостье. Как на Лысую гору, они хлынули в этот УР, потому что там было где притаиться... [Смирнов, 2012, с. 60 – 61].

Таким образом, семантические изменения военно–терминологических лексических парадигм не происходят по каким–либо моделям и далеко не всегда в этих изменениях присутствует зависимость от внеязыковых явлений. Хотя, бесспорно, на процесс изменения повлияли события Великой Отечественной войны, тем не менее, он совершается по своим специфическим законам. «Происходит опосредование рождаемых общественными событиями стимулов качественными особенностями языка; здесь внешние причины действуют через внутренние, что и находит свое выражение в формировании в смысловой стороне лексики языка особых законов развития, свойственных только данному языку и соотносимых со спецификой его семантической структуры» [Звегинцев, 1957, с. 288]. В данном случае мы имеем дело с тем фактором языкового характера, который играет значительную роль в определении лексического значения слова, способности слова соотноситься с определенным классом предметов и связи его с определенным понятием.

2.4. Антропоцентрическая парадигма содержания военных концептов

С начала 90–х годов XX в. в лингвистической литературе произошел пересмотр традиционного логического содержания концепта, его психологизация, что связано с начавшимся преобразованием научной модели гуманитарного знания, когда на место системно–структурной парадигмы пришла парадигма антропоцентрическая, функциональная, возвратившая человеку статус «меры всех вещей» (Маслова, 2001) и вернувшая его в центр мироздания. Все чаще в центре исследований находится языковая личность с ее социокультурными индивидуальными характеристиками. Сам термин «языковая личность» ставит ударение на изучении человека как существа говорящего, объясняя суть такого антропоцентрического направления тем, что нельзя познать язык, не выйдя за его границы, не обратившись к человеку. Несомненно, системно–структурная парадигма продолжает занимать прочные позиции в современной лингвистике, однако в наше время уже недостаточно простого анализа различных характеристик языковой системы. На рубеже XX–XXI вв. стало необходимо исследовать язык как продукт культуры, как фактор «формирования культурных кодов» [Маслова, 2001, с. 6]. Исследовательский интерес лингвистов переместился с имманентной структуры языка на условия его использования. В лингвистике закрепляется *концептный подход*, который предполагает в своем совокупном выражении, что человек живет, общается, мыслит, действует в мире концептов, по отношению к которым традиционно осознаваемые понятия, образы, выступают их частными, редуцированными формами. Этот подход объединяет в себе не только лингвистическую и культурную стороны рассмотрения языка, но и взгляд на язык как продукт человеческого сознания. «Наличие сознания – один из дифференциальных признаков личности. Личность же формируется в обществе в процессе социализации. Следовательно, сознание не может не нести на себе отличительные черты того общества, в котором происходит становление личности» [Красных, 2002, с. 17].

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своего существования в окружающей действительности, что подтверждается множеством языковых примеров. Например, метафора, создавая новое знание, соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно–национальных ценностей. Человек в следующих примерах – мера всех вещей, тем более на войне: *разрывы хлопают* (*Разрывы хлопают совсем близко, но самое страшное – сильнейший огонь по тылам* [ВК, с. 174]), *орудия ухают* (*Где–то тяжело ухают орудия. Начинается новый день войны* [Ил, с. 182]), *самоходка стрекочет* (*На другом конце леса, как молотилка, застрекотала самоходка, к ней присоединилась втора* [К, с. 15]), *война идет* (*И чем дальше шла война, тем реже люди вспоминали свои брошенные дома и тем чаще и упрямее вспоминали только покинутые города* [С, с. 7]). Данные примеры отражают движение человеческой мысли на войне, ее динамику и способы ее представления с помощью средств языка. «Осознание себя мерой всех вещей дает человеку право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей, исследовать который можно не на бытовом, а на научном уровне. Этот порядок, существующий в голове, в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» [Маслова, 2001, с. 7]. Все это можно постигнуть, анализируя те слова и словоупотребления, которые человек использует в своем коммуникативном общении: *атака захлебнулась* – потерпела неудачу, *пулемет поперхнулся* – умолк, перестал стрелять, *танк плевался огнем* – вел стрельбу, *батарея заговорила* – открыла огонь, *огневые точки ожили* – начали вести огонь.

Итак, основным объектом исследования в лингвистике становится человек как «носитель сознания языка», «человек в языке». Одно из толкований слова «Человек» (не отраженного в «Словаре современного русского литературного языка» и других словарях) находим в «Словаре русского языка в четырех томах»: «2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств» [МАС, т. 4, с. 659]. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля

дает такое определение: «Человек – каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью» [СД, с. 605]. Великая Отечественная война способствовала росту национального самосознания, что находит отражение в военной лексике, использованной в художественной литературе о Великой Отечественной войне: отношение бойцов к жизни, к смерти, к службе, к однополчанам, к врагам. Эта тема обширна и требует специального исследования, особенно в связи с всевозрастающей ролью антропологической лингвистики. Здесь находят отражение особенности национального характера народа, его менталитет, соборность, коллективизм: *Всю свою жизнь Федот Евграфыч выполнял приказания. Выполнял буквально, быстро и с удовольствием, ибо именно в этом пунктуальном исполнении чужой воли видел весь смысл своего существования. Как исполнителя, его ценило начальство, а большего от него и не требовалось. Он был передаточной шестерней огромного, заботливо отлаженного механизма: вертелся и вертел других, не заботясь о том, откуда началось это вращение, куда направлено и чем заканчивается* [БВ, с. 61].

Основной линией в контексте художественной прозы о Великой Отечественной войне проходит солдатская дружба и фронтовое товарищество; тяжесть походной жизни; дезертирство и героизм: *Сплачивалось и закалялось в огне солдатское братство* [Ал, с. 8], *Понимал и ворчал иногда, как и другие, но не обезверел и делал свое солдатское дело как умел, хотя особых геройств вроде не совершал. И совсем не думал, что одно нахождение тут, в холоде и голоде, без укрытий и окопов, под каждодневным обстрелом, является уже подвигом* [ВК, с. 227], *Этих двух уже не найти. Дома, защитнички... Отвоевались...* [ВН, с. 29], – *Придуривается! Нестроевой... С женой спать, тут он строевик, а как на фронт – ограниченно годный* [Б, с. 47], *Один из легкораненых, с виду очень молодой и тщедушный, вдруг объявил: – Никуда не пойду!.. и, высмотрев подходящий окоп впереди батареи, заскочил в него, воинственно щелкнув затвором винтовки* [Ал, с. 25], *Комсомолка Королева личным примером*

храбрости и героизма вдохновляет бойцов на новые и новые подвиги [Ил, с. 178].

В военных эпизодах с особенной четкостью и ясностью раскрывается нравственный выбор человека: солдата, лейтенанта, командира, медсестры, мирного жителя, ребенка: *В первую ночь на передке один у меня к немцам решил податься. Поймали, конечно. Перед строем хлопнули, а меня за шкуру: как ты врага не распознал? А я его, сукиного сына, только две недели и знал, как формировались. Да и не враг он никакой, трусил, дрянь [ВК, с. 268], И Сашка понял, не выдержит он сейчас, поднимется, заорет благим матом «немцы» и бросится бежать в роцу, к своим, лишь бы не быть одному, и это вдруг успокоило Сашку, голова заработала, мысли не пересекали друг друга, а стали строиться в ряд – что делать сначала, что потом, и страх, сдавивший его поначалу, как-то сошел с него [там же, с. 186 – 187], Хоть и впервые Сашка столкнулся так близко с немцами, страха он почему-то не ощущал, а только злость и какой-то охотничий вспыл – настичь немцев непременно и перестрелять их, когда они на поле высыпаются и будут видны как на ладони, а он с того взгорка, у которого сегодня фрица искал, будет резать по ним трассирующими [там же, с. 189 – 190], А вообще на вещи он (помощник по тылу Калужский) смотрит так <...> себя надо сохранить – мы еще можем пригодиться родине. Игорь подымает вдруг голову – Знаешь, чего сейчас мне больше всего хочется, Калужский? <...> Вот так вот размахнуться и дать по твоей самодовольной рожке... Понял теперь? Командир тоже называется... Я вот места себе найти не могу от всего этого. А ты – «мы еще можем пригодиться родине». Да на кой ляд такое дерьмо, как ты, нужно родине! [ВН, с. 43 – 45], В тяжелый момент боя за эту высоту, обгавленную кровью, она подняла оставшийся без командира взвод и повела его в атаку [Ил, с. 201], Тогда ему казалось, что война кончилась: деревней завладели немцы и надо к ним принаравливаться, надо думать о себе [Н, с. 74], – Эй, мальчик! – окликнула Лара пастушонка. – Ты грамотный? – А тебе что? – мальчик выплюнул изо рта щавель, вытер зелёные губы, – Мы в немецкую школу не ходим» [там же, с. 115].*

Все эти люди обнаруживают себя «до дна» в выборе добра и зла, мужества и страха. Художественная литература о Великой Отечественной войне, ее язык, показывает главное, выявляет нравственные основы человеческой личности. Человек предстает в борьбе за подлинные нравственные ценности в разных ситуациях – фронтовых, госпитальных, тыловых. Важное место в произведениях занимает противостояние человека миру фашизма, как философии уничтожения и разрушения личности: *Во-вторых, каждый наш солдат увидел, что по чужой земле, а не по нашей горе–то человеческое пошло. И не то чтобы мы были злопамятны. Нет, этого мы были лишены напрочь. Просто солдат наш стал не только бодрее, увереннее, насмешливее (это у нас всегда было), а даже как–то великодушнее, что ли. Уж очень каждый из нас жалостливый, память на зло у нас короткая* [Кор, с. 214], – *Брось, – сказал он. – Попереживала, и будет. Тут одно понять надо: не люди это. Не люди, товарищ боец, не человеки, не звери даже – фашисты* [БВ, с. 99], *Плюнул Васков. На мертвых плюнул, хоть и грех этот – самый великий из всех. Но ничего к ним не чувствовал, кроме презрения: вне закона они для него были. По ту сторону черты, что человека определяет. Человека ведь одно от животных отделяет: понимание, что человек он. А коли нет понимания этого – зверь. О двух ногах, о двух руках, и – зверь. Лютый зверь, страшнее страшного. И тогда ничего по отношению к нему не существует: ни человечности, ни жалости, ни пощады. Бить надо. Бить, пока в логово не уползет. И там бить, покуда не вспомнит, что человеком был, покуда не поймет этого* [там же, с. 112 – 113].

Данная тема широко представлена во всех произведениях о Великой Отечественной войне: *Мимоходом Борис видел пленных – ничего в них не только сверхчеловеческого, но и человеческого не осталось. Обмороженные, опухшие от голода, едва шевелящиеся солдаты в ремнях, в дырявой студеной обуви* [Ас, с. 242], *Бог ты мой... да что же это... одни тысячелетиями что–то создают, какие–то понятия о красоте, целесообразности, о почтении к мертвым, наконец, поняв и убедившись, что иначе ведь не выжить на Земле, а эти... все*

еще жгут, разрушают, убивают, им, видишь ли, не нравится все, что создано, иные у них помыслы и устремления... и вот доустремлялись до сушеных трупов на стерильной площадочке. И ведь сами же гибнут,дохнут, как тот эсэсовец! Но почему–то лишь перед самой смертью начинают соображать, что к чему. Только в последние минуты или даже секунды своей жизни в их глазах и на лицах появляются проблески мысли. «Ру–ус, пук–пук. Я ведь мучаюсь. Помоги мне, прекрати эти невыносимые муки. Ваши снаряды, оказывается, тоже действуют. У меня, оказывается, тоже есть нервы. И ткани мои тоже мягкие, кости такие же ломкие, как и у всех. Мне тоже больно! Я ведь тоже, оказывается, человек!» Но почему они всегда так поздно вспоминают про свои мягкие ткани и ломкие кости? Когда уже ничего поправить нельзя? [КК, с. 201], И я всегда боялся, хотя и знал, что я за броней, но все равно боялся, что мне в рожу ошметок так и ляпнет. А быть музыкантом – это же особое, удивительное состояние. И нет у меня его. Нет! А было, было! Я же чувствовал того же Шуберта! А сейчас? Что я чувствую сейчас?! На кой это мне? Твари... сами не живут по–человечески и нам не дают! [там же, с. 207].

Концептосфера складывается под влиянием множества ментальных и материальных действий отдельных людей. По большей части это влияние происходит незаметно, поскольку не является результатом осознанного воздействия. Однако в периоды крупных социальных катаклизмов, таких как Великая Отечественная война, оказывается целенаправленное воздействие на языковое сознание, и довольно активно. Иногда можно обнаружить целую систему интенциональных действий, стоящую за каким–либо концептом, оказывающимся вовлеченным в сферу идеологии: «Идеология – совокупность общественных идей, теорий, взглядов, которые отражают и оценивают социальную действительность с точки зрения интересов определенных классов, разрабатываются, как правило, идейными представителями этих классов и направлены на утверждение либо изменение, преобразование существующих общественных отношений» [ФилС, с. 157]. Г.Г. Слышкин выделяет следующие характеристики идеологии [Слышкин, 2004, с. 86 – 87]: идеология – совокупность

ценностных ориентаций, образующих систему, осознанно и целенаправленно внедряющихся в сознание широкого круга носителей языка; имеет целью удовлетворение интересов определенных социальных групп; использует все доступные средства влияния на общественное сознание, в том числе влиятельные социальные институты. «Социальные институты, порождающие идеологемы (Слышкин), могут последовательно придавать одной и той же языковой единице различную идеологическую ассоциированность и сначала отторгать эту единицу от концепта, а затем присоединять ее вновь» [Слышкин, 2004, с. 91]. В качестве примера можно привести изменения номинаций военнослужащих. При формировании, например, Красной Армии наименования *солдат* и *офицер* были отвергнуты и заменены на *красноармеец* и *командир*, так как ассоциировались со «старым режимом». «Солдат – 1) первичное (младшее) воинское звание; солдаты – состав (категория) военнослужащих и военнообязанных в званиях *рядовой*, *ефрейтор* и других солдатских званиях. В Красной Армии рядовые бойцы назывались красноармейцами, а категория солдат введена в июле 1946» [ВЭС МО РФ, <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=10147@morfDictionary>]. «Советская военная энциклопедия» дает следующие данные: «После Великой Октябрьской социалистической революции декретом СНК от 16 (29) декабря 1917 г. все офицерские чины и звания были упразднены. В годы Гражданской войны и в послевоенный период в РККА и РККФ лица командного и начальствующего состава офицерами не назывались. Во время Великой Отечественной войны (с 1943 г.) командный и начальствующий состав Советских Вооруженных Сил стал именоваться офицерским» [СВЭ, т. 6, с. 173]. Таким образом, во время Великой Отечественной войны данные лексемы были вновь введены в употребление, но в качестве элемента другой идеологии: «Советская армия – героическое военное прошлое России» [Слышкин, 2004, с. 92].

Таким образом, идеология воздействует на формирование картины мира социума, используя уже концептуализированные явления, внося новые ассоциации или отсекая старые. Однако это не означает, что идеология охватывает весь концепт. Тем не менее, тематическая область концептов с

идеологической составляющей достаточно широка: это и обращение к социально–этическим человеческим качествам (честь), и к общечеловеческим ценностям (мир), к социоцентрическим ценностям (справедливость), к патриотическим ценностям (держава, Родина, патриотизм), к либеральным ценностям (свобода). Не менее широкой будет и сфера негативных концептов для дискредитации противника. Чем актуальнее концепт для лингвокультурологии, тем активнее он эксплуатируется идеологией. Вот один из ярчайших примеров использования в идеологии концепта «победа»: *«К вам обращаюсь я, друзья мои!» – сказал тогда Сталин голосом, от которого Сабуров вздрогнул. Кроме обычной твердости была тогда в этом голосе какая–то интонация, по которой Сабуров почувствовал, что сердце говорящего обливается кровью. Это была речь, которую он потом на войне несколько раз вспоминал в минуты самой смертельной опасности, вспоминал даже не по словам, не по фразам, а по голосу, каким она была сказана, по тому, как в длинных паузах между фразами булькала наливаемая в стакан вода. И ему казалось с тех пор, что именно тогда, слушая эту речь, он дал клятву сделать на этой войне все, что в его силах. Он думал, что Сталину тяжело и в то же время что он решил победить. И это соответствовало тому, что чувствовал тогда сам Сабуров; и ему тогда тоже было тяжело и он тоже решил победить любой ценой [С, с. 148 – 149].* Интересно, что современное языковое общество не усматривает в данной речи тех настроений и интонаций о которых идет речь в цитируемом фрагменте. Здесь также сказывается влияние концепта прецедентной личности «Сталин». В настоящее время данный концепт утратил свою актуальность и оценочность и стал употребляться с оттенком иронии, хотя и продолжает свое существование.

Выводы по главе

1. Культурно–национальное представление человека о мире отражается посредством ментальных сущностей – концептов, изучение которых носит интердисциплинарный характер, что выражается в дифференциации двух основных направлений: когнитивного и лингвокультурологического. Совокупность концептов в сознании отдельной языковой личности называем концептосферами (Лихачев, 1993) и относим концепт «Война» к социальным понятиям и отношениям (Маслова, 2008).

Одним из важнейших культурно–национальных концептов является концепт «Война», под которым мы подразумеваем также понятие, выраженное словосочетание *Великая Отечественная война*. Данная ментальная единица понимается лингвистами по–разному: стереотипный образ (Красных), концептосфера (Крячко), фрейм (Лавриненко), концепт (Маслова). Из всего количества синонимичных употреблений, слово *война* в художественной литературе о Великой Отечественной войне используется в 30 % случаев, что также говорит о том, что данный концепт является важнейшим в языковой картине мира русского народа.

2. Основными показателями отнесенности военных концептов к культурным являются: разработанность словаря, частотность употребления, семиотическая плотность, наличие ключевых слов, ценностный компонент и др., что объясняется значимостью концепта в жизни людей. Концепт «Война» широко представлен в языковой синонимии, в т.ч. индивидуально–авторской, наиболее часто он репрезентируется в художественной литературе о Великой Отечественной войне словами: война (30 %), бой (23 %), атака (10,7 %), наступление (9,3 %), оборона (8 %), которые составляют ядро и ближнюю периферию концепта. Средствами апелляции к концепту «Война» являются, в основном, имена существительные (около 60 %), в меньшей степени глагольная лексика (около 30 %), прилагательные слова (около 5 %).

Важным в лингвокультурологическом подходе к изучению военных концептов является понятие духовной ценности. В военном контексте произведений о Великой Отечественной войне прослеживается наличие базовых кодов культуры: соматического, пространственного, предметного, биоморфного, духовного, которые образуют систему координат, участвующих в структуризации и оценке военной, боевой обстановки на фронте.

В военных концептах акцентируются их центры – ценностные компоненты, которые рассматриваются с точки зрения актуальности и оценочности. Аспект оценочности выражается в наличии оценочной составляющей в имени концепта. Аспект актуальности реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту, в частотности их употребления в коммуникации. Следствием ценностного характера ментальных единиц является «переживаемость». Об эмоциональной переживаемости концепта «Война» говорит и наличие в произведениях о Великой Отечественной войне фольклорных мотивов.

3. Важны особенности отражения национально–культурной специфики концепта в лексическом составе языка, так как изменения в семантике обусловлены обстоятельствами культурного характера. Концепты репрезентируются с помощью слов и словосочетаний. Однако слово, как элемент лексико–семантической системы языка, всегда реализуется в составе какой–либо лексической парадигмы. Военные концепты, как правило, соотносятся более чем с одной лексической единицей, чаще – с планом выражения всей совокупности разнородных синонимических единств, то есть с планом выражения лексико–семантической парадигмы.

Мы выделяем следующие характеристики лексико–семантических парадигм военных терминов: 1) военные термины могут объединяться по пересекающимся смысловым рядам; 2) в пределах одной парадигмы выделяются более частные группы, что приводит к семантической сложности и разнообразию парадигмы; 3) компоненты лексико–семантической парадигмы обладают различной силой сцепления друг с другом, а изменение количества членов парадигмы может

привести к внутренним изменениям и, соответственно, перераспределению в смысловых отношениях между словами, входящими в нее; 4) объединение лексических единиц в лексико–семантические группы объясняет явление лексико–семантических вариантов; 5) в разных лексико–семантических парадигмах можно выявить некоторые общие направления распределения лексических рядов.

4. Помимо того, что концептный подход в изучении языка художественной литературы о Великой Отечественной войне объединяет в себе лингвистический и культурный аспекты рассмотрения языка, он также позиционирует язык как продукт человеческого сознания. Антропоцентрическая парадигма постулирует, что человек познает мир через осознание себя, своего существования в окружающей действительности, особенно в боевой обстановке, что подтверждается множеством примеров в произведениях о Великой Отечественной войне разных авторов.

Великая Отечественная война способствовала росту национального самосознания, что нашло отражение в военной лексике, использованной в языке художественной литературы: отношение к жизни и смерти, однополчанам, врагам, самой войне. В этот период на языковое сознание каждого человека активно влияют ментальные и материальные действия разных людей. Иногда военные концепты оказываются вовлечены в сферу идеологии: чем актуальнее военный концепт для лингвокультурологии, тем активнее он эксплуатируется идеологией.

ГЛАВА 3. МЕСТО ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, В СИСТЕМЕ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ

3.1. Метафорическое употребление военной лексики

Русский язык располагает огромным потенциалом образности и средств ее выражения. Она реализуется прежде всего в метафорах, сравнениях, фразеологизмах, афоризмах, которые являются фрагментами языковой картины мира. «Они всегда обращены на субъекта, то есть возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает их от других номинативных единиц» [Маслова, 2001, с. 82].

В конце XX–начале XXI в. метафора стала признаваться «единственным способом не только выражения мысли, но и самого мышления» [Арутюнова, 1990, с. 11], и рассматриваться «как средство номинации, как вербализованный способ мышления и способ создания языковой картины мира» [Бучина, 2003, с. 4]. Интерес к метафоре объясняется еще и тем, что созданные с ее помощью элементы языковой картины мира наиболее «ярко и самобытно окрашивают концептуальную модель мира в национально–культурные цвета» [Телия, 1988 б, с. 177]. С одной стороны метафора выступает как орудие познания и мышления, с другой стороны, основывается на национально–культурном мировидении, в ней сосуществуют и универсальное, и специфичное. «Рождение метафоры тесно связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями, с системой оценок, которые существуют вне языка и лишь вербализуются в нем» [Телия, 1988 а, с. 8]. Многие зарубежные и отечественные исследователи «разводят» образную и концептуальную метафоры (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.О. Опарина).

Так, исходя из положения, что метафорический процесс всегда субъективен и определяется замыслом, целью, функцией и принципом фиктивности, В.Н. Телия выделяет следующие основные типы метафоры [Телия, 1988 а, с. 39]: идентифицирующую, когнитивную, образную и экспрессивно–оценочную или эмотивно окрашенную. Идентифицирующая метафора выполняет функцию наименования. Когнитивная метафора направлена на создание новых понятий в области обозначений непредметного мира [Телия, 1988 б, с. 193 – 194]. Человек мыслит не словами, а концептами или метафорическими понятиями. Образная метафора выполняет оценочно–экспрессивную функцию в диапазоне одобрительного / неодобрительного отношения к обозначаемому предмету или явлению и направлена на воскрешение ассоциаций, заложенных в образе: *стреляный воробей* [Телия, 1988 а, с. 31]. Экспрессивно–оценочная метафора ориентирована на действенность эмотивного фактора.

«Метафора по своей природе антропометрична, а сама способность мыслить метафорически есть черта собственно *homo sapiens*, значит, постижение метафоры есть в какой–то мере постижение человеком самого себя» [Маслова, 2001, с. 91]. С помощью метафоры легче воспринимается и понимается абстрактное. Антропоцентричность человеческого сознания хорошо согласуется с современной парадигмой научного знания. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, существуют две базисные модели восприятия мира человеком, основанные на понятиях времени и движения. Мифологическое мировосприятие сводится к понятию цикла и вечного возвращения, которое символизирует круг и движение по кругу. Исторически новое мировосприятие инвертирует взаимоотношения между человеком и природой как линейное движение в пространстве в условиях ветвящихся миров. «В нем присутствует понятие свободы выбора, формирующей личность, способную к изменению форм жизни» [Арутюнова, 1992, с. 17].

Метафора изучается многими науками: поэтикой, стилистикой и риторикой (троп); лингвостилистикой (средство создания экспрессивной окраски текста); лексикологией (источник новых значений); прагматикой (особый вид речевого употребления); психолингвистикой и психологией (ассоциативный

механизм и объект интерпретации и восприятия речи); науковедением (способ выдвижения гипотез); логикой, философией, когнитологией и лингвокультурологией (способ мышления и познания действительности). В специальной лексике, как отмечают исследователи (Петров, Гусев, Арутюнова), метафора представляет собой результат номинативной деятельности человека. Номинация осуществляется по тем же словообразовательным законам, что и образование общеупотребительной лексики, но с преимущественным использованием субстантивной лексики и некоторых особенностей деривации (Гарбовский, Гак, Кожин). Выступая в функции терминов и специальных наименований, слова разных частей речи характеризуются неодинаковой степенью терминологичности, которая «определяется рядом условий и в первую очередь их лексико–грамматическими свойствами» (Косова, 2004). Метафорический способ наименования в специальной лексике осуществляется в отношении предметов, предметно ориентированных действий, качеств и характеристик, поэтому в метафоризации участвует как субстантивная, так и признаковая лексика. Тип метафоры во многом зависит от частеречной принадлежности слова. Как отмечает В.Н. Телия, «наиболее яркие образы сопутствуют существительным, поскольку они дают наиболее зримое значение, а глаголы и прилагательные нуждаются в экзистенциональной поддержке» [Телия, 1986, с. 78].

Аналогичные явления можно наблюдать на примере военной лексики. Формально–структурный анализ метафорических наименований показывает доминирование субстантивной метафоры как в терминологической, так и в нетерминологической области употребления военных единиц: *затыльник автомата* «составная часть автомата», *рожок автомата* «составная часть автомата», *магазин автомата* «составная часть автомата», *мушка* «составная часть автомата», *шрапнельные шарики* «поражающие элементы снарядов», *лимонка* «ручная граната». В меньшем количестве используются признаковые слова: *катюшин снаряд* «снаряд артиллерийской установки», *плотный огонь* «сильный обстрел». Основная сфера функционирования глагольной метафоры – тематическая группа «Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы

и приемы ведения боя, а также способы поражения противника при ведении боевых действий»: *опрокинуть врага* «одержать победу», *атака захлебнулось* «проиграть бой», *ударить врага* «пойти в наступление». Интересен следующий пример, совмещающий в себе одновременно терминологическую и профессионально-жаргонную глагольную метафору: – *Вот навязали мне на шею командира, – желчно, не разжимая зубов, процедил капитан Сергачев и, резко повернувшись, пошел от машины, четко чеканя шаг.* – *Это еще неизвестно, кого кому навязали. Ишь зачихлял, как принцесса Турандот,* – сказал Домешек [К, с. 19].

Первоначально считалось, что в терминологических системах отсутствуют метафорические средства. Однако исследования последних десятилетий показали, что это не так (Еремин, 1998; Сердобинцева, 1998). Военная лексика в произведениях о Великой Отечественной войне не только обнаруживает богатый ассоциативно-образный потенциал декоративных средств художественного дискурса, но и оттеняет разнообразие личностного мироощущения художников. «В памяти людей еще живут яркие трагические сражения, многие из героев были их непосредственными участниками. Поэтому вполне оправданным оказывается использование в их речи военно-терминологической лексики, как в прямом, так и в переносном значениях» [Брысина, 1993, с. 134]. Терминосистема «Военная лексика» пополняется за счет общеупотребительной лексики, поэтому метафорические термины обычно понятны без лишних пояснений. Что касается нетерминологической военной лексики, тут бесспорна метафорическая активность, чьи преобразования «охватывают почти 43 % жаргонных единиц» [Лазаревич, 2000, с. 67]. В данной работе мы употребляем термин «метафора» в широком смысле, понимая при этом любой перенос, производимый на основе сходства и подобия.

В настоящее время исследователи по-разному классифицируют метафоры, в состав которых входит военная лексика. С.В. Лазаревич, например, выделяет три типа метафоризации [Лазаревич, 2000, с. 70]: 1) метафорическое переосмысление на основе внешнего сходства называемых реалий; 2)

метафорическое переосмысление на основе функционального сходства; 3) ассоциативная метафоризация. Метафора по внешнему сходству подразделяется на метафору по сходству формы, положения, действий и движений. Большую группу в русской военной лексике составляют метафоры, основанные на сенсорном взаимодействии человека с окружающей действительностью: зрительном, слуховом, осязательном, вкусовом и обонятельном (Бучина, 2003). Основным из них является зрительное взаимодействие, в котором наиболее регулярными являются такие характеристики, как: 1) форма, внешний вид и размер: ... *шпарили «мессера» крупнокалиберными, и пулевой веер смертно приближался к ним, выбивая вокруг фонтанчики снежной пыли* [ВК, с. 232], ... *сигарообразная туша «юнкерса»* [П, с. 126], *Зато в белесом мерцающем свете было отлично видно, как врывались в освещенную зону и неслись вниз, стремительно вырастая на глазах, черные капли бомб* [там же, с. 231], *Иванов подал мне «огурчик», увесистую, изящно выточенную и вороненую, величиной с созревший огурец, мину <...> Я опустил в ствол мину, одернул руку, тотчас же хлопнуло, и мой «огурчик», закуска фрицу, уже шуришал над лесом...* [Г, с. 150]. Менее продуктивные характеристики: 2) цветовая (световая) характеристика: *Номера я не вижу, там под облаком темновато, смешались дым и пепел, земля стала ровно черной, и лежат на ней серые комочки, присыпанные пеплом, – наши солдаты, три... четыре... пять... а вот и шестой* [КК, с. 182], *Ужом я ползу мимо катков к переднему люку и вижу метрах в трехстах густые кусты и уползающий серый ящик. Вот он, гад! «Тигр»!* [там же, с. 202], 3) графическое изображение: *К вечеру все–таки находим. Отдел, но не домик. Домика давно уже не существует. Только на карте – черный прямоугольничек с косой веточкой сбоку. Отдел состоит из четырех землянок* [ВН, с. 87].

В военной лексике также нашло отражение слуховое восприятие внешнего мира: *барабаничик, швейная машинка «самолет У–2»* (по звуку двигателя), *скрипун, музыкант* «пикирующие немецкие бомбардировщики были снабжены сиренами» (сила и продолжительность звука), *невун* «немецкий пикирующий бомбардировщик Ю–87» (сильный звук), *пеночка* «пуля, высоко пролетающая

над головой» (высокий тон, как у птицы), *пес, ишак, ганс сопливый* «немецкий 6-ствольный реактивный миномет» (за противный, скрежещущий звук, раздававшийся при стрельбе): ... *над моей головой свистят пули, и вовсе не зловеще, на удивление нежно, застенчиво* <...> *Птички божьи, не наслушаешься* <...> – *Эти пеночки поверху летают. Услышим еще и низовых, что позлей* [Т, с. 43], *Уже темнело, когда полк достиг леса. Ухали пушки. Глухо рокотали гвардейские минометы. Сбоку истошно заревел немецкий шестиствольный миномет «ванюша»* [К, с. 61].

«В рассуждении наименования предметов, действий и свойств по впечатлениям, какие производят они на нас, возможны два случая: 1) один и тот же предмет различными свойствами и действиями производит различные впечатления и потому называется различными словами <...>, 2) различные предметы и свойства выражаются одинаковыми словами, потому что производят на нас одинаковые впечатления» [Буслаев, 2006, с. 42 – 43]. В этом случае метафора переносит значение от одного слова к другому по качеству на основании того, что различные предметы могут и производят на нас своими действиями и свойствами одинаковые впечатления. Метафоры употребляются: 1) в названии действий; 2) в названии свойств; 3) в названии предметов; 4) в названии отношений. Ф.И. Буслаев пишет: «Метафорические названия надобно отличать двоякого рода: 1. Одни относятся к природе вещественной <...>; 2. Другие относятся к природе умственной, причем должно заметить, что слова, которыми называются предметы, свойства и действия природы умственной, первоначально имеют значение вещественное» [Буслаев, 2006, с. 47]. Другими словами, в языке достаточно четко противопоставлены метафоризация предметной сферы («вещного мира») и не предметной сферы (мира интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека, социальных отношений, отвлеченных понятий и отношений). В самом общем виде направление метафорических переносов определяется как «конкретное» –> «конкретное», «конкретное» –> «абстрактное» (Скляревская, 2004, Балашова, 1998, Арутюнова, 1999). «Весьма показательным является то, что в основе

противопоставления конкретного и абстрактного лежит базовое противопоставление предметного и понятийного континуумов, а также мира предметных и не предметных сущностей» [Бучина, 2003, с. 145].

Метафора традиционно рассматривается как сокращенное сравнение, из которого исключены предикаты подобия и компаративные союзы. Вместе с ними исключаются основания сравнения, его мотивировка, обстоятельства времени и места и другие модификаторы. В отличие от сравнения метафора немногословна, она сокращает коммуникацию. Формальному различию соответствует расхождение в значении. Сравнение проявляет интерес к любому подобию (или его отсутствию). Метафора же обнаруживает постоянное, глубинное сходство. Обозначая сущность предмета, метафора несовместима с субъективными установками: *мне кажется (я думаю)*.

Существуют определенные особенности использования военной лексики разными писателями. Количество метафорически окрашенной терминологической и нетерминологической военной лексики по отношению к единицам, использованным в прямом значении, колеблется у разных авторов от 9 % до 53 %. Есть тексты, в которых преобладает прямое значение военной лексики (Н.А. Надеждина «Партизанка Лара» – 9 %, В.А. Курочкин «На войне как на войне» – 9 %, К.М. Симонов «Дни и ночи» – 10,5%, Б.Л. Васильев «А зори здесь тихие...» – 12 %, В.П. Некрасов «В окопах Сталинграда» – 15 %, М.Н. Алексеев «По вражьи тропам» – 15 %, В.Л. Кондратьев «Сашка» – 19 %, М.Н. Алексеев «Быль о знамени» – 20 %). В других произведениях наблюдается максимальное количество употреблений метафорически окрашенной военной лексики на единицу текста (Б.Н. Полевой «Повесть о настоящем человеке» – 30,5 %, К.Д. Воробьев «Крик» – 36 %, Г.Я. Бакланов «Навеки–девятнадцатилетние» – 43 %, К.Д. Воробьев «Убиты под Москвой» – 45 %, Е.Я. Ильина «Четвертая высота» – 47 %, В.Тендряков «День, вытеснивший жизнь» – 53 %). Эти особенности мы выявили при помощи количественного метода. Разные авторы могут склоняться к тому или иному способу включения военной лексики в художественный контекст произведения: для одних характерным является употребление языковых единиц в

составе образных средств, для других – номинативное употребление, в целях создания картин боевой обстановки, третьи создают атмосферу романтической приподнятости и т.д.

Важным принципом концептуальной организации художественных произведений о Великой Отечественной войне выступает анимизм (от лат. *anima* «душа» [ВССРР, с. 117]), так как специфика текстовой организации связана, прежде всего, с мировидением художников, их системой ценностей, интенциональностью и свойствами художественных методов. Ф.И. Буслаев отмечал, что особенно замечательны по олицетворению слова, обозначающие оружие (Буслаев, 2006). Включение военной лексики в анимистические процессы наблюдается уже в текстах Древней Руси: *копѣя поють*. Воинам отдаленной эпохи оружие представлялось чем-то одушевленным. «Древнейшим оружием были камень и молот (сначала каменный и потом уже металлический). Славяне в отдаленную эпоху дрались молотами» [Буслаев, 2006, с. 55].

В художественной литературе о Великой Отечественной войне олицетворение направленно на описание предметов и понятий военного дела. Способны олицетворяться компоненты следующих лексико-семантических групп военной лексики:

1) «Слова, обозначающие явления, связанные с формированием, построением, размещением и перемещением войск»: *Не потревоженными шеренгами стояли дома* [П, с. 156], *Тут был центр ополченской обороны и пролегал противотанковый ров. Косообрывистый и глубокий, он тянулся на север и юг – в бескрайние, чуть заснеженные дали, и все, что скрывалось впереди него, казалось угрожающе-таинственным и манящим, как чужая неизведанная страна. Там где-то жил фронт* [В, с. 107], *Всю ночь не умолкал тревожный гул прифронтового движения по шоссе, по проселкам, по глухому бездорожью озерного, болотистого перешейка – шли резервы, подтягивались тылы, переезжали медсанбаты, а невдалеке, за лесами, громыхала, завывала, скрежетала и полыхала огнем передовая* [Г, с. 108];

2) «Слова, обозначающие способы поражения противника при ведении боевых действий и их последствия и проявления»: *Канонада притягивала, бодрила, настойчиво звала его* [П, с. 29], *То там, то здесь подскакивало стремительное пламя, на мгновение приподнимая над землей покров темноты, и после этого доходил до слуха тяжелый вздох разрыва* [там же, с. 235];

3) «Слова, называющие военную, в том числе и боевую, технику»: *Хорошо, наши сорокапятки затыкали, отогнали фрицев* [ВК, с. 184], *Небо наполнилось гудением моторов. Это пошли на штурм немецких позиций наши самолеты* [Ил, с. 190], *Ездовые впадают в дремоту, кони шагают сами, подшевеливать не надо, и стволы орудий важно кивают чехлами: марш, марш!* [Т, с. 32];

4) «Слова, обозначающие боеприпасы и их составляющие»: *Он услышал стоны <...> и знакомый противный, до самых костей пронизывающий визг падающих бомб* [П, с. 231], *Сзади, из снега, ударили полторасотки–гаубицы, снаряды, шамкая и шипя, полетели над пехотинцами...* [Ас, с. 203];

5) «Слова, обозначающие фортификационные и оборонительные сооружения, укрепления»: *Изрыты, вскопаны ходы траншей, маленькие прыщички блиндажей и дзотов топорчатся бревнами и кирпичом* [П, с. 238];

6) «Слова, обозначающие вооружение (как совокупность оружия и технических средств, обеспечивающих его применение)», так как во время Великой Отечественной войны именно от техники и оружия во многом зависела жизнь бойцов. Это способствовало ее очеловечиванию: – *Вообще–то эту песню мы переделали. Поем – вместо гитары «и винтовку крепкими руками бережно, как милую прижал», – говорю я, чтобы сбить с себя излишнюю растроганность* [ВК 2, с. 23]. Весьма интересен следующий эпизод – разговор бойца–украинца со своей винтовкой: *Было тихо. И только возле одной из платформ, на которой стояли крытые брезентом орудия, слышался в темноте чей–то голос. Звучал мягкий украинский говор, и Гуля невольно остановилась, точно ее окликнул кто–то из украинских друзей. – Ты кохана моя, моя голубка, – говорил ласково и нежно молодой голос. – Мы ще з тобою багато чого побачимо та почуємо. Ось як прикинчемо з фрицем, вернемось до дому та заживемо з тобою, в лис пидемо.*

«С кем это Костя говорит?» – подумала Гуля. Она по голосу узнала его. Это был хлопец из-под Харькова, тихий и застенчивый. Гуля часто встречала его в штабе, где он был посыльным. «Наверно, это какая-нибудь замечательная дивчина, если Костя в такие времена решился высказать ей свои чувства. Не буду мешать им». А Костя продолжал называть свою подругу самыми нежными словами, какие только можно придумать: и «серденько мое», и «любка моя», и «ясна голубка моя»... Гулю разбирало любопытство: «Ну кто же она такая? Хоть бы слово сказала в ответ! Ничем ее не проймешь. Немая она, что ли?» Гуля не выдержала и подошла поближе. Костя стоял на посту совсем один. Вокруг не было ни души. – С кем ты только что говорил, Костя? – спросила Гуля, с удивлением оглядываясь по сторонам. Костя смущенно кашлянул и переступил с ноги на ногу. – **Це я з моею рушницею розмовляю**, – сказал он, – побалакать нема з ким... Гуля засмеялась: – А я думаю, почему это она все молчит? – **Це вона тильки зараз мовчить**, – сказал Костя, – а як у бий пидемо, так вона так загуркотить, що у нимця вси кишки повывлазять. Гуля поговорила еще с Костей, чтобы ему не так скучно было стоять на посту, охраняя военный груз, а потом вернулась к себе в вагон и, когда рассвело, записала в свою записную книжку этот ночной **разговор бойца с винтовкой** [Ил, с. 163 – 164].

Здесь метафора не просто художественное украшение, но органическое выражение средства познания, а анимизм не просто поэтико-психологическое «изобретение» или стилистический прием (олицетворение), но способ мышления, так как «там, где поэт верит сам в одушевленность предмета, им изображаемого, не следовало бы даже говорить об олицетворении как о явлении стиля, ибо оно связано тогда не с приемами изображения, а с определенным анимистическим мирозерцанием и мироощущением» [ЛЭ, т. 1, с. 532]. Сравните: *Немец заметил, что машина безоружна* [П, с. 9] и *Летчик ощущал дрожь подраненной машины всем своим существом* [там же, с. 9], *Приближаясь к передовой, машина замедлила ход*. Гуля выглянула из кабины и увидела, что степь уже не похожа на степь, а вся изрыта воронками, окопами, траншеями. *Машина шла теперь осторожно, словно ошупью*. Подпрыгивая на ухабах, она

спустилась по склону пригорка вниз, в лощину и остановилась [Ил, с. 165].

Таким образом, боевая техника наделяется душой. Она, как и человек, способна чувствовать и жить, думать и предпринимать какие-либо действия.

Характерно уподобление звуков, издаваемых боевой техникой и оружием, звукам, которые издают живые существа: *Впереди, чуть левее, часто, заполошно тьякала батарея полковых пушек, рассыпая искры, выбрасывая горячей вехоткой скомканное пламя* [Ас, с. 203], *Где-то неподалеку упорно погромыхивает, вдали гневается басовитый пулемет. И пули тоскующе стонут по непролитой крови, стонут и яростно визжат* [Т, с. 46], *Далеко за развалинами, там, где взлетали ракеты, вдруг раздается длинная басовитая очередь все того же пулемета: «Бу-бу-бу-бу...»* [КК, с. 199].

Анимизм, при котором душой наделяются практически все объекты, находящиеся в некой связи с человеческой деятельностью, представляет собой одну из причин яркости и выразительности военной лексики: *Над самой землянкой с жалобным воем пронеслась мина. – Ихний «Ванька» поет, – сказал кто-то, потягивая горячий чай. Гуля только молча кивнула головой. Она, как и все бойцы, уже хорошо различала голос немецкого миномета, прозванного «Ванькой». В своих листовках немцы хвалились, что их «Иван» одолеет нашу «Катюшу». – Ничего, не одолеет, – сказал пожилой боец, которого все называли папашей. – Где ему с нашей сладить! – Это точно, – согласился его сосед и, переломив о колено дощечку, подкинул обломки в огонь. – А вот я слышал, у нас тут еще «Андрюшу» поджидают. Этот наведет порядок. – Какой такой «Андрюша»? – спросила Гуля. – «Катюшин» сынок. Вот лупит так лупит! Еще почище мамашки* [Ил, с. 174].

Обращает на себя внимание тот факт, что в художественных произведениях о Великой Отечественной войне часто встречаются жаргонизмы, отантропонимические образования, связанные с русскими именами. Например, Иван: Ваня – русский, Ванюша (ванюша) – миномет, ванька – солдат, рядовой. Не менее популярно имя Катюша: реактивный миномет, самодельная зажигалка, самодельная лампа и другие реалии военной жизни: *Кузнецов, который не всегда*

сразу понимает, шутит Сигачев или всерьез говорит, смотрит на Сигачева с таким выражением, что ребята закатываются смехом. А фриц, наверное, слышит и думает: «Что это так весело у Ивана?» – и даже постреливать перестает [Г, с. 153], – А что, товарищ генерал, если бы Гитлера тогда, в первую мировую, не француз кольнул, а саданул наш Иван, считай, что второй мировой войны не было бы? [Кор, с. 218 – 219]. С.В. Лазаревич выделяет два типа отантропонимических образований [Лазаревич, 2000, с. 102]: 1) обозначение лица; 2) обозначение неодушевленного предмета. «Обозначение неодушевленных предметов с помощью отантропонимических образований сводится к номинации объектов военной техники, оружия и предметов, связанным с военным бытом» [там же]. Часто авторы художественных произведений заключают подобные жаргонные лексемы в кавычки, тем самым разграничивая их со словами литературного языка. Исследователь считает, что отнесенность подобных слов к профессиональной лексике ощущается слабо, однако они «все–таки обозначают реалии военной жизни, возникли в сфере военного жаргона, обладают всеми признаками, присущими словам этой лексической подсистемы (стилистическая сниженность, эмотивная коннотация, устная форма существования)» [там же].

Антропоморфизм – одно из наиболее сильных лингвистических «орудий», используемых художниками в произведениях о Великой Отечественной войне для преобразования действительности в столь сложном историческом контексте в мир, наиболее приближенный к человеческому мироощущению, что отчасти позволяет людям приспособиться к окружающей их на войне обстановке. Здесь важную роль играет метафора, антропоморфирующая (придающая человеческие формы) предметы, характеризующие различные стороны военного дела: *В такие межсамолетные паузы из сверкающей дали лениво прикатывались заглушенные обвальные взрывы: где–то там впереди по–живому ворочался и стонал фронт* [В, с. 112].

Другой разновидностью анимизма является зооморфизм. Метафорическая номинация, в данном случае, зооморфирует (придает формы животного, его части) военную лексику: ... *забрасывая хвостатыми снарядами* [П, с. 7], *Но и*

под ней легко угадывались **котовые ходы окопов** [там же, с. 13], Он бросил вперед свой самолет, нацелившись сверкающим кругом своего винта в **хвостовое оперение** немца [там же, с. 125], Черные **рыльца** спаренного крупнокалиберного **пулемета** [там же, с. 125], В голове звенит что-то то ли от внезапной тишины, то ли от того **звериного рева снарядов** [КК, с. 180], Там, где ровная степь круто обрывается к реке, тесно сбилось беспорядочное **машинное стадо** – грузовики, фургоны, бензовозы, гусеничные трактора с тупорылыми гаубицами на прицепе, и пара приземистых танкеток, и затертый в середине, недоуменно торчащий над всеми вооруженными башенками пыльно-громоздкий «КВ», и стиснутые подводы [Т, с. 77].

Следует отметить, что употребление высоких и стилистически сниженных единиц в описании противоборствующих армий присутствует в зооморфных метафорах: *Ширяев не договаривает и поворачивается к Седых: – Ясно, **орел?** Останешься здесь со старшим лейтенантом* [ВН, с. 36], – *Все тут смешалось, товарищ лейтенант. **Немца гоним – пух летит*** [там же, с. 236].

В описании нашей и немецкой техники лексика также разительно отличается. «Гуманный» облик придается нашей технике, ведь во многом именно от нее зависело сохранение жизни советских воинов. При ее номинации и характеристике зачастую используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Мимо проезжает длинная колонна машин с **маленькими**, подпрыгивающими на ухабах противотанковыми **пушчонками*** [ВН, с. 42], *Приходит **катер**. Он **маленький, низенький**, будто нарочно спрятавшийся в воду, чтобы его не было видно. На буксире разлапистая, неуклюжая баржа с длинным торчащим рулем. **Катер** долго не может пристать, **пятится, фырчит, брызгается винтом*** [там же, с. 94], *По утрам, с первыми лучами солнца, неистово гудя, проносятся над головами наши «**иллюши**» – **штурмовики**, и почти сейчас же возвращаются, продырявленные, бесхвостые, чуть не задевая нас колесами* [там же, с. 112], *Ночью приходят **танки**. **Шесть стареньких, латаных и перелатаных «тридцатьчетверок»**. Долго **фырчат, лязгают гусеницами** по берегу, маскируются. Сразу как-то веселей становится <...>*

шесть выдавших виды **старушек**, и не из тыла, а с «Красного Октября», где они чуть ли не с первого дня обороны воюют. Но все это чепуха. **Все же танки, техника... И вид у них довольно грозный...** [там же, с. 225], **Все ближе и ближе бухали мины, суматошно трещали автоматы, наши и немецкие, выстукивали пулеметы, басовито бил «максим», я его узнавал по звуку, узнавал и «дегтяря», а вот в отдалении короткими очередями гулко и по-особому злобно огрызался немецкий пулемет** [Г, с. 127].

Описание техники вражеской армии изобилует негативной лексикой. Можно встретить такие эпитеты, как *противный*, *злой*: *Из-за вокзала медленно, торжественно, точно на параде, плывут самолеты <...> Они летят стаями, черные, противные, спокойные, на разных высотах <...> Они летят треугольником, как перелетные гуси. Летят низко – видны желтые концы крыльев, обведенные белым кресты, шасси, точно выпущенные когти* [ВН, с. 67], *Некоторое время мы молчим и следим за плывущими в небе черными, противными, такими спокойными и уверенными в своей силе желтокрылыми самолетами* [там же, с. 83], *Один танк перебирается все-таки через железо. Лязгает гусеницами. Переваливаясь с боку на бок, ползет прямо на нас. Хорошо виден черный, противный крест* [там же, с. 102], *Где-то за курганом противно скрежещет «ишак» – шестиствольный миномет* [там же, с. 138].

В. Некрасов так описывает немецкие прожекторы: *Щупают небо немецкие прожекторы* [ВН, с. 108], *Тревожно мечутся по небу немецкие прожекторы. Расширяются, суживаются, потухают, опять вспыхивают* [там же, с. 147], *Из-за Мамаева протягиваются щупальца прожектора* [там же, с. 198]. Примечательно также, что у писателя красивые и грациозные птицы, журавли, пользующиеся большой любовью у русских людей, вызывают у его героев неприятные ощущения только потому, что их курлыканье напоминает звук вражеского «юнкерса»: *Слышно даже, как курлычут журавли. – Совсем как «юнкерсы», – говорит регулировщик и сплевывает, – даже смотреть противно. Эта ассоциация промелькнула, по-видимому, у всех нас, и мы смеемся* [там же, с. 89].

В языке художественной литературы о Великой Отечественной войне существует ряд закономерностей метафоризации военной лексики: физический признак предмета переносится на человека, выделяя какие-либо черты его характера, психики и т.д. Качества и действия человека переносятся на явления природы. Признак предмета становится признаком отвлеченным. В свою очередь, свойства природы переносятся обратно на человека. Таким образом, метафорические процессы происходят в противоположных направлениях: от человека к природе или от природы к человеку, от неодушевленного к одушевленному и от живого к неживому. Человек собирает и сосредотачивает вокруг себя свойства предметов и животных и сам переносит на них свои характеристики. Иногда передача происходит настолько постоянно, что смысловой сдвиг не ощущается говорящими. Однако данный процесс приводит к стиранию метафоры.

Включение военной лексики в процесс метафоризации происходит и в процессе введения в текст сказочных и былинных фольклорных оттенков: *Висит в стороне над степью самолетик – два крыла этажерочкой, растопыркой колеса. Он отчаянно стрекочет, но ему это мало помогает, ползет, буксует в воздухе. А возле самого солнышка, коршуньи темный, разворачивается другой самолет. Подставился на секунду солнцу, словно похвастался – я вовсе не темный, я целиком серебряный, – ринулся с небесной высоты на стрекочущего тихохода...* [Т, с. 37], об этом же вражеском самолете: *Поразбойничал молодец с бронированным брюхом* [там же, с. 39].

Чаще всего, в художественных текстах можно наблюдать многочисленные авторские вариации, которые то приближаются к традиционным метафорам, то удаляются от них и становятся почти неузнаваемы. Постепенно метафоры стираются и перестают использоваться как средство создания образности, а вместо них появляются новые, интересные, индивидуальные. Этот процесс никогда не прекращается. При возникновении новой индивидуально-авторской метафоры языковая личность приобретает целый ряд непривычных, свежих

ассоциаций, часто индивидуальных и субъективных, так как их возникновение связано прежде всего с интеллектуальной и психической организацией личности.

Итак, метафора в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне – это универсальное средство отражения картины мира и ее развития, а также средство концептуализации действительности, военной, боевой обстановки. Метафора, включающая в свой состав военную лексику, обнаруживает национально–специфические черты языкового сознания, характерные для русской (советской) культуры и языкового сообщества. Метафора является одним из наиболее эффективных способов создания новых смыслов и наименований в языке художественной литературы о войне. Метафорически окрашенные единицы составляют значительную часть военной лексики как в составе терминологической, так и нетерминологической ее части, что говорит о ее широких семантических возможностях в произведениях о Великой Отечественной войне.

3.2. Употребление военной лексики в составе сравнений

Сравнение «обозначает сопоставление изображаемого предмета или явления с другим предметом по общему им обоим признаку, т. е. третьему элементу сравнения» [ЛЭ, т.2, с. 860]. Это – стилистический прием, развернутая метафора, в которой есть в наличии предикаты подобия (*похож, напоминает*) и компаративные союзы (*как, как будто, как бы, словно, точно, ровно*). Данные союзы могут быть опущены, а подлежащее выражено творительным падежом. Ср., метафора: – *На Сашино счастье, не обернулся фриц ни разу, знал, что за ним стена огня, что прикрывают его свои, а насчет Саши думал небось, что прибил его своей очередью...* [ВК, с. 191], сравнение: – *Наконец разрешили открыть огонь. Третьяков передал команду. Бахнуло позади, будто не орудие выстрелило, а тяжким чем-то саданули в землю* [Б, с. 19], – *И впрямь грохнули разрывы по всей роще, а особенно густо перед краем. Стали стеной перед Сашкой, огненными кустами* [ВК, с. 190].

Такое чисто грамматическое определение не исчерпывает природы сравнения. Прежде всего, не всякое сравнение может быть синтаксически сжато в метафору, и, в отличие от лаконичной метафоры, сравнение распространяет речь. Формальному различию соответствует различие в значении. Сравнение привлекает внимание к любому – постоянному или преходящему – сходству (или его отсутствию). Обозначая сущность предмета, сравнение совместимо с субъективными установками: *мне кажется (я думаю)*. «В сравнении, кроме того, существенна именно *раздельность* сопоставляемых предметов, которая внешне выражается частицей *как*; между сравниваемыми предметами ощущается расстояние, которое в метафоре преодолевается. Метафора как бы демонстрирует тождество, сравнение – раздельность. Поэтому образ, привлекаемый для сравнения, легко разворачивается в совершенно самостоятельную картину, связанную часто только в одном каком-нибудь признаке с тем предметом, который вызвал сравнение» [ЛЭ, т.2, с. 860 – 862].

Рассмотрим особенности сравнительных оборотов, содержащих в своем составе военную лексику. Как правило, такие сравнения строятся по типичным моделям общеязыковых сравнений, а военные единицы предстают в них в качестве первого члена сравнения. В данном параграфе мы опираемся на классификацию сравнений, приведенную В.П. Москвиным в терминологическом словаре «Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры» [ВССРР, с. 721 – 724].

По форме сравнения бывают двух типов: а) прямые, в которых присутствуют средства выражения компаративности (суффиксы, союзы, глаголы, прилагательные) и б) косвенные, или имплицитные, в которых указанные средства отсутствуют, из-за чего выражение приобретает не прямой характер.

Раздельность сходных предметов в сравнении особенно явно проявляется в свойственной ей особой форме отрицательного сравнения: – *Погодите, Осянина! Немцев идем ловить – не рыбу* [БВ, с. 28], *Казалось по этим звукам, что борются не истребители высоко над землей, – казалось, что враги сцепились в рукопашную и, хрипя и задыхаясь, напрягая все силы, катаются по земле* [П, с. 251], *Он вынимает карту, сплошь усеянную разноцветными скобочками, дужками, крестиками, ромбиками, зигзагами. Это даже не карта, а ковер какой-то. Аккуратно разворачивает ее на столе* [ВН, с. 183]. Возможно также отнести к отрицательным сравнениям сравнения с частицей *менее*: *Старший лейтенант Николай Савченко, ежели судить только по его внешности, менее всего был похож на орла* [Ал, с. 18 – 19].

Разнообразие средств выражения военных сравнений проявляется в использовании творительного падежа: *Сабуров, по перенятой еще в начале войны от немцев привычке, на всякий случай, не глядя, дал от живота веером очередь из автомата* [С, с. 32], *с. Гунько оглянулся назад – зачем, он и сам не мог бы ответить – и увидел наш иштурмовик. Он летел низко, кометой скользил над самыми вершинами деревьев, таща за собой огненно-красный шлейф* [Ал, с. 24], *За правым плечом человека тонкой палкой торчала винтовка. Часовой!..* [там же, с. 44], *Только замечает Коншин, как слева взмывается фейерверком*

автоматная очередь из трассирующих – и люди останавливаются, потом медленно пятятся назад; на них с поднятым ПППШ, из ствола которого летят красные точки, наступает политрук его роты [ВК, с. 175], И за всем этим Волга – спокойная, гладкая, такая широкая и мирная, и кудрявая зелень на том берегу, и выглядывающие из нее домики, и фиолетовые совсем уже дали, и каким-то дураком брошенная **ракета, рассыпающаяся красивым зелено-красным дождем** [ВН, с. 59], Справа, вероятно над «Красным Октябрем», висят **ракеты**, около десятка, **осыпающиеся золотым дождем искр** [там же, с. 108].

Сравнение может быть выражено сравнительным оборотом, придаточным сравнения: Самолеты заходили по пять, по десять, по двадцать раз и пикировали так низко, что иногда их подбрасывало вверх воздушной волной. Не обращая внимания на зенитный огонь, они штурмовали окопы, и **фонтанчики пыли поднимались кругом так, словно шел дождь** [С, с. 183], Ну и начал он в меня мины бросать. А кругом грязница... Мина разорвется, а **осколки** кругом меня **шлепают, будто овцы по грязи идут** [там же, с. 94]. Сложным эпитетом: Разрыв бомбы у паровоза, а потом с диким ревом два «мессера», **как какие-то доисторические желтобрюхие пресмыкающиеся**, носились вдоль эшелона, **расстреливая его крупнокалиберными** [ВК, с. 101].

В художественной литературе о Великой Отечественной войне используются сравнения эмоциональных состояний и событий человеческой жизни с состояниями природы: Ветер вовсе утих. Снег не кружило, и на небе с одной стороны объявилась мутная луна, тоже как будто издолбленная осколками, с другой пробилось сквозь небесную муть заиндевелое, сумрачное солнце. «И почему это в самые лихие для людей часы в природе что-нибудь...» – Борис не успел довершить эту мысль [Ас, с. 248], усиленные синтаксическим параллелизмом: На другом конце леса, как молотилка, **застрекотала** самоходка, к ней присоединилась вторая. «Первая батарея уже заводит», – догадался Малешкин и стал торопливо натягивать фуфайку. **Затрещал и защелкал** мотор командирской машины, и в ту же секунду за кустами **взвизгнул** стартер и, как пушка, **захлопала** самоходка Пашки Теленкова. Справа с надрывным **воем**

выползала из ямы машина Чегнички. Сам он пятился перед ней, махал руками, грозил кулаком и показывал пальцем то на одну, то на другую, гусеницу. Теперь весь лес **стрекотал, трещал, хлопал, выл...** **Сизый** вонючий дым по стволам искалеченных сосен пополз к такому же **сизому** сырому **небу**, смешался с ним, и ничего не стало видно... [К, с. 15]. При описании начала работы боевой техники автор использует в основном глагольную лексику: *застрекотала, затрещал, защелкал, взвизнул, захлопала, с воем*. Обращает на себя внимание, что те же самые лексемы используются для описания состояния природы. В ответ на действия машин и оружия лес: *стрекотал, трещал, хлопал, выл*. В характеристике выхлопных газов и неба также употребляется одна и та же лексема *сизый*. В следующем примере погубленный лес сравнивается с количеством погубленных на войне людей: *Пока устанавливали тягу, пока обедали, прошел еще час. Снег перестал сыпать. Ветер сматывал с неба за горизонт грязно-серую хмарь, обнажая трехслойные горы облаков. Между ними, как среди льдин в половодье, проглядывали зеленоватые щели с раскаленными алыми краями. В одну из них выглянуло солнце. Искалеченный лес прижался к земле, словно ему очень было стыдно за свою срамоту. Под солнцем лес выглядел до невероятности убогим и загаженным. Домешек, глядя на него, грустно покачал головой. – Сколько за эту войну леса погубили! – И людей! – в тон ему добавил ефрейтор [К, с. 28].*

В сознании, оказавшегося в воронке на простреливаемом немцами поле, лейтенанта Керженцева, стоны смертельно раненого, умирающего начштаба Харламова сравнимы с настроением окружающей природы, такой же монотонной, «безынтонационной»: *Лежу, затаив дыхание... Рядом кто-то стонет: «А-а-а-а...» Больше ничего, только «а-а-а-а...». Равномерно, без всякой интонации, на одной ноте. Я не знаю, сколько времени так лежу. Боюсь шелохнуться. Во рту полно земли. Скрипит на зубах. И кругом земля. Кроме земли, я ничего не вижу. Сверху серая, мелкая, как пудра, а ниже глина – красновато-бурая, потрескавшаяся, отдельными грудками. Ни травы, ни сучка, ничего, только пыль и глина. Хоть бы червяк какой-нибудь появился. Если повернуть голову, видно небо. Оно тоже какое-то гладкое, серое, неприветливое. Вероятно, снег*

или дождь пойдет [ВН, с. 213]. Умирает Харламов так же «монотонно», спокойно, и окружающий мир снова вторит человеческому состоянию: начинает идти снег, который засыпает все кругом: и людей, и землю, как бы уравнивая все существующее вокруг: *Умирает он совершенно спокойно. Просто перестает дышать. Я закрываю ему глаза. Строгое, вытянувшееся сразу лицо его прикрываю шапкой. Начинает идти снег. Сначала мелкий, не то снег, не то крупа, потом большие мохнатые хлопья. Все вокруг становится сразу белым – земля, лежащие люди, брустверы окопов* [там же, с. 215].

Военные сравнения, включающие в свой состав военную лексику, могут быть развернутыми: – *Слышите? – Что? – Не «кукурузник» ли? Со стороны Волги тарыхтит. Очень далеко еще. Стараемся не дышать. Звук приближается. Да. Это наш. Летит прямо на нас. Лишь бы только сюда не высыпал. Между нами и немцами метров семьдесят – не больше. Может и в нас угодить. Говорят, они просто руками сбрасывают мины – обыкновенные минометные мины. Звук приближается. Назойливый, какой-то домашний, совсем не военный... «Кукурузник», «русс-фанер»... В газетах его называют легкомоторный ночной бомбардировщик. Точно жук большущий гудит. Есть такие монотонные ночные жуки – гудят, гудят, и никак их не увидишь* [там же, с. 151 – 152], – *А мы уже за тебя тревожились, – сказал он. – У вас тут, кажется, некогда было тревожиться. – Представь себе, нашли время. Черт тебя знает, что-то такое в тебе есть, что скучно без тебя. Будто из комнаты печку вынесли. – Спасибо за сравнение, – улыбнулся Сабуров. – Между прочим, дело к холодам, так что напрасно обижаешься: печка теперь самая необходимая техника, чтоб согреть живую силу. – Тем более, когда эта техника топится* [С, с. 189].

По степени понятийной удаленности сопоставимых объектов сравнения бывают образными и логическими. Н.М. Орлова, исследовавшая морскую терминологию, пишет: «В основу сравнительных оборотов <...> кладутся обычно внешние признаки предметов и явлений, называемых терминами, поэтому такие сравнения, как правило, не отличаются глубокой образностью, а строятся на

логической основе, что связано с природой слова–термина, находящегося в центре сравнения. Сравнения приобретают более глубокий характер в случае поддержки образных связей, лежащих в его основе, метафорой, однако и в этом случае семантика сравнительного оборота основывается преимущественно на внешних, зрительных признаках предмета» [Орлова, 1984, с. 114]. Мы согласны с мнением лингвиста. Образные сравнения достаточно широко представлены в художественных произведениях о Великой Отечественной войне: – *А шапку унесло черт знает куда. Хорошая ушанка была. – Чегничка снял с головы шлемофон, с ненавистью посмотрел на него и опять нахлобучил до ушей. Сане тоже почему–то стало жаль Чегничкиной офицерской шапки: шлемофон на Чегничкиной голове сидел, как конфорка на самоваре* [К, с. 62], – *Взлетает ракета. Плюхаемся лицом, руками, животом прямо в вязкую, холодную жижу. Уголком глаза, из–под локтя слезу за медленно плывущей в черном небе ослепительно дрожащей звездой* [ВН, с. 133] (ракета сравнивается со звездой). Логические сравнения (сопоставление однотипных объектов) используются авторами реже: – *Затрещал и защелкал мотор командирской машины, и в ту же секунду за кустами взвизгнул стартер и, как пушка, захлопала самоходка Пашки Теленкова* [К, с. 15], – *Полковник, невысокого роста, щупленький, точно мальчик, с ввалившимися, как будто нарочно втянутыми щеками и вертикальными, напряженными морщинами между бровями, сидит, подперев голову рукой* [ВН, с. 136], – *Ну, как там, в тылу? – спрашивают. – Обыкновенно... – Ты в Ленинске лежал? – В Ленинске. Незавидный госпиталишко. С моей землянкой на берегу не сравнишь* [там же, с. 234].

В позиционном отношении военные сравнения бывают препозитивные и постпозитивные: – *Стреляй скорей в него! Ну?! – стонуще крикнул Алексей, и разом с глухим захлебным выстрелом ему явственно послышался противный мягкий звук, похожий на удар палкой по влажной земле* [В, с. 137], – *Вы кого ищете, товарищ лейтенант? – раздается откуда–то сверху. Что–то вихреподобное, окруженное облаком снега, налетает на меня и чуть с ног не сбивает. – Живы, здоровы, товарищ лейтенант? Веселая, румяная морда.*

Смеющиеся, совсем детские глаза. Седых!... Провалиться мне на этом месте!... Седых!... – Откуда ты взялся... черт полосатый?! [ВН, с. 235], Экипаж младшего лейтенанта Малешкина отступал по-пластунски. Впереди, как бульдозер разгребая снег, полз Щербак, за ним – Домешек, потом – Бянкин. Командир прикрывал отступление [К, с. 87].

По степени освоенности языковой системой сравнения подразделяются на индивидуально–авторские и обыденные (привычные, узуальные), которые переходят в разряд фразеологических единиц. Обыденные сравнения: – *Он долго всматривался в темный предмет и наконец догадался, что это каток. – Трех в ключья разнесло, – сказал он. – Двенадцать штук – как корова языком слизала [К, с. 54]* («Как корова языком слизала – нигде не видно, пропал бесследно, начисто исчез (говорится с неодобрением). Имеется в виду ситуация, когда говорящий неожиданно не обнаружил что–либо, кого–либо» [СОВ, с. 298], в данном контексте «убило»), – *Игорь начинает злиться. – Чего вы смеетесь? Смешного ничего нет. Франция фактически за две недели распалась. Нажали – и развалилась, рассыпалась, как песок. А мы второй год воюем одни как перст [ВН, с. 81]* («Один, как перст – о том, кто не имеет семьи, близких, кто совершенно одинок» [ФСРЯ, с. 365]), – *Я же говорил, что не пустит. Дюже злой майор Дядечка, как собака [К, с. 33]* («Как собака – в сочетании с некоторыми глаголами обозначает: совершенно, совсем, очень сильно» [ФСРЯ, с. 487]), – *Нет, вот только ихнюю фуражечку попортило, – сказал Конюков, приподнимаясь и насмешливо двумя пальцами беря с края окопа лежавшую там доньшком вниз фуражку Лопатина. – Они ее, как целиться стали, сняли и вот положили. А немец, аккурат, как яиц в лукошко, туда осколков и насыпал [С, с. 94].*

Индивидуально–авторские сравнения: – *Когда ты не знаешь, о чем надо думать <...> и тебе кажется, что тобой выстрелили, и ты летишь под самыми звездами, и вот–вот ринешься вниз, и взорвешься миной [В, с. 197 – 198], – Саня увидел тридцатьчетверку с обгоревшим танкистом. Малешкину показалось, что на башне сидит веселый негр и, запрокинув назад голову,*

заразительно хохочет, а чтобы не упасть от смеха, держится за крышку люка [К, с. 55 – 56].

Сравнение может комбинироваться с гиперболой: *Так простим же этому уже второй месяц не вылезавшему из танка, исхудавшему, как скелет, полковнику, что он, углубленный в свои мысли, возмущенный непосильной задачей, не заметил Саню Малешкина, не улыбнулся ему, не кинул ободряющего слова* [К, с. 76].

Сравнение может содержаться в афоризмах: *Эх, бабы, бабы, несчастный вы народ! Мужикам война эта – как зайцу курево, а уж вам–то...* [БВ, с. 33], *Летчик без ног – все равно что птица без крыльев, которая жить и клевать еще может, но летать – никогда...* [П, с. 100].

В нашем материале также были обнаружены сравнения, в состав которых вошла детерминологизировавшаяся лексика: *А мать черными глазами стерегла ее и рассказывала, рассказывала, сыпала словами, как из пулемета: – Тут нимцы уходят, тут я після операции уся, уся разрезанная лежу* [Б, с. 5], *Пройдя взглядом по этим блестящим от пота телам, увидел Третьяков у многих отметины прежних ран, затянутые глянцевой кожицей, увидел их глазами себя: перед ними, тяжело работавшими, голыми по пояс, стоял он, только что выпущенный из училища, в пилотке гребешком, весь новый, как выщелкнутый из обоймы патрон* [там же, с. 9], *Лежа на спине, Третьяков пригнул тяжелую шляпку подсолнуха. Набитая вызревшими семечками, как патронами, она выгнулась вся* [там же, с. 16], *– Бери катушку, аппарат – и пулей в подсолнухи!* [там же, с. 17], *Саня неся, как пуля, и прибежал первым* [К, с. 49], *– Наверное, ваш командир дивизии принял меня за сумасшедшего, я на все его вопросы отвечал как автомат: да, нет, да, нет, да, нет...* [С, с. 64], *И тут я засмеялся, – мне смешно стало, потому что, думаю, что я, танк, что ли, что он у меня башню зажег... Ну, скинул мешок и дальше пополз, а табак пропал, сгорел* [там же, с. 93], *Я мог тогда только догадываться, что этим коротким, отрывистым, как выстрел, словом определена моя судьба* [Ал, с. 36].

Важным моментом является наличие сравнений, опирающихся на патриотические мотивы, мотивы Родины, России: – *Мы непременно возьмем дом. Под такой аккомпанемент с севера просто стыдно этого не сделать. Дом... Что такое дом? – Он усмехнулся, но тут же стал серьезным. А между прочим, **дом – это много, почти все, Россия.** Он откинулся вместе с табуреткой к стене и повторил протяжно: – Россия... Вы даже не представляете себе этого чувства, которое у нас будет, если мы на рассвете возьмем этот дом. Ну что дом? Четыре стены, и даже не стены, а четыре развалины. Но сердце скажет: вот, как этот дом, возьмем обратно всю Россию* [С, с. 234]. В данном сравнении дом, отбитый немцами сравнивается с захваченной врагами Россией.

Анализируя семантику сравнительных оборотов, включающих в свой состав военную лексику, необходимо отметить, что наиболее часто сравниваются компоненты следующих классификационных групп:

1) «Слова, обозначающие лицо по роду военной деятельности (отношение к оружию, подразделению, виду военной службы, воинской специальности и специализации) и квалифицируемые в соответствии со служебно–должностными категориями военнослужащих»: *Машина опять катится юзом, подняв вокруг тучу желтоватой пыли, помптех неожиданно появляется из–за нее весь припорошенный, как мельник... [КК, с. 208], Приходят комбаты: коренастый, похожий на породистого бульдога, немолодой уже Каппель – комбат–два... [ВН, с. 13];*

2) «Слова, определяющие ранжировку воинских званий»: *Генерал–майор Маслов был человек складный, энергичный и сильный. Он чем–то напоминал упругую пружину [Кор, с. 212];*

3) «Наименования врага»: *Везде были немцы, немцы, напозшие, представлялось девочке, как бесчисленные серые муравьи, и дух ее стонал в гнетущем ощущении надвинувшегося морока [Гор, с. 162], У пленных, на которых мы смотрим теперь, вид иной. Они семят по ту сторону кювета какой–то крысиной побежкой, засунув руки в карманы или спрятав в рукава, и почти все смотрят под ноги <...> есть и верзилы эсэсовцы, видно сразу, охранники*

Гитлера. Чего они здесь оказались? Эти смотрят только вниз и своей какой-то особой настороженностью больше всего и напоминают крыс [КК, с. 187];

4) «Слова, обозначающие военную, в том числе и боевую, технику»: *Неказисты на вил наши машины. Низкие, разлапистые, переваливаются на разбитой дороге, как утки, заляпаны грязью по самый верх, и лишь местами проглядывают на них белые плешины – остатки зимней маскировочной окраски; на крыльях почти у каждой приторочены мокрые размочаленные бревна для самовытаскивания, передние крылья над звездочками у всех измяты о разные препятствия, торчат кверху и трепыхаются на ходу, ну в точности как флажки на дипломатических лимузинах [КК, с. 178];*

5) «Слова, обозначающие огневые средства для поражения живой силы и военной техники противника, оружие (стрелковое, автоматическое, холодное и т.д.) и его составляющие части»: *Я падаю, но успеваю заметить, как оживает пушка Феоктистова, вскидывает ствол, словно норовистый конь [Т, с. 64];*

6) «Боеприпасы и их составляющие (как составная часть вооружения, предназначенная для непосредственного поражения целей или обеспечения действия войск (сил)»: *И в этот момент слева протяжно рывкает второй снаряд. Что-то, словно дубиной, бьет меня в левую руку пониже плеча... [КК, с. 209], Граната наподобие пасхального яичка – такая веселая игрушка, бросает иль в горстище ее тискает, а у той пустяшной гранатки и чека пустяшная, что пуговка у штанов [Ас, с. 231]. Это связано, прежде всего, с частотой употребления компонентов групп, отличающихся большим количеством военных единиц в языке художественной литературы, а также с особенностями профессионального восприятия действительности, для которого признаки данных групп являются наиболее актуальными. С участием военной лексики других тематических и лексико-семантических групп сравнительные обороты образуются гораздо реже.*

Так же, как и метафора, сравнение, включающее в свой состав военную лексику, может быть антропоморфным и анималистическим. При возникновении отношений военной лексики с антропоморфным сравнением создается особый

экспрессивный подтекст: *Этот первый залп получился удивительно стройным, как падение единого тела...* [В, с. 135], ... *Как капли крови, брызнули вверх очереди скорострельных зениток* [П, с. 235], *Впереди – и уже недалеко – должен быть фронт. Он рисовался курсантам зримым и величественным сооружением из железобетона, огня и человеческой плоти, и они шли не к нему, а в него, чтобы заселить и оживить один из его временно примолкших бастионов* [В, с. 304]. Такие сравнения «активизируют психическую деятельность реципиента (читателя и слушателя), создают эмоциональное напряжение внутри текста, строят образ, что способствует тому, что эффект восприятия сравнения можно уподобить не сумме сравниваемых «кусков» мира, а их произведению» [Маслова, 2001, с. 148].

Чаще, чем антропоморфное сравнение, мы встречаем в текстах о Великой Отечественной войне анималистическое сравнение (62,5% / 37,5%): *Нахохлившись, торчат на конях ездовые, орудийные расчеты, как воробьи, тесно на лафетах и зарядных ящиках...* [Т, с. 32], *Бойко, сержант, закладывает и маскирует мины. Снаряжает их маленький, юркий, похожий на жучка боец из батальона, в прошлом сапер* [ВН, с. 20], *Хорошо КВ подошел, ахнул прямо в дом. Они (немцы) так и посыпались, как тараканы* [там же, с. 76], – *Чуть к фашистам в гости не попали. – Как так? – Да они там по оврагу, как тараканы, ползают* [там же, с. 157], *Танкисты повыскакивали из люков, как сурки из задымленных нор, но были немедленно расстреляны нашими пехотинцами* [Ал, с. 27], *Немцы всем своим поведением в этот день подтверждали мысли Сабурова. Они атаковали особенно часто и поспешно, словно боясь, что не взятое сегодня уже не будет взято завтра. Сабурову казалось, что он видит последние судороги тяжело раненного зверя* [С, с. 226], *Врылись в землю, как кроты, ни с какой стороны не подлезешь* [ВН, с. 232], *Это галки там, – не сразу, но слишком своим голосом сказал Алексей, а рокот уже перерос в могучий рев, и теперь было ясно, что лился он с неба. Самолеты и в самом деле шли кучной и неровной галочьей стаей; они увеличивались с каждой секундой, и круги пропеллеров у них блестели на солнце, как матовые зеркала. Их было не*

меньше пятидесяти штук. Каждый летел в каком-то странном ныряющем наклоне, с растопыренными лапами, с коричневым носом и отвратительным свистящим воем [там же, с. 111], Но самолет, эта чудесная верткая, проворная птица! Ее боевые качества трижды за этот день спасли ему жизнь. Бросить ее, разбить, превратить в груды алюминиевых лохмотьев! [П, с. 256].

Помимо традиционно-анималистического сравнения можно выделить текст-сравнение. Подобные сравнения могут проходить через довольно большие тексты, вырастая при этом в образ-символ. Тогда анималистическое сравнение «не просто вырастает из текста, а как бы прорастает в текст, цементируя его, обеспечивая тем самым его сцепление в структурное целое. При этом сравнение выполняет особую роль в организации текста – оно становится средством реализации такой категории текста, как когезия» [Маслова, 2001, с. 149]: *Мы выехали на бахчу, и в воздухе запели пули. Сколько я читал о свистящих над головой пулях, герои книг слушали их без содрогания, но подразумевалось – нужна сила воли, чтоб без содрогания, нужно мужество. Теперь не в книгах, не в кино, исполнилось наяву – над моей головой свистят пули, и вовсе не злое, на удивление нежно, застенчиво. Мне нисколько не страшно, даже весело, и никакой силы воли не прилагаю, получается само собой. Может, я исключительная натура, из тех, кто вообще не ведает страха? Но со мной рядом никто не страшится, хотя пули занимают всех, задирают вверх небритые подбородки, оживленно переговариваются: – Птички божии, не наслушаешься. – Петь пой, да не клюй. – Эти пеночки поверху летают. Услышим еще и низовых, что позлей. Нехитрое пророчество сбылось через несколько шагов. Внезапный, взхлеб яростный визг, я ныряю каской вперед, в смущении поспешно распрямляюсь. Распрямляются и другие, озадаченные и тоже смущенные. Сашка Глухарев отряхивает с колена пыль, прячет лицо. – Она самая, низовая пташечка. [Т, с. 43], Однако звук был тоже не страшный: будто несколько майских жуков, басовито гудя, кружили в листве зацветающей берёзы. И к гудению их примешивался порой частый короткий треск, похожий на вечерний скрип дергача на болоте. А вот и сами эти жуки. Сверкая крыльями, танцуют они в*

голубом морозном воздухе. Снова и снова скрипнул в вышине дергач. Один из жуков, не складывая крыльев, метнулся вниз <...> И вдруг ещё один жук отвалил от танцевавшего в воздухе роя и, оставляя за собой большой, пышный хвост, понёлся прямо к поляне. Он рос так быстро, что лось едва успел сделать прыжок в кусты, – что-то громадное, более страшное, чем внезапный порыв осенней бури, ударило по вершинам сосен и брякнулось о землю так, что весь лес загудел, застонал [П, с. 6]. Художественное описание объекта – важнейшая функция сравнения.

Военные самолеты часто сравниваются с птицами, танки – с жуками: Мересьев увидел, как из яркой зелени лиственного леса один за другим стали выползать на поле **танки, похожие сверху на неповоротливых сереньких жучков** [П, с. 238], Мересьев понял, что значат **сотни этих жучков** в глубине разбитых вражеских позиций [там же, с. 242]. Встречаются сравнения танка с птицей, а самолета с жуком: Щербак обиделся не на шутку. – Вы меня видели в бою? Не бойтесь – Щербак не подведет. **Машина, как ласточка, будет носиться вокруг «тигров»** [К, с. 24], Эсэсовцы сидели за броней в двести миллиметров и из мощной пушки **расстреливали наши танки за километр, как птиц** [К, с. 76].

Военная лексика, используемая в сравнительных оборотах, может приобретать фольклорные «оттенки»: **И в дым с ревом пронеслись наши штурмовики, засновали в нем черными тенями: перед их крыльями сверкало** [Б, с. 16], **Всего этого нет... И полка нет, и взвода, и Ширяева, и Максимова. А есть только натертая пятка, насквозь пропотевшая гимнастерка в белых разводах, «ТТ» на боку и немцы в самой глубине России, прущие лавиной на Дон, и вереницы машин, и тяжело, как жернов, ворочающиеся мысли** [ВН, с. 42], **Я остался на враждебном поле. И страшное одиночество черной птицей опустилось на меня** [Ал, с. 39], **На мгновение перед моими глазами выросла широченная фигура Петра Бобровского. Взмахнув рукой, он коршуном опустился на что-то, невидимое мне** [там же, с. 39], **И только отчаянный Сенька Вяткин ужом подкрался и утащил его из-под носа гитлеровцев** [там

же, с. 47], *Внизу, справа от кургана, на фоне свинцового неба, как стадо огненных зверей, промелькнули снаряды «катюш»* [С, с. 14], *Как дракон, рассыпая искры, чёрный поезд несётся в ночь* [Н, с. 117], *Мины были для меня чудовищами, кровожадными змей–горынычами, несущими смерть сверху, откуда–то с неба* [Г, с. 143], *А вражина безногий висит в темном бору, стучит скелетом, как кащей злобный, и, пока не вымрет наше поколение, – все будет слышно его...* [Ас, с. 284].

Таким образом, при изучении сравнений и сравнительных оборотов, включающих в свой состав военную лексику, использованную в художественной литературе о Великой Отечественной войне, необходимо учитывать такие их качества, как универсальность и творческий потенциал. Сравнение «как момент подобия вещей рождает метафору, символы, обнаруживает мифологичность сознания» [Маслова, 2001, с. 145], в нем рождается духовная культура народа. Сравнение – не просто понятие, фигура речи, но особое языковое явление, единица, наделенная значением и особой формой его выражения.

3.3. Особенности использования военной лексики в составе фразеологических оборотов

Наиболее специфическая часть лексики, использованной в художественной литературе о Великой Отечественной войне, – фразеологические единицы языка, в которых обозначились культурные представления народа. «Это произошло в силу того, что система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно–национальном опыте и традициях» [Телия, 1996, с. 215].

Используя общеязыковые фразеологические единицы, писатели военной прозы стремятся развить в них различные смысловые оттенки, что позволяет динамично развиваться данному пласту языка художественной литературы о Великой Отечественной войне. Отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фразеологические единицы фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы. «Постоянно пополняясь новыми единицами, фразеологический состав отражает культурно–исторический опыт народа, а также особенности исторических законов развития данного языка» [БЭС, с. 560].

«Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Это отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц» [Маслова, 2001, с. 82]. Именно фразеологизмы диктуют носителям языка особое видение мира, ситуации. В соответствии с этим, фразеологические единицы способны классифицироваться:

1) фразеологизмы, передающие сведения о смелости/трусости на войне: *праздновать труса, пороху не хватило, страху полны штаны* (Но неподобно Сашке, бывалому бойцу, **праздновать напоследок перед немцем труса**. И опять в рост метнулся он через овраг, и опять строкотнула по нему очередь, и опять отлеживался он под той же елью... [ВК, с. 225], И тут братва замолкла, поджали хвост. Когда миром шумели, все болтать можно, все не страшно, а как поодиночке, **пороху не хватило**, затихли калечные [там же, с. 290], Он вздыхает. – Бомбежки по дороге будут, как пить дать. Тогда – все из вагонов! И как можно дальше от эшелона. Понял? **Страху полны штаны**, но потерь можно избежать [ВК 2, с. 16]);

2) фразеологизмы, говорящие о солдатской дружбе: *есть из одного котелка, душа в душу* (Маленький, круглоголовый мой Валега! Сколько исходили мы с тобой за эти месяцы, сколько **каши съели из одного котелка**, сколько ночей провели, завернувшись в одну плащ-палатку... [ВН, с. 55], Чумак искоса смотрит на меня своим острым глазом. – Вместо Цыгейкина, что ли? – Да, вместо Цыгейкина. Пауза. Плевков через губу. – Что ж... Мы с саперами обычно **душа в душу**. – Надеюсь, что и впредь так будет [та же, с. 105 – 106]);

3) фразеологизмы, передающие информацию о победе/поражении в бою: *будет и на нашей улице праздник, драться до последнего патрона* (Потом, сделав рукой такой жест, словно отбрасывал в сторону все, о чем они говорили до этого, спросил, как Проценко представляет себе слова Сталина о том, что **будет и на нашей улице праздник** [С, с. 219 – 220], – Я сегодня собрал вас не на совещание, а просто чтобы встретиться, посмотреть в глаза друг другу. Может быть, не все мы доживем до светлого часа (слова «светлый час» прозвучали у него торжественно), но дивизия наша – доживет! И мы выпьем за то, – он встал, и все поднялись вслед за ним, – что скоро **наступит и на нашей улице праздник!** [там же, с. 223]).

В художественной литературе о Великой Отечественной войне встречается два типа фразеологических единиц: 1) обозначают (характеризуют) военные понятия, включают в свой состав военную лексику: *Зато мог он с закрытыми*

глазами разобрать и собрать затвор винтовки, **стрелял только в «яблочко»**, а пятидесятимиллиметровую штурмовую полосу проходил так, что взвод чуть ли не хлопал [ВК, с. 88]. Сюда же относим трансформированные фразеологизмы: нюхать порох, нюхать бомбежку, нюхать войну: **Не нюхавший пороху**, он вдруг почувствует запах сгоревшей взрывчатки, не видевший раненых, он увидит их кровь на снегу, услышит мужественный голос, зовущий вперед [Ал, с. 8], – **Да ты бомбежки настоящей еще не нюхал**. – Я в эшелоне трассирующими по брюху «мессеру» бил, пока вы в снегу барахтались [ВК, с. 98], Никто из нас по-настоящему **не нюхал еще войны**. Пока что мы ощущали ее морально и только немножко физически, когда рыли окопы [В, с. 179]. Здесь выражение *не нюхал* означает «никогда не сталкивался с чем-либо» [ФСРЯ, с. 391], фразеологизм *пороху не нюхал* толкуется как «не был на войне, не воевал» [там же];

2) общеязыковые фразеологические единицы, которые используются в военном контексте: *как пить дать* «обязательно, непременно. Имеется в виду высокая степень вероятности какого-либо (чаще нежелательного) действия, события. Обычно в ситуации, когда хотят уверить кого-либо в том, что какое-либо (чаще нежелательное) событие должно произойти» [СОВ, с. 57]. В русском языке этот фразеологизм подводится под категорию наречия, так как является неизменяемым; употребляется только с глаголами будущего времени совершенного вида: *Компас у Четина есть, но что компас без карты. И слышит он чей-то шепоток: «Заведет нас «щечки» к фрицам как пить дать...» И наконец решается»* [К, с. 121], *Он вздыхает. – Бомбежки по дороге будут, как пить дать* [ВК 2, с. 16].

Фразеологические единицы очень разнообразны в структурном и семантическом отношении. Они включают в свой состав как терминологическую военную лексику языка художественной литературы о Великой отечественной войне, так и нетерминологическую, общеязыковую, использованную в военном контексте. Е.В. Брысина пишет: «Тема, связанная с изображением военных действий, практически исключает употребление фразеологизмов военного характера или допускает единичные случаи их использования. Для нее

характерными являются военные слова и выражения в прямом, терминологическом значении и, в небольшой степени, переносное, образное (но не фразеологическое) употребление бывших военно–профессиональных выражений» [Брысина, 1993, с. 137]. В качестве фразеологических единиц мы рассматриваем и так называемые контекстуальные фразеологизмы – «семантически преобразованные составные военные термины и военно–профессиональные выражения, языковую сущность которых определяет исключительно контекст в предложениях, не имеющих отношения к военной тематике» [Брысина, 1993, с. 164]. Контекстуальные фразеологизмы достаточно свободно употребляются в художественной литературе о Великой Отечественной войне при наличии характерного окружения, использовании сравнительных структур, пояснений и так далее.

Рассмотрим один из примеров: *наломать дров* «наделать глупостей, ошибок (прост.)» [ФСРЯ, с. 309]: – *Да, нелегко ему после такого, думает Коншин, но все же какое–то раздражение, даже злость входит в душу: **наломал–таки дров** лейтенант с этим «на пробу», и он, уже не церемонясь, встряхивает помкомбата* [ВК, с. 173 – 174]. Главной причиной распространения в общерусском просторечии 40–50–х годов этого местного по происхождению выражения «является широкое общение во время войны людей из разных местностей; а люди, как известно, охотно подхватывают и усваивают меткие и выразительные средства языка» [Скворцов, 1975, с. 60]. В военном контексте данное «экспрессивно–ироническое выражение обозначает «неточные или ошибочные действия военного командира». По одной из версий, «выражение *наломать дров* пришло в общее употребление из профессиональной военной сферы, из жаргонизированной речи военнослужащих действующей армии. В годы Великой Отечественной войны это экспрессивное выражение было в ходу у бойцов–артиллеристов. На общерусской почве его экспрессия поддерживалась смысловой немотивированностью, экзотичностью сочетания *ломать дрова* (по–русски дрова «раскалывают», «рубят», а не «ломают»)» [там же]. Встречается данный фразеологизм в разных художественных произведениях о Великой

Отечественной войне: *«Мессер» с победным ревом низко прошел над жертвой, не водымаясь вверх, косо пересек степь, завис впереди над дорогой. В моторный гул вплелась длинная ожесточенная очередь. – Наломает дров, сволочь!* [Т, с. 37].

Довольно распространенной формой введения военных единиц в состав фразеологических оборотов является преобразование последних с использованием военной лексики, прежде всего, замена лексического компонента в общеязыковой фразеологической единице на военную, близкую по значению или какому-либо семантическому признаку. «Цель подобных преобразований, как и всех внутренних преобразований фразеологизмов, состоит в изменении стилистической окраски фразеологизма или придания ему большей значимости, экспрессивности» [Орлова, 1984, с. 137 – 138]. Кроме того, замена компонентов фразеологических единиц на военную лексику осуществляется для речевой характеристики персонажей – военных, для того, чтобы передать атмосферу боевой обстановки: – *А если уйдет эшелон?.. Догонит... Могут и дезертирство пришить... Эти могут... – беспокоятся вокруг* [ВК 2, с. 7] (ср.: «Пришить дело кому. Прост. Ложно обвинять кого-либо в каком-либо преступлении» [ФС, с. 360]), *Всего несколько часов я на войне, но уже мню себя обстрелянным солдатом, настолько, что начинаю верить в свою неуязвимость* [Т, с. 57], ... *наш лейтенант держался молодцом: на румянном лице горделиво-спокойная улыбка, немного даже презрительная улыбка уже обстрелянного боевого офицера, которому сам черт не брат* [Г, с. 138] (ср.: «Стреляный воробей и стреляная птица – о многоопытном человеке, которого трудно обмануть, провести» [ФСРЯ, с. 511]). Большинство данных выражений состоят из слов, имеющих конкретные значения и заметную экспрессивную окраску.

В некоторых случаях в состав фразеологических оборотов вводятся дополнительные, уточняющие компоненты, что может вызывать оживление исходного значения фразеологической единицы: *Командиры у нас были почти все уже повоевавшие, уже хлебнули вдосталь фронтового лиха, словом не по наслышке знали, что нас ждет там, на передовой...* [Г, с. 111] (ср.: «Хватить (или хлебнуть) лиха – испытать много горя, несчастий» [ФСРЯ, с. 263]).

Е.В. Брысина выделяет две группы устойчивых сочетаний, включающих в свой состав военно–профессиональные выражения: пословицы, поговорки, цитаты и семантически трансформированные военные термины и профессиональные выражения. «Включение военной лексики, входящей в состав обеих групп, в процесс фразеологизации возможно в разных условиях, но обязательным условием фразеологизации бывшего аналитического термина или профессионального выражения в составе той или иной группы является их семантическое обогащение, утрата связи с денотатом, которому соответствовал термин (профессионализм) в своем изначальном значении» [Брысина, 1993, с. 163]. При этом лингвист отмечает специфику участия военной лексики в процессе фразеологизации, которая проявляется в том, что «устойчивость, лаконичность и воспроизводимость – важные условия образования фразеологических единиц – обеспечиваются до некоторой степени самим источником фразеологизации – военной терминологией, которая и до включения в процесс фразеологизации обладала данными качествами» [там же].

Исследователь также считает, что, так как процесс фразеологизации выражений, включающих в свой состав военную лексику, достаточно длителен, то все сочетания слов, включающихся в процесс фразеологизации, должны пройти стадию потенциальных фразеологизмов. Под потенциальными фразеологизмами Е.В. Брысина понимает индивидуально–авторские сочетания слов, обладающие внутренней образностью и способностью актуализироваться. «Интенсивность фразеологизации потенциальных фразеологизмов неодинакова в разное время и зависит не только от общественных условий и степени актуальности и общезначимости данных сочетаний слов, но и от их эмоционально–образного потенциала, достоинств формы, поэтического ритма» [Брысина, 1993, с. 164]. Мы согласны с исследователем, поэтому до сих пор рассматривали как фразеологические единицы все авторские выражения, включающие в свой состав военную лексику и все военно–терминологические выражения, которые вышли за пределы своего терминополья и приобрели образность и оценочность, что, как известно является важным признаком

фразеологического значения, так как, на наш взгляд, они обладают набором всех необходимых для фразеологизмов качеств. Мы рассматриваем в работе как фразеологические единицы и устойчивые выражения, которые функционировали в определенный исторический период и вместе с ним ушли в прошлое.

Во время Великой Отечественной войны литературный язык начал воспринимать и осваивать фразеологию, связанную с военными действиями. «Современная литературная и разговорно–просторечная лексика и фразеология закрепила немало элементов профессиональной военной речи, окопного и тылового жаргона, арготической стихии и территориальных русских говоров» [Скворцов, 1975, с. 59]. Например, из речи артиллеристов пришли образные просторечные выражения *дать жизни кому–нибудь*, *дать прикурить кому–нибудь* (буквально – «зажечь, заставить задымиться») и *дать дрозда кому–нибудь* – все три с общим значением «громить, уничтожать (говорится с одобрением). Кто – лицо или группа лиц, войско, народ; что – боевая техника, оружие; кому – врагу, вражеской технике, войскам» [СОВ, с. 113].

Мы согласны с Е.В. Брысиной в том, что «характер фразеологических единиц и интенсивность их использования в художественных произведениях определяется не только и не столько жанром, темой произведения, сколько личностью автора, его мировоззрением, манерой авторского письма. Личность автора во многом определяет специфику использования фразеологизмов военного характера» [там же, с. 125]. Своеобразное употребление в художественной литературе о Великой Отечественной войне характерно, на наш взгляд, для фразеологизма *валять (ломать, корчить) дурака/ваньку* «Валять (или ломать) ваньку (прост.) – 1) дурачиться, потешать глупыми выходками; 2) притворяться глупым, непонимающим» [ФСРЯ, с. 47]: *Солдаты, сообразив, что сержант «валяет ваньку», дружно и оглушительно заревели «ура». На крик сбегались танкисты и стали с любопытством наблюдать, как самоходчики ломают комедию...* [К, с. 74]. Близко по значению выражение *ломать комедию* обозначает «разыгрывать (или ломать, играть) комедию (презр.) – вести себя лицемерно, притворяться» [ФСРЯ, с. 224], скорее всего, оно имеет давние связи с актерской

профессией, однако конкретной этимологии выражения не установлено. Встречается и такой пример: *Чуликов–то в армии без году неделя, а я кадровую ломал!..* [Т, с. 52].

Нами было зафиксировано употребление еще одной фразеологической единицы, близкой по значению фразеологизму *валять ваньку*: – *А ты что хотел? Чтоб и комбриг в цепи с тобой топал? У каждого свое место. – Это оно так. Но вижу я, наше место самое худшее. – На то ты и рядовой ванька* [К, с. 170], *Сашка положил руку ему на плечо. – Подумал я... Ну, какой с меня, рядового ваньки, спрос? На меня и время тратить жаль, когда все равно через месяц маршевая и передок* [там же, с. 293]. Слово *ванька* употреблено как нарицательное, речь идет о процессе апеллятивации: *ванька взводный – командир взвода (Поэтому, пока возможно, он, не выберется оттудова и за всяким–яким в атаку не пойдет, будет ждать, свой ванька–взводный даст команду вылезать из окопа и идти вперед* [Ас, с. 245]). Таким образом, к первоначальному значению «дурачиться, делать глупости» добавляется значение «бесполезности, ненужности, безыменности». Солдатская доля – неблагоприятное дело, ненужное, глупое, малозначимое.

Большую роль в образовании фразеологических единиц в военном контексте играют экспрессивные и эмоциональные факторы. Например, окказиональные фразеологические единицы: *Он тащит нас к трехногой скамейке в пыльном скверике. – Незачем прыгать очертя голову. Понимаете? Здесь дело простое. Или резерв, или передовая. Чик–чик – и ваших нет* [ВН, с. 56]. Мы полагаем, что эта идиома связана со словом «чикать» – «1. «бить», *чкать, чкнуть, прочкнуть* «пробить», укр. *чикнути* «резануть, ударить острым» [ЭСРЯ, т. 4, с. 360]. Ряд примеров можно продолжить: *Он повышает голос. – Что это значит – все–таки? Вы в армии или не в армии? Сказал вам нет, и точка* [ВН, с. 49]. Данная единица встречается в таких фразеологизмах как «До точки (дойти, довести) – до крайнего предела, до крайности (о каких–либо отрицательных явлениях). Ставить точку – кончать, прекращать какое–либо дело. Ставить точку (точки) над «и» – 1) уточнять все подробности, не оставляя ничего

недосказанного; 2) доводить до логического конца, делать все выводы» [ФСРЯ, с. 535].

Окказиональные фразеологические единицы достаточно широко представлены в военных произведениях и часто употребляются эллиптически: *Лицо Максимова сразу из бледного становится красным. – Вы на фронте или где? Хотите, чтобы всех людей перебило?* [ВН, с. 15], *– Понимаешь теперь, что нельзя начальство торопить? – язвил Проценко. – Поторопил бы, как раз и подставил бы меня под эту дулю. Тебе что Бабченко говорил: «Хозяин будет, имей в виду...» – вдруг смешно скопировал он Бабченко. – А ты меня под дулю чуть не подвел* [С, с. 41], *– Храбрец ты, Малешкин! Сане это очень польстило, и он решил отплатить той же монетой. – А сам–то какой? Один против шести «тигров» сражался. – Ну, сравнил. «Тигры» – другое дело. А тут верная амба* [К, с. 23], *– Старые воронки. Чего пугаешь? – А что? Врежет напоследок, и к рыбкам...* – *Не болтай. Раз там уцелели, прорвемся* [ВК, с. 234]. «Особо стоят каламбурные фразы, основанные на внутреннем контрасте, этимологическом несоответствии или ироническом сближении сопоставляемых слов» [Виноградов, 1977, с. 128]: *– Эх, адъютант! Надо же было тебе проштрафиться! Из–за каких–то курей сам попал, как кур во щи! (под арест)* [Н, с. 116]. Фразеологизм *попасть как кур во щи* означает «неожиданно оказаться в неловком, затруднительном положении» [ФСРЯ, с. 250]. В данной фразеологической единице образное представление, сопутствующее значению, обычно только предполагается. Субъективно–модальный компонент семантики фразеологизмов препятствует их использованию в качестве нейтрального средства обозначения, например, «преследовать» и «наступать на пятки» («настигать, догонять, сокращая расстояние, разницу в чем–либо» [ФСРЯ, с. 426]): *Он оглянулся назад. Самоходка наступала ему на пятки. Саня побежал быстрее* [К, с. 81].

Переносное значение фразеологических единиц является потенциальным источником каламбуров и метафор: *А дивизионный инженер и бровью не поводит. За две недели один раз только был, и то галопом по передовой пробежал, ни*

черта толком не сказал [ВН, с. 11]. Данный фразеологизм относит нас к известному выражению *галопом по Европам*, который возник в качестве насмешки над туристами, которые осуществляли заграничные путешествия, но делали это настолько быстро, что им даже не удавалось насладиться природной красотой. Сегодня он обозначает «1) очень быстро, наскоро; 2) поверхностно, не вдаваясь в подробности, частности» с шутливым, ироническим оттенком» [ФСРЯ, с. 95].

Многие слова не имеют свободных значений и лишены прямой номинативной функции. Они существуют в языке исключительно в составе фразеологических групп. Их лексическая индивидуальность сохраняется только наличием родственных словообразовательных слов–синонимов. Это, в основном, те слова, которые выражают синонимические оттенки какого–нибудь основного понятия и не образуют опорных моментов синонимического ряда. Например, слово *побегушки*: *Командиром первой самоходки на место Беззубцева срочно назначили лейтенанта Зимина, который до этого был при штабе на побегушках* [К, с. 62]. Данное слово применяется только в выражении «быть на побегушках – 1) оказывать мелкие услуги, выполнять небольшие поручения; 2) (перен.) находиться в подчинении у кого–нибудь, беспрекословно исполнять чьи–либо желания, капризы, малейшие прихоти» [ФСРЯ, с. 373], употребляется как разговорное и не имеет лексической свободы. Оно существует постольку, поскольку существует слово «бегание, беготня». Благодаря контексту данная фразеологическая единица входит в терминологическое поле «Военная лексика».

Иногда фразеологические единицы омонимичны словосочетаниям. Так, сочетание *выйти из строя* обозначает «по команде строевым шагом выйти из строя на указанное количество шагов, остановиться и повернуться лицом к строю», «Строй – установленное уставом размещение военнослужащих, подразделений и частей для их совместных действий» [СВЭ, т. 7, с. 579]. Фразеологическая единица *выйти из строя* обозначает «стать недействующим, негодным, неработоспособным» [ФСРЯ, с. 512], в военном значении – «небоееспособным».

Во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся такие смыслы, которые придают им культурно–национальный колорит. Например, фразеологизм *праздновать труса* «бояться, трусить»: *Но неподобно Сашке, бывалому бойцу, праздновать напоследок перед немцем труса. И опять в рост метнулся он через овраг, и опять строкотнула по нему очередь, и опять отлеживался он под той же елью* [ВК, с. 225] по одной из версий возник после того, как осенью 1612 года полки русских под командой Минина и Пожарского разгромили поляков, пытавшихся захватить русские земли. Предводителем поляков был Струс, который позорно бежал. Победу над Струсом торжественно отпраздновали русские войска. Со временем фамилия его забылась, но появилось новое ходячее выражение: труса праздновать: «Трусу (труса) праздновать – трусить, бояться» [ФСРЯ, с. 539]. По другой версии выражение представляет собой старую народную шутку и буквально значит «отмечать праздник святого Труса. Святого по имени Трус в русской церкви никогда не было и, естественно, не было и дня, то есть праздника такого святого. Праздновать день труса – значит просто трусить» [РФ, с. 153]. Фразеологизм *тещины блины* (блины – сытное и вкусное блюдо: – *Солдат–то поумнее тебя будет, – сказал старик и добавил: – Послушайте лучше, чего посоветую... – Говори, дед, и прости, с фронта мы, нервные... – подступил к нему Сашка. – Что нервные вы и перемаянные, понимаю. Не с тещиных блинов идете. Но и нас понять надо... Так вот, идите–ка на поле, там картоха, с осени не копанная* [ВК, с. 268 – 269], – *От одного вашего вида немцы разбегутся куда попало. – Пусть разбегаются. Мы к ним не на блины собрались, – проворчал лейтенант Беззубцев* [К, с. 5]. Выражение «к теще на блины» хранит в себе старинную русскую традицию, когда в пятницу на масленичной неделе тещи звали полакомиться блинами зятьев – «тещины вечерки» [СД, т. 2, с. 308].

«Не следует забывать при этом, что разные типы фразеологизмов, на что неоднократно указывала В.Н. Телия, по–разному отражают культуру» [Маслова, 2001, с. 83]. Проще всего выявить и объяснить культурную составляющую аспекта тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет

денотативный аспект. Для примера проанализируем фразеологизмы, одним или несколькими компонентами которых являются названия предметов национальной культуры: *на ладан дышать*: «Дышать на ладан – находиться при смерти (о человеке); о чем–либо ветхом, полуразвалившемся, пришедшем в негодность» [ФСРЯ, с. 161]: – *Сидят еще немцы? – Какое там! С Мамаева уже драпанули, за Долгим оврагом окопались. На ладан дышат. Жрать нечего, боеприпасов нет, в землянках обглоданные лошадиные кости валяются. Капут, в общем* [ВН, с. 234]. Выражение основывается на религиозной символике слова *ладан*. В церкви ладаном кадят (раскачивают сосуд, в котором находится курящийся ладан). Этот обряд совершается, в частности, над мертвыми. Кроме того, так говорят о старой вещи, которая уже практически не пригодна к использованию (переносное значение). Можно продолжить ряд примеров: *Им навстречу шли легкораненые, некоторые из них несли перед собой, как хлеб–соль на рушниках, белые перебинтованные руки* [Ал, с. 32]. Сочетание хлеба с солью было всегда очень ёмким символом. Хлеб выражает пожелание благополучия и богатства, а вот соль играет роль оберега, защищающего от враждебных сил и злого влияния. В народном мировоззрении хлеб и все хлебные изделия исконно наделялись святостью: «Хлеб–соль – 1) угощение, 2) забота, попечение» [ФСРЯ, с. 566]. На Руси «каравай хлеба и соль подносили на красочно расшитом полотенце. Этот старинный славянский обычай сохранился до наших дней. Обряд подношения хлеба и соли отражает важное значение этих продуктов питания для славян. Уважительное отношение к хлебу и соли обусловлено тем, что в них вкладывается много труда» [РФ, с. 164]. Отсюда становится понятным выражение, что раненые несли свои перебинтованные руки перед собой как хлеб–соль на рушниках, то есть что–то нарушенное, но тем не менее, что нужно сберечь, уберечь.

«Однако в большей части фразеологического массива культурная информация имеет иную прикрепленность. Прежде всего здесь имеются в виду образно–эмотивные по своей сути фразеологизмы, то есть такие, в значении которых чрезвычайно важно образное основание» [Маслова, 2001, с. 83 – 84].

Культурную информацию можно получить из внутренней формы фразеологизма, так как в ней присутствуют «следы культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры» [там же, с. 84]. В языке закрепляются и фразеологизируются те представления, которые соотносятся с культурно–национальными клише, образцами. При этом фразеологизмы сами становятся культурными эталонами. Осмысление национально–культурной специфики фразеологических единиц тесно соприкасается с проблемами человеческого понимания мира и отражением этого понимания в языке.

Вслед за В.А. Масловой мы считаем, что любой фразеологизм является текстом, то есть хранителем культурной информации. В этом случае фразеологическая единица не только воспроизводит элементы и признаки культурно–национального миропонимания, но и создает их, внося свой вклад в общую картину национальной культуры, если, конечно, она несет в себе культурно–национальную коннотацию. Таким образом, фразеологизмы «прямо (в денотате) или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно–образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме. Поэтому фразеологические единицы – своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению» [Маслова, 2001, с. 88]: *А потом немцы перешли в наступление. Пустили танков **видимо–невидимо**...* [ВН, с. 17] («Видимо–невидимо – чрезвычайно много» [ФСРЯ, с. 60]), *В каком–то селе бабы говорят, час тому назад проехали немцы. Машин двадцать. А вечером мотоциклистов **видимо–невидимо*** [ВН, с. 32], – *Второй батальон сейчас неизвестно где... От третьего – **рожки да ножки*** [там же, с. 30] («Рожки да ножки – ничего, почти ничего, совсем ничего не (оставлять, оставаться и т.п. от кого–либо или чего–либо)» [ФС, с. 391]), *Аккумуляторов натаскали **чертову гибель**, а омметра нет* [ВН, с. 73] («Чертова пропасть (гибель) – Прост. Очень много, огромное количество» [ФС, с. 364]), – *А нам никак уже дальше нельзя... До точки уже дотянулись. До самого **края земли***

[ВН, с. 95] («На край света (земли) – куда–нибудь очень далеко, куда угодно» [ФС, с. 211]), *Они провожают меня до ворот. – Паулюсу там кланяйся!* [ВН, с. 233] («Кланяться в ножки – униженно просить о чем–либо» [ФС, с. 198]).

Таким образом, слово как действующая единица языка выступает лишь во всем разнообразии своего фразового окружения. Границы между словом и фразой подвижны. Часто очертания смысловых контуров слова стираются в составе фразеологического целого. Однако в индивидуальном стиле фразеологические возможности весьма многообразны. Что касается непосредственно фразеологизмов военного характера, то они весьма активно включаются в общезыковые процессы и вступают в парадигматические отношения с другими единицами.

Художественные произведения о Великой Отечественной войне содержат большое количество преобразованных фразеологизмов военного характера. Причем характер преобразования часто определяет судьбу дальнейшего существования фразеологических дериватов: одни из них закрепляются во фразеологии, другие же остаются окказиональными и со временем уходят из языка и забываются. Однако все они обладают яркостью значения, высокой эмоциональностью, образностью и служат пополнением языкового фонда новыми экспрессивными средствами.

3.4. Паремиологические особенности употребления военной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне

Большие споры вызывает включение во фразеологический состав пословиц, поговорок, афоризмов, которые составляют большую часть устойчивых фраз, имеющих коммуникативную функцию, что обуславливает их семантическую двупланность. С одной стороны, они способны обозначать конкретную ситуацию, соотносимую с объективной действительностью. С другой стороны они могут раскрывать ее иносказательный смысл за счет восприятия «точного» значения как образной мотивировки, сопоставимой с оценочной и субъективно–эмоциональной модальностью. Постоянство пословиц, поговорок, афоризмов связано с тем, что они являются «включениями» в язык из фольклора или, например, авторского произведения.

«Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного)» [БЭС, с. 389]. Пословицы выражают суждение, кроме тех, которые имеют побудительный смысл и, собственно, не являются суждениями, обладают буквальным и переносным смыслом, или только переносным, и легко противопоставляются свободному предложению такого же лексического состава. «Поговорка – краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение» [там же, с. 379].

В фольклористике поговорки понимаются как образный оборот, не составляющий цельного предложения, однако при таком подходе поговорка по существу отождествляется с фразеологизмом. Вопрос о включении пословиц во фразеологическую систему остается нерешенным. От фразеологизмов пословицы

и поговорки отличаются в структурно–грамматическом отношении: как правило, пословицы и поговорки представляют собой законченное предложение. В основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения. Они не могут быть носителями лексического значения, которое присуще фразеологизмам; смысл их может быть передан только предложением (часто развернутым). Являясь предложениями, пословицы и поговорки обладают смысловой и интонационной завершенностью, синтаксической членимостью (если они употреблены в буквальном смысле), категориями предикативности и модальности, – всеми конструктивными признаками предложения. Благодаря интонации сообщения и категории предикативности пословицы и поговорки характеризуются отнесенностью своего содержания к действительности. Значение фразеологизма передается словом или словосочетанием. Фразеологизмы лишены такой особенности, как употребление в прямом значении, они не могут одновременно употребляться в буквальном и в переносном значении. В лексико–семантическом плане пословицы и поговорки в силу своей двуплановости, употребляющиеся в буквальном смысле, состоят из слов с вполне определенным самостоятельным лексическим значением. Слова, входящие в состав пословиц и поговорок и выражающие наиболее существенные стороны мысли, нередко выделяются или по крайней мере могут быть выделены логическим ударением. Компоненты фразеологизмов полностью или частично лишены семантической самостоятельности. Почти ни на одном из компонентов фразеологизма нельзя сделать логического ударения. В отличие от крылатых выражений пословицы и поговорки имеют народное, но не книжное происхождение. Однако иногда не удается установить, принадлежит ли выражение определенному автору или писатель заимствовал его из народной речи. Таким образом, пословицы и поговорки могут переходить в разряд крылатых выражений, если забывается породивший их литературный источник, или в разряд фразеологизмов.

Уже давно ученые обратили внимание на то, что пословица указывает на эпоху, в которую она появилась. Однако пословиц, приуроченных к каким–либо историческим событиям, гораздо меньше, чем выражений, появившихся в быту.

Большое значение на протяжении всей истории России имели военные пословицы и поговорки, которые несли в себе воспитательную функцию, часто выступая лозунгами и призывами к борьбе с врагами.

Многие военные пословицы и поговорки, созданные десятки лет назад, не потеряли своей актуальности и во время Великой Отечественной войны. Некоторые трансформировались. Таков, например, афоризм А.В. Суворова «Воевать не числом, а умением»: *Обстановка трудная, – глядя в упор на Бабченко, сказал Проценко. – Очень трудная... Бой ночной в незнакомом городе. Здесь шаблонов не может быть. Чем больше будет драться народу, тем больше путаницы и потерь. Неожиданностью и решимостью, а не числом. Вы понимаете, товарищ Бабченко?* – сказал Проценко строго, словно предупреждая этими словами возможные решения Бабченко, которые он предвидел и не одобрял. – *Сегодня ночью будете воевать одним батальоном, а два должны быть у вас готовы к рассвету для поддержки и отражения контратак. Атаковать поручите Сабурову. Оставив Бабченко и обратившись к Сабурову, Проценко продолжал: – А вы тоже должны помнить – ночью не числом, а неожиданностью, как в Воронеже... Помните Воронеж? – Так точно. – Хорошо помните? – Так точно. – Ну, тогда все. Держитесь, как в Воронеже, и еще лучше. Вот и все, вся мудрость...* [С, с. 26].

Известные пословицы изменялись, в них вкладывалось новое содержание. Так, например, старая пословица *Дальше в лес, больше дров* на фронте прозвучала: *Чем дальше в лес, тем хуже для эс–эс*, а в художественной литературе: – *Ну и дурак! – Раненный в ногу погасил чинарик о спинку койки и сплюнул. – Чем дальше в тыл, тем со жратвой лучше* [ВК, с. 240].

Часто военные пословицы и поговорки являются наставлениями, советами солдатам, офицерам. Они учат соблюдать дисциплину, уважать командира, выполнять военные приказы, поддерживать бодрость духа в моменты тяжелых испытаний: *А насчет командира вы сами понимаете: где командир, там должен быть и адъютант* [Н, с. 109], *На войне нельзя ссориться. Потом пожалеешь, да поздно будет* [Ил, с. 177], *Он шел, по–медвежьи переваливаясь с ноги на ногу,*

и разговаривал сам с собою: – *Глухая, темная ночь, автомат, граната – вот что надо разведчику* [Ал, с. 37], *И котелок у меня за спиной поверх мешка, потому что нет едока, чтобы он был без котелка*, – опять срифмовал Конюков [С, с. 93], *Но форма есть форма, а в армии особенно* [БВ, с. 22], Он недовольно посмотрел на мелкие, небрежно вырытые щели и, обращаясь в пространство, как будто не замечая тут же находившихся минометчиков, сказал: – *Как ты думаешь, Алексей Иванович, кто на войне нас убивает? Ты мне скажешь: немец... А я тебе скажу – не только немец, а еще и лень* [С, с. 38], *Идем в бой, боев без жертв не бывает* [Т, с. 34], – *Плохой приказ, если к нему надо еще что-то на словах добавлять* [С, с. 166], *Чем ругаться да бороться, лучше кашей напороться*, – продекламировал наводчик [К, с. 65], *Приказ на войне свят* [ВН, с. 222].

Военные пословицы и поговорки широко употреблялись во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Они распространялись повсюду: в дивизионных, армейских, фронтовых газетах и журналах, в листовках, бытовали в повседневной жизни армии, употреблялись во фронтовой самодеятельности. Пословицы на фронте возникали в большом количестве. Бойцы, командиры, политработники, работники фронтовых клубов и фронтовой печати записывали новые изречения, где бы ни находились: будь то землянка, марш, привал, а затем отдавали в печать. Заголовки статей, юмористические отделы, отдельные колонки часто состояли из пословиц, поговорок, крылатых слов, боевых призывов. Все это служило главной цели – укреплять и повышать боевой дух солдат. Художественная литература также широко использовала пословицы и поговорки в своих произведениях: *Велика страна, а отступить некуда* [Т, с. 73, 75], *Отступление часто приводило к победе, смерть – никогда* [Т, с. 73], *От судьбы не уйдешь. А воевать надо! Жестоко воевать!* [ВК, с. 102], – *Э-э, семи смертям не бывать, а одной не миновать* [Т, с. 52].

Пословицы и поговорки передавались и в устной форме, оставаясь в солдатской памяти и служа боевыми призывами: *Смерть немецким оккупантам!* [Н, с. 115], *Смерть за смерть! Кровь за кровь!* [там же, с. 121].

Часто пословицы и поговорки, возникшие в одной части, быстро распространялись по другим подразделениям и по всему фронту. Особенно много было создано пословиц и поговорок о мужестве, героизме, смелости в бою. Пословицы и поговорки призывали защитников Родины не бояться смерти, воспитывали в них веру в жизнь, в победу: «Свет, свет, свет...» – *вызывала синица. И в душе у девочки пело по–синичьи: свет, свет! Как бы ни было трудно, свет победит тьму, победит свет!* [Надеждина, с. 73], – *А мы хотя и вынуждены отступить, но отступление – еще не поражение, отступали же мы в сорок первом году и погнали потом немцев от Москвы...* [ВН, с. 46], – *Молодец! Горжусь, что у меня такие люди... Ну, что еще? Спасибо... А этот ваш дружок Петров разве плох? А остальные... Эх, с таким народом войны не проиграешь!* [П, с. 261], *Надо бежать. Ждать еще шесть часов! Не выдержу. Убьют так убьют – от смерти не спасешься* [ВН, с. 218]. Некоторые старые пословицы получили у солдат разных подразделений профессиональную переделку. Например, пословица «Ум хорошо, а два лучше» у снайперов начала употребляться по–новому: «Одна позиция хорошо, а две лучше».

«Часто пословицы использовались в сводках Советского информбюро, особенно когда опровергались различного рода измышления и хвастовство гитлеровского командования. Много военных пословиц в дни Великой Отечественной войны распространяло Пресс–бюро по печати Главного политического управления Советской армии, рассылая специальные бюллетени в помощь работникам фронтовой печати, агитаторам, лекторам. Так, 12 августа 1942 года был разослан бюллетень под названием «Народные поговорки и пословицы». В нем содержалось около 50 пословиц на разные темы: о смелости, мужестве, бесстрашии, стойкости. В бюллетене от 12 сентября 1942 года под тем же названием содержалось около 200 пословиц. Практиковалась также рассылка тематических бюллетеней с пословицами. Редакции фронтовых, армейских и дивизионных газет регулярно публиковали их на своих страницах. Часто боевые призывы, заголовки статей состояли из пословиц и поговорок» [Лавриненко, 2008, с. 137].

«Между пословицами и поговорками размещается разряд пословично–поговорочных выражений, сочетающих в себе особенности пословиц и поговорок: часть слов в их составе употребляется в прямом значении, а часть (нередко это реальные или потенциальные фразеологизмы) семантически переосмысливается: *Мать да дочь – темная ночь* [БЭС, с. 379]. В военном контексте это такие выражения как: – *А окоп без человека – мертвое дело...* [С, с. 53], – *Правда по сторонам, там и сям саднящее лопаются мины, но авось – бог не выдаст, свинья не съест – прямым попаданием не всадыт* [Т, с. 50]. Далее, подобные выражения мы будем называть афоризмами или авторскими изречениями, в силу того, что мы исследуем язык художественной литературы конкретных авторов. «Афоризм – устойчивое изречение, в котором в краткой, лаконичной, образной и легко запоминающейся форме высказывается обобщенная и законченная мысль» [БЛС, с. 76].

Так же как и фразеологизмы, афоризмы в художественной литературе о Великой Отечественной войне встречаются двух типов:

1) обозначают (характеризуют) военные понятия, включают в свой состав военную лексику (– *Сами докладные писали, а знали ведь – не на гулянку напрашиваемся, на войну... Вот и пришли... воевать* [ВК, с. 148], *Что ж, все может быть, где стреляют, там и горит* [Т, с. 36], *Говорят, невезение в картах к добру, когда едешь на войну* [ВК 2, с. 23]), и

2) общеязыковые конструкции, которые используются в военном контексте (*Да и вообще у нас закон: хочешь жить – верти башкой* [КК, с. 177] (о самоходчиках),

– *Эти «КВ», жестяные хоромины, от спички горят.*

– *Велика Федула, да дура.*

– *Новые танки, вот те хвалят.*

– *Хороши кони в заводе, да на пашне их нет* [Т, с. 38 – 39]).

Афоризмам свойственна вариативность: – *Кончай разговор. Я заступил на пост, а часовому разговаривать не положено* [Н, с. 117] и *Когда он второй раз пошел в обход, за плетнем уже никого не было. Видно, обиделась. Потому что*

девчонка. Не понимает, что он на посту. **Часовому отвлекаться не положено** [там же, с. 119]. В среде пехотных лейтенантов Великой Отечественной войны широкое распространение получила поговорка: «Больше роты не дадут, дальше фронта не пошлют...» [Михеенков, 2010, с. 3], которая трансформировалась и стала активно употребляться многими авторами художественной прозы с небольшими вариациями: *Сашка отмалчивался, а потом сказал: – Плевать я хотел! Дальше передка не загонят! А меня там и так ждут не дождутся* [ВК, с. 292], – *Знаешь что, – говорит он задумчиво, – такой ты мне в бою не нужен будешь. Тебя первой пулей шлепнет. Поезжай. Дальше фронта не загонят. В случае чего говори номер эшелона, скажи, что я отпустил* [Т, с. 19], – *А я сам найдусь. Саша, дальше фронта не пошлют!* [Б, с. 53; Т, с. 20, Г, с. 124]. Большинство афоризмов сгруппированы вокруг ключевого слова *война*. Данные единицы не способны, как правило, порождать полисемию.

Паремии могут передавать как общие суждения, так и суждения частного характера. Обобщающему характеру способствует тип их синтаксического построения: многие из них являются обобщенно–личными или инфинитивными предложениями: *Нельзя выбивать перед самым фронтом оружие из рук товарищей* [Ил, с. 161], – *Что все ко мне пристают с этими задачками? – рассвирепел Мишка. – Разве успеешь и воевать и учиться?* [Н, с. 109], безличными предложениями со словом «нет» в качестве сказуемого: *Для матерей нет справедливых войн!* [ВК, с. 33].

Употребляясь в военном контексте, афоризмы могут выполнять следующие функции:

1. Характеризуют человека, предмет, явление, действие, состояние: *А был бы сын, как раз этим летом на войну бы пришлось идти... Да, война – всем плохо, но нам, матерям, хуже всего* [ВК, с. 51], *Любая война начинается с дороги. Сперва с железной...* [там же, с. 106], – *Не могу я, товарищ капитан... Ну, не могу... Слово я ему давал, – уже понимая, что ни к чему его слова, что все равно заставит его капитан свой приказ исполнить, потому как на войне они, на передовой и приказ начальника закон* [там же, с. 217], *Приказ есть приказ, ничего*

тут не подделаешь, кончай скорее... [там же, с. 217], *В нашем овраге без перемен* [ВН, с. 79], *На вопрос Рюмина, он ли хозяин, старик сказал, что хозяин теперь всему война* [В, с. 133], *Однако разговаривать стали больно. Щебетать. А щебет военному человеку – штык в печенку. Это уж так точно...* [БВ, с. 38], *А какой родной казалась ей эта девочка! Будто родились в одном городе, выросли вместе и в одну школу вместе ходили...* «Да, хорошая школа – война!» [Ил, с. 178], – *Да уж что там, товарищ полковой комиссар! Известно, куда солдату в войну пишут, – ответил смущенно Степан Иванович и, еще раз поклонившись земно, теперь уже всем, скрылся за дверью* [П, с. 110].

2. Раскрывают отношения между людьми: – *Великое это счастье – дите свое перед боями повидать. Благословить, перекрестить...* [ВК, с. 64], – *Вон ты, в шляпке: кому война, а тебе, знать, мать родна, – расселась!* [П, с. 166], – *Курите, курите, – сказал Сабуров, когда собравшиеся перекурить бойцы вытянулись при его появлении. – Насыпай табачок да кури, землячок, – подал команду Конюков* [С, с. 92], *Рядовой только за себя в ответе* [ВК, с. 274].

3. Дают совет, как поступить в той или иной военной ситуации: *Правда говорят, что в наступление лучше с пустым брюхом идти, тогда ранение в живот не так страшно, но пожевать все же хочется...* [ВК, с. 145], *Приходил лейтенант тот, уговаривал. Она вначале ни в какую – нельзя, сказала, веселиться, когда на передке люди бедуют* [там же, с. 252], – *Я тоже первое время, когда она уходила, не спала, а теперь сплю. Ведь у меня все на фронте, и если за всех не спать, то умрешь в неделю* [С, с. 127], – *Хорошо, – сказал Сабуров. – День вместе выберем? – Вместе. – И немцев не спросим? – Нет, – тряхнул головой Ванин. – Что их спрашивать? Их спрашивать – до свадьбы не доживешь* [там же, с. 140], – *Товарищ капитан! – обрадовался Петя. – А мы–то уж вас ждали... – Вы бы меньше ждали, да лучше воевали, – сказал Сабуров, стараясь скрыть свою растроганность* [там же, с. 140], – *Нельзя на войне без доверия, – говорит он, – мало одной храбрости. И знаний мало. Нужна еще и вера. Вера в людей, с которыми ты вместе воюешь. Без этого никак нельзя...* [ВН, с. 221].

Авторские изречения в художественной литературе о Великой Отечественной войне служат средством характеристики персонажа, передают его мысли, чувства, подчеркивают его связь с народом:

– *Отвоевались, мужички.*

– *Подождешь, так вернемся, встретимся. Нас быстро заштопают.*

– *Тебе голову чинить будут, аль новую выдадут?*

– *Голова цела, уха нет.*

– *Немец–падла откусил?*

– *Осколочком сбрило.*

– *Не горюй, поросычье пришьют* [Т, с. 41].

В военных пословицах, поговорках, афоризмах, активно употребляющихся в произведениях о Великой Отечественной войне, отразилась многообразная жизнь Советской Армии. В языке художественной литературы широко применяются подобные элементы, что говорит о том, что солдаты и офицеры с уважением и любовью относились к русскому слову. За основу пословиц и поговорок брался пример жизненной, в нашем случае – военной ситуации, иногда давалась подсказка, иногда – прямое указание на правильное решение.

Выводы по главе

1. Метафоризация военной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне осуществляется по тем же принципам, что и словообразование общеупотребительной лексики, но с преимущественным использованием субстантивных единиц. В меньшей степени употребляются признаковые слова. Что касается глагольной лексики, то большая часть метафор создается на базе тематических групп «Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы и приемы ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий» и «Слова, обозначающие способы поражения противника при ведении боевых действий и их последствия и проявления», так как в грамматическом составе этих групп широко представлена глагольная лексика. Причем метафорическая активность наблюдается среди как терминологической, так и нетерминологической военной лексики.

Большое количество метафор, включающих в свой состав военную лексику, основаны на сенсорном взаимодействии человека (солдата, офицера) с окружающей его боевой действительностью. Здесь основным является зрительное взаимодействие, которое основывается на сопоставлении предметов 1) по форме, внешнему виду, размеру, 2) цвету, 3) графическому изображению. В метафорическом употреблении военной лексики также нашло отражение слуховое восприятие военной действительности.

Важным принципом концептуальной организации художественных произведений о Великой Отечественной войне выступает анимизм, который наиболее полно представлен в употреблении компонентов следующих лексико-семантических групп: «Слова, обозначающие военную, в том числе и боевую, технику» и «Вооружение (как совокупность оружия и технических средств, обеспечивающих его применение)» тематической группы «Материальная база войны, материальные средства», так как во время Великой Отечественной войны именно от техники и оружия во многом зависела жизнь бойцов. Авторы

художественной литературы о Великой Отечественной войне активно используют в своих произведениях антропоморфную и, чаще, зооморфную метафору, придающую военной лексике яркость и выразительность.

2. Сравнительные обороты, включающие в свой состав военную лексику, как правило, так же как и метафоры, строятся по моделям общеязыковых сравнений. Военные единицы обычно выступают в их составе в качестве первого члена сравнения, предмета сравнения. В качестве второго компонента военная лексика участвует, если находится в составе детерминологизированных конструкций.

Наиболее активно в составе сравнительных оборотов участвует военная лексика следующих классификационных групп: «Слова, обозначающие лицо по роду военной деятельности (отношение к оружию, подразделению, виду военной службы, воинской специальности и специализации) и квалифицируемые в соответствии со служебно–должностными категориями военнослужащих», «Слова, определяющие ранжировку воинских званий», «Наименования врага», «Слова, обозначающие военную, в том числе и боевую, технику», «Слова, обозначающие огневые средства для поражения живой силы и военной техники противника, оружие (стрелковое, автоматическое, холодное и т.д.) и его составляющие части», «Боеприпасы и их составляющие (как составная часть вооружения, предназначенная для непосредственного поражения целей или обеспечения действия войск (сил)», что объясняется большим объемом и многокомпонентностью групп, а также их широким использованием в художественной литературе о войне.

Военная лексика разнообразно и активно включается в состав антропоморфных и анималистических сравнительных оборотов, количественное преобладание которых составляет 62,5 % из 100 %.

3. В художественной литературе о Великой Отечественной войне употребляются фразеологические единицы, обозначающие военные понятия и общеупотребительные, использующиеся в военном контексте. И те, и другие весьма разнообразны в структурном и семантическом отношении. Они включают

в свой состав терминологическую военную лексику и нетерминологическую, общеязыковую. Используя военную лексику в составе фразеологизмов, авторы военной прозы стремятся найти и развить в них различные смысловые оттенки.

В работе описаны способы введения военной лексики в состав фразеологических единиц, такие как замена общеязыкового лексического компонента на военный, близкий по значению или какому–либо семантическому признаку; введение дополнительных, уточняющих элементов. Все эти действия способны и призваны вызвать оживление исходного значения фразеологизма. Большое значение в создании фразеологического военного контекста имеют экспрессивные и эмоциональные факторы, например, окказионализмы, метафорические каламбуры.

Фразеологизмы в произведениях о Великой Отечественной войне классифицируются по следующим признакам: 1) передают сведения о смелости или трусости на войне, 2) рассказывают о солдатской дружбе, 3) передают информацию о победе или поражении в бою. Большинство фразеологических оборотов несут в себе культурно–национальную коннотацию.

4. В художественной литературе о Великой Отечественной войне широкое распространение получили пословицы, поговорки, афоризмы, авторские изречения, которые, так же как и фразеологизмы, могут включать в свой состав военную лексику (терминологическую и нетерминологическую), характеризуя военные понятия. Выделяется группа афоризмов, содержащая общеязыковую лексику, находящуюся в военном контексте. Многие из паремий, созданных десятки лет назад, активизировались, вернули свою актуальность в годы Великой Отечественной войны, некоторые трансформировались. Часто подобные конструкции выступали в качестве наставлений, советов бойцам, как в устной форме, так и в письменной. Многократны случаи вариативного использования афоризмов в художественных произведениях разных авторов, что говорит о популярности некоторых паремий в годы войны среди бойцов.

Употребляясь в художественной ткани произведений о Великой Отечественной войне, афоризмы выполняют следующие функции: характеризуют

человека, предмет, явление, раскрывают отношения между людьми, дают совет, как поступить в той или иной боевой ситуации. Авторские изречения служат средством характеристики персонажа, передают его мысли, чувства, подчеркивают его связь с народом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало актуальность и важность выбранной темы и основных аспектов ее исследования. Изучение военной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне проведено по следующим направлениям:

1. Определено место военной лексики, использованной в художественных произведениях, в терминологической системе языка. Разработана ее лексико–семантическая классификация.

2. Выявлены стилистические возможности военных единиц в художественном тексте, определена специфика словообразовательных процессов, морфологическое своеобразие употребления военной лексики.

3. Изучены лингвокультурологические особенности военных единиц, охарактеризован концепт «Война», занимающий важное место в национальном сознании русского народа.

4. Определен и описан образный потенциал военной лексики, использованной в художественной литературе о Великой Отечественной войне, а также метафорические и фразеологические процессы, происходящие в сфере как терминологической, так и нетерминологической лексики.

В результате проделанной работы представляется возможным сделать следующие выводы:

1. В терминологической системе «Военная лексика» происходят те же лексико–семантические процессы, что и в общеупотребительной области языка, тем более, что между ними нет четких границ. Классификация насчитывает 11 тематических групп, которые, в свою очередь, состоят из более мелких по объему лексико–семантических объединений. Наибольшее количество военных единиц сосредоточено в первых трех тематических группах: «Слова, определяющие людские ресурсы и их формирования», «Материальная база войны, материальные средства», «Слова, обозначающие военные и боевые действия, способы и приемы

ведения боя, обеспечение боевых и оперативных действий». Авторы военной прозы активно используют компоненты данных групп.

Военная лексика, использованная в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне, представлена в основном именами существительными, глаголами и прилагательными; однословными и составными наименованиями; терминологической лексикой и профессиональной, а также общеязыковыми словами, употребленными в военном контексте, что является яркой характерной особенностью военной лексики в языке военной прозы.

2. Военная лексика обладает большими стилистическими возможностями. Стилистическая нагрузка может падать как на терминологические единицы, так и на общеупотребительные слова, в окружении которых находятся военные термины. Активно используются общеязыковые синонимы терминологической военной лексики.

Один из художественных приемов, получивших широкое распространение в произведениях о Великой Отечественной войне, – столкновение военного термина и его общеязыкового синонима. На использование военной лексики оказывает влияние романтическая смысловая составляющая, имеющаяся в некоторых военных текстах. В военной лексике отразились разнообразные стилистические процессы на словообразовательном, морфологическом, семантическом уровне.

Как правило, терминологическая военная лексика обладает мелиоративной или нейтральной эмоционально–экспрессивной окраской, тогда как профессиональная, жаргонная отличается стилистической сниженностью. Ее функцией является устранение официальности в боевой напряженной обстановке. В языке художественной литературы о Великой Отечественной войне заметна активизация устаревшей лексики, кроме того распространение получили лексемы *русский, Россия*.

3. Нами был проанализирован важнейший культурно–национальный концепт «Война», который мы рассматривали прежде всего в связи с Великой Отечественной войной. Данная ментальная единица определяется лингвистами

по-разному. Концепт «Война» широко представлен в языковой синонимии, в том числе индивидуально-авторской (слово *война* встречается в каждом третьем случае синонимичного употребления). Ядро и ближнюю периферию средств отражения концепта составляют слова: *война, бой, атака, наступление, оборона*. Средствами апелляции выступают, в основном, имена существительные, реже – прилагательные и глаголы.

Так как концепт репрезентируется словами, а слово, как элемент лексико-семантической системы языка, реализуется в составе лексической парадигмы, были рассмотрены основные характеристики лексико-семантической парадигмы военной терминологии.

Помимо лингвистического аспекта рассмотрения концепта мы сочли необходимым рассмотреть антропоцентрическую парадигму языка художественной литературы о Великой Отечественной войне, так как человек познает окружающую действительность через осознание себя, своего существования в мире, тем более в боевой напряженной обстановке.

4. Переносные употребления военной лексики в художественных контекстах осуществляются по типичным общеязыковым моделям с преимущественным использованием субстантивных единиц. В меньшем количестве употребляются признаковые слова.

Метафоры, включающие в свой состав военную лексику, в большинстве своем основаны на сенсорном взаимодействии человека с окружающей действительностью. Основным является зрительное взаимодействие, однако значительное количество примеров отражает и слуховое восприятие боевой обстановки.

В сравнениях военная лексика обычно выступает в качестве первого компонента, предмета, который с чем-либо сравнивают. Чаще всего – это компоненты следующих лексико-семантических и тематических групп: «Слова, обозначающие лицо по роду военной деятельности (отношение к оружию, подразделению, виду военной службы, воинской специальности и специализации) и квалифицируемые в соответствии со служебно-должностными категориями

военнослужащих», «Слова, определяющие ранжировку воинских званий», «Наименования врага», «Слова, обозначающие военную, в том числе и боевую, технику», «Слова, обозначающие огневые средства для поражения живой силы и военной техники противника, оружие (стрелковое, автоматическое, холодное и т.д.) и его составляющие части», «Боеприпасы и их составляющие (как составная часть вооружения, предназначенная для непосредственного поражения целей или обеспечения действия войск (сил))».

Широкое распространение военная лексика получила в контексте олицетворения, активно и разнообразно включаясь в состав антропоморфных и зооморфных метафор и сравнений. Наиболее часто анимистические отношения наблюдаются среди единиц лексико–семантических групп «Слова, обозначающие военную, в том числе и боевую, технику» и «Вооружение (как совокупность оружия и технических средств, обеспечивающих его применение)» тематической группы «Материальная база войны, материальные средства», так как от оружия и техники часто зависела жизнь бойцов. Такой прием придает военной лексике особую экспрессивность и выразительность.

5. Разнообразны как в структурном, так и в семантическом плане фразеологические единицы и паремии. Включая в их состав военную лексику, писатели развивают в них новые смыслы. В художественной литературе о Великой Отечественной войне употребляются фразеологические и паремиологические единицы, включающие в свой состав военные термины (такие конструкции обозначают военные понятия) и включающие общеязыковую лексику, употребленную в военном контексте.

Вызывает усиление образности общеупотребительных фразеологизмов замена общеязыкового элемента на военный, близкий по значению, введение дополнительных, уточняющих компонентов, включение окказионализмов, метафорических каламбуров. Фразеологизмы, содержащиеся в военной прозе, классифицируются по следующим признакам: сообщают сведения о смелости или трусости на войне, рассказывают о солдатской дружбе, передают информацию о победе или поражении в бою. Паремии характеризуют человека, предмет,

явление, раскрывают отношения между людьми, дают совет, как поступить в боевой ситуации. Авторские изречения служат средством характеристики персонажа, передают его мысли, чувства, подчеркивают его связь с народом.

Возникновение сходных фразеологических единиц и паремий в языке разных авторов говорит о том, что большинство данных единиц несут в себе культурно–национальные коннотации и играют значительную роль в языковой картине мира русского народа.

В перспективе предполагается проведение углубленного исследования жанровых и индивидуально–авторских особенностей функционирования военной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестник ВГПУ. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 60 – 66.
2. Алефиренко Н.Ф. Проблемы современного языкознания // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В.И. Супруна / под ред. Е.В. Брысиной. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2008. – С. 9 – 16.
3. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
4. Алещенко Е.И. Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В.М. Гаршина и Н.С. Лескова): Дис ... канд. филол. наук. – Волгоград: Перемена, 1998. – 195 с.
5. Андреев В.К. Фразеология новых корпоративных языков: темы и образы // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7. – С. 65 – 69.
6. Ануфриева О.И. Концепт «праведность»: структура и средства выражения // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7. – С. 16 – 20.
7. Апухтина В.А. Художественная проза о войне в литературном процессе 60 – 70-х годов // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 17 – 26.
8. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с. – С. 3 – 4.
9. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели и действия. – М.: Наука, 1992. – 166 с. – С. 14 – 23.
10. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – 176 с. – С. 3 – 6.

11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.
12. Аскольдов–Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 279.
13. Атанасова И. О характеристике термина // Ежегодные лингвистические чтения 15 ноября 2003 года: сб. посв. 40-летию Великотырновского ун-та. – В. Тырново: Унив. изд., 2004. – С. 7 – 12.
14. Ахметова Г.Д. Слово – сплав реальности и чувства // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума препод. рус. яз. и лит-ры славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – С. 255 – 263.
15. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис... докт. филол. наук. – Воронеж, 1997. – 330 с.
16. Баишева З.В. Концепт «Русь, Россия, русские, россияне» в ментальном мире русского человека // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума препод. русского языка и литературы славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – С. 16 – 23.
17. Балаж К. Лексическая и фразеологическая семантика // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В.И. Супруна / под ред. Е.В. Брысиной. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2008. – 376 с. – С. 306 – 310.
18. Балашова Л.В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI–XX веков. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. – 217 с.
19. Бельчиков Ю. А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филологические науки. – 2000. – № 6. – С. 46 – 55.

20. Березин В. Проза времён не всеобщей воинской обязанности // Знамя. – 2000. – № 5. – С. 3 – 5.
21. Богатырева И.И. Языковая картина мира // Русская словесность. – 2010. – № 2. – С. 72 – 74.
22. Бойко Б.Л. Военный жаргон в армейских субкультурах (на материале русского и немецкого языков) // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2008. – № 10. – С. 54 – 57.
23. Бойко Б.Л. Проблемы лексикографического описания военного жаргона (опыт сопоставления) // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 67 – 70.
24. Бойко Л.Г. Мир флоры в устойчивых сравнениях // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2008. – № 10. – С. 75 – 77.
25. Бондаренко А.В. Язык: бытие и сущность // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 8 – 11.
26. Бочарникова И.В. Гендерный аспект в изучении ценностного варьирования лингвокультурного аспекта «Жизнь» // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума препод. рус. яз. и лит. славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – 324 с. – С. 52 – 59.
27. Бронник Л.В. Язык как система: размышления о природе языка в когнитивно–синергетическом контексте // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 12 – 15.
28. Брысина Е.В. Фразеологическая активность военной лексики: Дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1993. – 224 с.
29. Брысина Е.В., Кудряшова Р.И., Супрун В.И. Национальная идея защиты Отечества в языковом сознании русского народа // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума препод. рус. яз. и лит. славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – 324 с. – С. 9 – 15.

30. Будаев Э.В. Дискурс – анализ политической метафоры: Язык. Текст. Дискурс // Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 7. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – 448 с. – С. 54 – 61.
31. Букаренко С.Г. Стереотипная сочетаемость: аспекты исследования // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7. – С. 31 – 35.
32. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Изд. 7-е. – М.: КомКнига, 2006. – 344 с.
33. Бучина Г.А. Роль метафоры в структурировании и функционировании лексики ограниченного употребления (На материале военной лексики в русском и английском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 24 с.
34. Бучина Г.А. Роль метафоры в структурировании и функционировании лексики ограниченного употребления (На материале военной лексики в русском и английском языках): Диссер. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 281 с.
35. Вальтер Х. Почему немцы предлагают собеседнику «принимать яд»? // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В.И. Супруна / под ред. Е.В. Брысиной. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2008. – 376 с. – С. 317 – 323.
36. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – I–XII. – 780 с.
37. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
38. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
39. Виноградов В.В. История слов / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1999. – 1138 с.

40. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Изд-во худож. лит., 1961. – 613 с.
41. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. 5.: сб. статей по языковедению. – М., 1939. – С. 3 – 54.
42. Винокур Г.О. Современный русский язык / Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиздат, 1959. – 491 с.
43. Воеводина Г.А. Уникальные аффиксы в современном русском языке. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 144 с.
44. Волос А. Литература и война // Знамя. – 2000. – № 5. – С. 9 – 10.
45. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый» термин // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 5 – 12.
46. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско–английские параллели). – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.
47. Воркачев С.Г. Категориальный синтез: от лингвокультурного концепта к лингвокультурной идее // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 4 – 8.
48. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
49. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230 – 293.
50. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11 – 26.
51. Галкина–Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Ч 1. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 485 с.
52. Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков). – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 144 с.

53. Герд А.С. Основы научно–технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). – Л.: Изд–во Ленингр. ун–та, 1986. – 69 с.
54. Герд А.С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. – Л.: Изд–во Ленинградского ун–та, 1981. – 111 (1) с.
55. Гехтляр С., Марченков Е. «Мысль о мире» в стихах русских поэтов о войне (к вопросу о содержательных и выразительных компонентах культурного концепта) // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – С. 10 – 12.
56. Головин Б.Н. Роль терминологии в научном и учебном общении // Термин и слово. Межвуз. сб. – Горький: Изд–ие ГГУ, 1979. – С. 14 – 23.
57. Головин Б.Н. Термин и слово // Термин и слово. Межвуз. сб. – Горький: Изд–ие ГГУ, 1980. – С. 3 – 12.
58. Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово. Межвуз. сб. – Горький: Изд–ие ГГУ, 1981. – С. 1 – 7.
59. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.
60. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис–пресс, 1997. – 448 с.
61. Гриднева Т.В. Фразеологическая картина мира и ее семантическое пространство // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7. – С. 61 – 65.
62. Гридунова Ю. Время и вечность в повести В.Я. Некрасова «В окопах Сталинграда» // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 26 – 30.
63. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. яз. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 449 с.
64. Гусев С.С. Наука и метафора. – Л.: Изд–во Ленингр. ун–та, 1984. – 150 с.

65. Декатова К.И. Взаимодействие языка и культуры в процессе смыслообразования фразеологических единиц // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума преподав. рус. яз. и лит-ры славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – 324 с. – С. 70 – 73.
66. Дергачева Е. Всю правду о войне лучше не знать // Звезда. – 2007. – № 5. – С. 190 – 196.
67. Дехнич О.В. Еще раз о метафоре: Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 7. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – 448 с. – С. 391 – 394.
68. Диалог о прозе. Г. Владимов – Ф. Кузнецов // Литературная газета. – 1976. – № 7. – С. 6.
69. Еремин А.Н. Типология просторечной метафоры // Семантика языковых единиц. Доклады VI междунар. конф. – Т. 1. – М.: Спорт-АкадемПресс, 1988. – С. 134 – 136.
70. Ермакова Е.Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 42 с.
71. Ерофеева И.В. «Деньги» как концепт в современном медиатексте // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7. – С. 23 – 27.
72. Жантурина Б.Н. Пространственный компонент в метафорах времени // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 5. – С. 24 – 27.
73. Жигулев А.М. Русские военные пословицы и поговорки. – М.: Воениздат, 1960. – 159 с.
74. Жуков А.В. К вопросу о мотивировке и выводимости фразеологизмов // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума преподав. рус. яз. и лит-ры славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – 324 с. – С. 63 – 70.

75. Задорожнева Е.В. Сочетаемость компонентов антонимо–синонимических блоков (на материале существительных, прилагательных, наречий русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Перемена, 2007. – 23 с.
76. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Твер. гос. ун–т, 2001. – 177 с.
77. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
78. Захарова М.М. Категория оценки в терминологии // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2: в 3–х ч. – Ч. 1. – С. 91 – 92.
79. Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд–во Моск. ун–та, 1957. – 320 (4) с.
80. Звезда Г.В. К проблеме языкового воплощения национального архетипа: повесть К.Воробьева «Это мы, Господи!..» // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – С. 24 – 26.
81. Зелевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Твер. гос. ун–т, 2001. – 177 с.
82. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 328 с.
83. Зимовая М.В. Многозначность в терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2010. – 160 с.
84. Золотых Л.Г. Фразеологическое значение и его смысловая реализация в речи: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград: Перемена, 2000. – 23 с.
85. Зубкова Я.В. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 5. – С. 28 – 32.
86. Кабаков А. Всеобщая воинская невинность // Знамя. – 2000. – № 5. – С. 10 – 11.

- 87.Карамалак О.А. Когнитивная природа языкового знака и определение лексических прототипов (на примере многозначных существительных лексико – семантического поля «строительные материалы и элементы конструкций»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2009. – 21 (1) с.
- 88.Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3 – 16.
- 89.Карасик В.И. Оценочные доминанты в языковой картине мира // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: матер. межд. конф. 12–13 окт. Вып. 4. – Белгород, 1999. – С. 39 – 40.
- 90.Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 91.Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
- 92.Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Наука, 2009. – 336 с.
- 93.Киприянова А.А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): Дис. канд. ... филол. наук. – Краснодар, 1999. – 218 с.
- 94.Кобрин Р.Ю. О понятиях «терминология» и «терминологическая система» / В.А. Татаринов. История отечественного терминоведения: в 3-х т. – Т. 3. – М.: Моск. лицей, 2003. – С. 35 – 40.
- 95.Ковалева М.П. Фигура сравнения как конструктивный элемент дискурса: Дис. канд. ... филол. наук. – М.: Воен. ун–ет, 2003. – 172 с.
- 96.Ковалишин П.Ю. Принцип междисциплинарности в исследовании языковой картины мира // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 84 – 92.
- 97.Кожин А.Н. О развитии русского литературного языка в эпоху Великой Отечественной войны // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 48 – 58.

98. Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М.: Высш. Школа, 1982. – 223 с.
99. Кожин А.Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1985. – 390 с.
100. Кожин А.Н. Мир солдата в слове Великой Отечественной // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 4 – 5.
101. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
102. Кознова Н.Н. Повествовательные формы выражения авторской позиции в мемуарной прозе // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2008. – № 10. – С. 163 – 167.
103. Колгушкин А.Н. Лингвистика в военном деле. – М.: Воениздат, 1970. – 180 с.
104. Колобаев П.А. Формы повествования в военной прозе В.О. Богомолова // Русская речь. – 2010. – № 6. – С. 32 – 36.
105. Колобаева Л.А. Партизанские повести В. Быкова (История и современность) // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 34 – 40.
106. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография: В 2 ч. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. – Ч. 1. – 245 с.
107. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография: В 2 ч. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. – Ч. 2. – 284 с.
108. Король Л.Н. «Огонь врага огнем поправ...» (концепт «Огонь» в стихотворении А.Т. Твардовского «Огонь») // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 33 – 36.

109. Короткова Н.В. Руднева О.Н. Трагедийность бытия в повести К.Воробьева «Крик»: языковое выражение // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 41 – 42.
110. Косова М.В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общеупотребительной лексики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Н. Новгород, 2004. – 52 с.
111. Костюченкова Н.В. Об основополагающих понятиях когнитивной лингвистики в их преломлении через призму культуры // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума препод. рус. яз. и лит-ры славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – 324 с. – С. 37 – 42.
112. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
113. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
114. Кряхтунова О.В. Культурная регламентация и бенефициальность шифтерного концепта «справедливость» в русской лингвокультуре // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 31 – 35.
115. Крячко В.Б. Концептосфера «Война» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 233 с.
116. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 560 с.
117. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка. – Л.: Просвещение, 1960. – 173 с.
118. Кузнецов В.Г. Язык как орудие культуры в концепции лингвистов Женевской школы Ш. Балли, А. Сеше и С. Карцевского // Филологические науки. – 1975. – № 2. – С. 22 – 29.

119. Культура речи в технической документации / Под ред. Л.И. Скворцова. – М.: Наука, 1982. – 215 (2) с.
120. Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научно–технических систем // Сб.: Лингвистические проблемы научно–технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 82 – 94.
121. Лавриненко Т.А. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре: Дис... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 198 с.
122. Лаврова Н.Н., Рылов С.А. Научные идеи Б.Н. Головина и лингвистика XXI века // Вестник Нижегородского ун–та им. Н.И. Лобачевского: Филология. – 2011. – № 6. – С. 363 – 367.
123. Лазаревич С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико–словообразовательный анализ): Дис... канд. филол. наук. – Н.Новгород, 2000. – 251 с.
124. Ланская О.В. Роман Ю.Бондарева «Горячий снег»: художественная концепция мира (к урокам словесности) // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 82 – 85.
125. Лапинская И.П. Текстуализация смыслов в художественном тексте. Символ // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 126 – 130.
126. Лапинская И.П. Тема Великой Отечественной войны в творчестве В. Высоцкого // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 32 – 33.
127. Ледяева С.Д. Очерк по исторической лексикологии русского языка. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 109 (3) с.
128. Лейчик В.М. О методах и принципах конструирования терминосистем / Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. – Л.: Изд–во ЛГУ, 1979. – 192 с.

129. Лейчик В.М. Особенности терминологии общественных наук и сферы ее использования // Язык и стиль научного изложения. Лингвометодические исследования. – М.: Наука, 1983. – С. 70 – 88.
130. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – 4-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
131. Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке: учеб. пособие / А.М. Павлова и др.; науч. ред. В.М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 176 с.
132. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3 – 9.
133. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 314 (2) с.
134. Лутовинова О.В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 5. – С. 4 – 7.
135. Лыков А.В. Трансформация узуальных фразеологизмов с числовыми компонентами в произведениях А.П. Чехова // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2008. – № 7. – С. 99 – 102.
136. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. – Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11 – 35.
137. Макаренко Н.Н. Индивидуальные образные сравнения во французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 199 с.
138. Максимов В.И. Структура и членение слова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 146 (2) с.
139. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие / А.Ю. Маслова. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.
140. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
141. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.

142. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
143. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
144. Маслова Ж.Н. Метафора, метонимия и символ в когнитивной поэтике // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 130 – 134.
145. Миртов А.В. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания. – 1953. – № 4. – С. 99 – 108.
146. Михайлова А.Г. Особенности функционирования ключевой лексики в военных эпизодах романа П. Храмова «Инок» // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума препод. рус. яз. и лит-ры славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – 324 с. – С. 279 – 283.
147. Михалев А.Б. Общее языкознание. История языкознания: путеводитель по лингвистике: конспект–справочник. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 240 с.
148. Михеенков С.Е. Взвод, приготовиться к атаке!.. Лейтенанты Великой Отечественной. 1941–1945. – М.: Изд-во Центрполиграф, 2010. – 351 с.
149. Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно–технической терминологии. – М., 1970. – С. 127 – 138.
150. Морковкин В.В. Лексический минимум современного русского языка. – М.: Русский язык, 1985. – 757 с.
151. Наседкина В.Н., Стена И.И. «Вернись, товарищи, назад, к той памяти жестокой» (о концепте «Память» в военной лирике А.Т. Твардовского) // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 37 – 39.
152. Низаметдинова Н.Х. Историческое словосложение как объект исследования // Филологические науки. – 2003. – № 6. – С. 71 – 81.

153. Никифорова Е.Б. Динамические процессы в лексике: роль потенциальных сем в синхронии и диахронии // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В.И. Супруна / под ред. Е.В. Брысиной. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – 376 с. – С. 353 – 358.
154. Никонова Т.А. «Русское» и «советское» в литературе 40-х годов // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 15 – 17.
155. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка // Под ред. Б.А. Серебrenникова. – М.: Наука, 1970. – 604 с.
156. Олядыкова Л.Б. Военная лексика в художественных произведениях о Великой Отечественной войне, изучаемых в школе // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 79 – 80.
157. Орлова Н.М. Функционирование морской лексики в тексте художественной литературы (XIX–XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во пед. инс-та, 1984. – 206 с.
158. Осатюк Е.Н. Когнитивные модели метафор «болезнь» и «смерть» как отражение авторского мировидения (на материале романов Т. Манна): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос-го ун-та, 2007. – 22 (1) с.
159. Остринская Н.Н. Синтаксические особенности экспрессивных средств художественного текста // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2008. – № 7. – С. 76 – 80.
160. Палютина З.Р. Цивилизационный подход к терминологии: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 172 с.

161. Панкратова С.А. Возможно ли предсказать метафорический выбор? Когнитивно–семантические обоснования // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2008. – № 7. – С. 11 – 15.
162. Пермякова Т.М. Динамика концепта «место» в межкультурной коммуникации // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 36 – 39.
163. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 196 – 220.
164. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135 – 145.
165. Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Перемена, 2005. – 19 с.
166. Политова И.Н. Разная степень смысловой полноты слов // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2008. – № 10. – С. 92 – 96.
167. Попов Н.П. Советские писатели на фронте // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 9 – 16.
168. Потebня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 300 с.
169. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М.: РАН, 2006. – 50 с.
170. Прокофьева А.В. Textoобразующие функции фразеологических единиц в поэзии В.С. Высоцкого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Перемена, 2002. – 19 с.
171. Протченко И.Ф. Из заметок об изучении лексики // Вопросы филологии. – М.: ИЯ РАН, 1969. – С. 298 – 303.

172. Прохорова В.Н. Об эмоциональности термина // Лингвистические проблемы научно–технической терминологии. – М., 1970. – С. 68 – 73.
173. Пчелинцева М.А. Языковая игра как вид рефлексии русских писателей–эмигрантов над реалиями советской действительности // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 186 – 189.
174. Пыриков Е.Г. Военная терминология как объект сопоставительных исследований // Функционирование системы языка в речи. – М.: Изд–во МГУ, 1989. – С. 98 – 111.
175. Радбиль Т.Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. – 2011. – № 3. – С. 54 – 60.
176. Радзиховская В.К. О социальном и прагматическом аспектах функционально–семантической категории взаимности (на материале художественных произведений о войне) // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 12 – 13.
177. Райчева Э.А. Приемы литературной и нелитературной эвфемии (на материале идиостиля А.С. Пушкина) // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7. – С. 112 – 116.
178. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А. Лингвокультурологические аспекты современных словообразовательных процессов // Русский язык в школе. – 2011. – № 4. – С. 64 – 71.
179. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. – М.: Изд–во АН СССР, 1961. – С. 46 – 54.
180. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 399 с.
181. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

182. Русский язык и русская культура. 100 очерков и бесед на радио / Под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2003. – 478 с.
183. Русский язык и советское общество (социолого–лингвистическое исследование). Лексика современного русского языка / Под. ред. М.В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 184 (4) с.
184. Сарбаш Л.Н. «Инонациональное» в творчестве русских писателей XIX века: поволжские народы в Отечественной войне 1812 года // Филологические науки. – 2011. – № 5. – С. 36 – 45.
185. Селеменова О.А. Реализация концепта «Состояние природы» средствами синтаксиса русского языка // Филологические науки. – 2011. – № 2. – С. 47 – 55.
186. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
187. Сердобинцева Е.Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 396 – 401.
188. Сироткина Т.А. Ономастические концепты в художественном сознании автора // Сталинградская гвоздика: сб. матер. междунар. форума препод. рус. яз. и лит–ры славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд–во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – 324 с. – С. 268 – 274.
189. Скворцов Л.И. Из истории слов и выражений периода Великой Отечественной войны (Русский язык эпохи 1941 – 1945 гг. как один из источников пополнения современной литературной и просторечной лексики и фразеологии) // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 59 – 65.
190. Складревская Г.Н. Метафора в системе языка. – 2–е изд., стереотип. – С–Пб.: Изд–во СПбГУ, 2004. – 166 с.
191. Скоробогатова Т.И. Память о контекстах речевого употребления фразеологических единиц как фактор динамизации исторической памяти //

- Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7. – С. 69 – 72.
192. Скрипак И.А. Метафора как когнитивная модель в научном дискурсе: Язык. Текст. Дискурс // Межвузовский научный альманах / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 4. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2006. – С. 162 – 165.
193. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. – М.: Либроком. – 120 с.
194. Сложеникина Ю.В. О соотношении понятий «значение» и «смысл»: к проблеме терминологической вариантности // Вестник СамГУ. Языкознание. – 2006. – № 1. – С. 123 – 133.
195. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
196. Солнышкина М.И., Мочелевская Е.В. Источники формирования профессионального языка // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 71 – 75.
197. Сонин А.Г. Концепт как объект лингвистики: движение за границу научности // Русский язык в школе. – 2011. – № 5. – С. 64 – 70.
198. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI – XVII вв.). – Л.: Наука, 1970. – 381 (3) с.
199. Соснора В. Литература и война // Знамя. – 2000. – № 5. – С. 12.
200. Степанов А.В. Метаязык и метастиль войны в военных мемуарах и в художественных произведениях // Русская речь. – 2006. – № 6. – С. 20 – 24.
201. Супрун В.И. [Рецензия] // Вопросы языкознания. – 2014. – № 4. – С. 145 – 148. Рец. на кн.: Ю.В. Сложеникина. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. – М.: Либроком. – 120 с.
202. Тарасов Б. На всю жизнь // Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: Повесть. – Волгоград: Н-Волж. кн. изд-во, 1971. – 285 с. – С. 5 – 10.
203. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

204. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
205. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173 – 203.
206. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.
207. Теория метафоры / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
208. Тираспольский Г.И. Из истории древнерусских фразеологизмов // Филологические науки. – 1996. – № 6. – С. 54 – 61.
209. Токарева И.Ю. О типологии лингвокультурных деталей в тексте // Русская словесность. – 2010. – № 3. – С. 73 – 75.
210. Томашевский Б.В. Стилистика. – Л.: ЛГУ, 1983. – 286 с.
211. Трегубчак А.В. Семантика сравнения и способы ее выражения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 27 с.
212. Туранина Н.А., Никитенко Л.И. Метафора и метафорический контекст в женской поэзии начала XX в. // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 7. – С. 109 – 112.
213. Тюкова И.Н. Особенности функционирования тропов как лексических регулятивов в поэтических текстах Б. Пастернака (на материале книги «Сестра моя – жизнь») // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2005. – Выпуск 3 (47). – С. 49 – 53.
214. Уварова О.В. Дискурсивные стратегии интерпретации стилистического приема сравнения (на материале английской художественной литературы XIX–XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 176 с.
215. Ульман С. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике. – Вып. 2. – М.: Наука, 1962. – С. 17 – 44.

216. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – Изд. 2–е. – М.: Красанд, 2010. – 328 с.
217. Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка / Под общ. ред. и с предисл. В.Я. Дерягина. Изд. 2–е. – М.: Изд–во ЛКИ, 2008. – 176 с.
218. Филин Ф.П. Очерки по истории языкознания. – М.: Наука, 1982. – 334 (2) с.
219. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. – Т. 80. – Л., 1949. – 215 с.
220. Филиппов В.В. Научная конференция «Изображение Великой Отечественной войны в советской и зарубежной художественной литературе» // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 66 – 68.
221. Хлынова О.С. Лексико–грамматическая адаптация германских заимствований в русском языке конца XX века (на материале прессы 1991 – 2000 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Перемена, 2001. – 24 с.
222. Чередниченко О.М. Абстрактное слово в военной прозе Астафьева // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: матер. всерос. конф. (18 – 19 мая 2000 года). – Липецк, 2000. – 90 с. – С. 55 – 57.
223. Черникова Н.В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 71 – 80.
224. Черушев Н.С. Из ГУЛАГа – в бой. – М.: Вече, 2006. – 512 с.
225. Чухрай Г. Если дорог тебе твой дом: Воспоминания солдата и режиссера // Родина. – 1995. – № 9. – С. 81 – 88.
226. Шагалов А. Уроки мужества (По страницам современной прозы о войне) // Литература и современность. Сб. 22–23. Статьи о литературе 1984 – 1985 годов. – Редкол. А. Бочаров, В. Гусев, Ф. Кузнецов и др.; Сост. И. Скачков. – М: Худож. лит., 1986. – С. 479 – 513.

227. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно – эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998. – 149 с.
228. Шацкая М.Ф. Языковая игра в произведениях русской литературы XX века: семантико–синтаксический аспект // Сталинградская гвоздика: сб. материалов междунар. форума препод. рус. яз. и лит–ры славянских стран и государств СНГ / Под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд–во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – С. 264 – 268.
229. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76 – 87.
230. Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. – 1995. – № 1. – С. 41 – 54.
231. Ширяева О.С. Динамика семантической структуры слова *душа* в советской прозе // Известия ВГСПУ. Серия: Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 53 – 56.
232. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
233. Этнопсихолингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Морковина, А.Н. Крюков и др. / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
234. Юшин П.Ф. Литература о ратном подвиге советского народа // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 5 – 8.
235. Deutsch als Fremdsprache // Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutsch–unterrichts für Ausländer. – 1992. – № 29. – Jahrgang. – 127 s.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ, СПРАВОЧНИКОВ

1. Б – Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. – М.: Изд-во ЭТС, 1995. – 820 с.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.– Л.: Наука, 1950–1965.
3. БЛС – Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 (1) с.
4. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
5. БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е (репринтное) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – М.: Научное изд. «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 685 с.
6. ВОВ – Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.
7. ВССРР – Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 940 (1) с.
8. ВЭС МО РФ – Военный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации (Минобороны России). Режим доступа: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>.
9. КСРК – Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
10. ЛЭ – Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М.–Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925.

11. МАС – Словарь русского языка в четырех томах. – Изд. 3–е, стереотип. – М.: Русский язык, 1981 – 1988.
12. РФ – Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1990. – 220 с.
13. СВЭ – Советская военная энциклопедия: В 8 т. / Под ред. А.А. Гречко – М.: Воениздат, 1976 – 1980.
14. СД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4–х т. – Т. 4. – М.–СПб: Изд–ие Вольфа, 1882. – 704 с.
15. СОВ – Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.: под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
16. СРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 .
17. СРПиП – Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7–изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
18. СРС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
19. ССА – Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Рус. словари, 1999. – 433 с.
20. ССРЯ – Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – 11–е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.
21. ССС – Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 2–е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1983. – 688 с.
22. СФС – Жуков В.П. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
23. ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4–е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
24. УТС – Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.

25. ФС – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – изд. 2–е, стереотип. – М.: Сов. энцикл. 1968. – 543 с.
26. ФилС – Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – изд. 5–е. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
27. ФСРЯ – Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – М.: ЮНВЕС, 2003. – 608 с.
28. ФСРЯ 2 – Булыко А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – Мн.: Харвест, 2007. – 448 с.
29. ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4–х т. / Под ред. проф. Б.А. Ларина. – издание 2–е стереотип. – М.: Прогресс, 1986–1987.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ал – Алексеев М.Н. Тетрадь, начатая под Сталинградом: рассказы и очерки. – М.: Дет. лит., 1986. – 192 с.
2. Ас – Астафьев В.П. Пастух и пастушка: Повести. Рассказы. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – С. 200 – 330.
3. Б – Бакланов Г.Я. Навеки – девятнадцатилетние. Повесть // Роман–газета. – 1980. – № 10. – 76 (3) с.
4. БВ – Васильев Б.Л. А зори здесь тихие... Повесть. – М.: Советский писатель, 1977. – 144 с.
5. В – Воробьев К.Д. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1980. – 512 с.
6. ВК – Кондратьев В.Л. Сашка. Повести и рассказы. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
7. ВК 2 – Кондратьев В.Л. Лихоборы // Имя его известно: Сб. пр–ий советских писателей о войне. – М.: Современник, 1986. – С. 5 – 29.
8. ВН – Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: Повесть. – Волгоград: Н–Волж. кн. изд–во, 1971. – 285 (3) с.
9. Г – Генатулин А.Ю. Атака // Имя его известно: Сб. пр–ий советских писателей о войне. – М.: Современник, 1986. – С. 108 – 156.
10. Гор – Горбунов М.Н. В темные яры // Имя его известно: Сб. пр–ий советских писателей о войне. – М.: Современник, 1986. – С. 157 – 175.
11. Ил – Ильина Е.Я. Четвертая высота. Повесть. – М.: Учпедгиз, 1954. – 207 (1) с.
12. К – Курочкин В.А. На войне как на войне: Повесть. – М.: Современник, 1984. – 96 с.
13. КК – Колесов К.П. Самоходка номер 120 // Имя его известно: Сб. пр–ий советских писателей о войне. – М.: Современник, 1986. – С. 176 – 211.

14. Кор – Коробейников М.П. Перед концом войны // Имя его известно: Сб. пр–ий советских писателей о войне. – М.: Современник, 1986. – С. 212 – 225.
15. Н – Надеждина Н.А. Партизанка Лара: Повесть. – М.: Дет. лит., 2005. – 170 с.
16. П – Полевой Б.Н. Повесть о настоящем человеке. Повесть. – М.: Сов. Россия, 1983. – 272 с.
17. С – Симонов К.М. Повести. – М.: Сов. Россия, 1984. – 464 с.
18. Т – Тендряков В.Ф. День, вытеснивший жизнь // Имя его известно: Сб. пр–ий советских писателей о войне / Сост. В. Васильев. – М.: Современник, 1986. – 400 с. – С. 30 – 89.
19. Смирнов В.В. Тревожный месяц вересень. – М.: Эксмо, 2012. – 380 с.